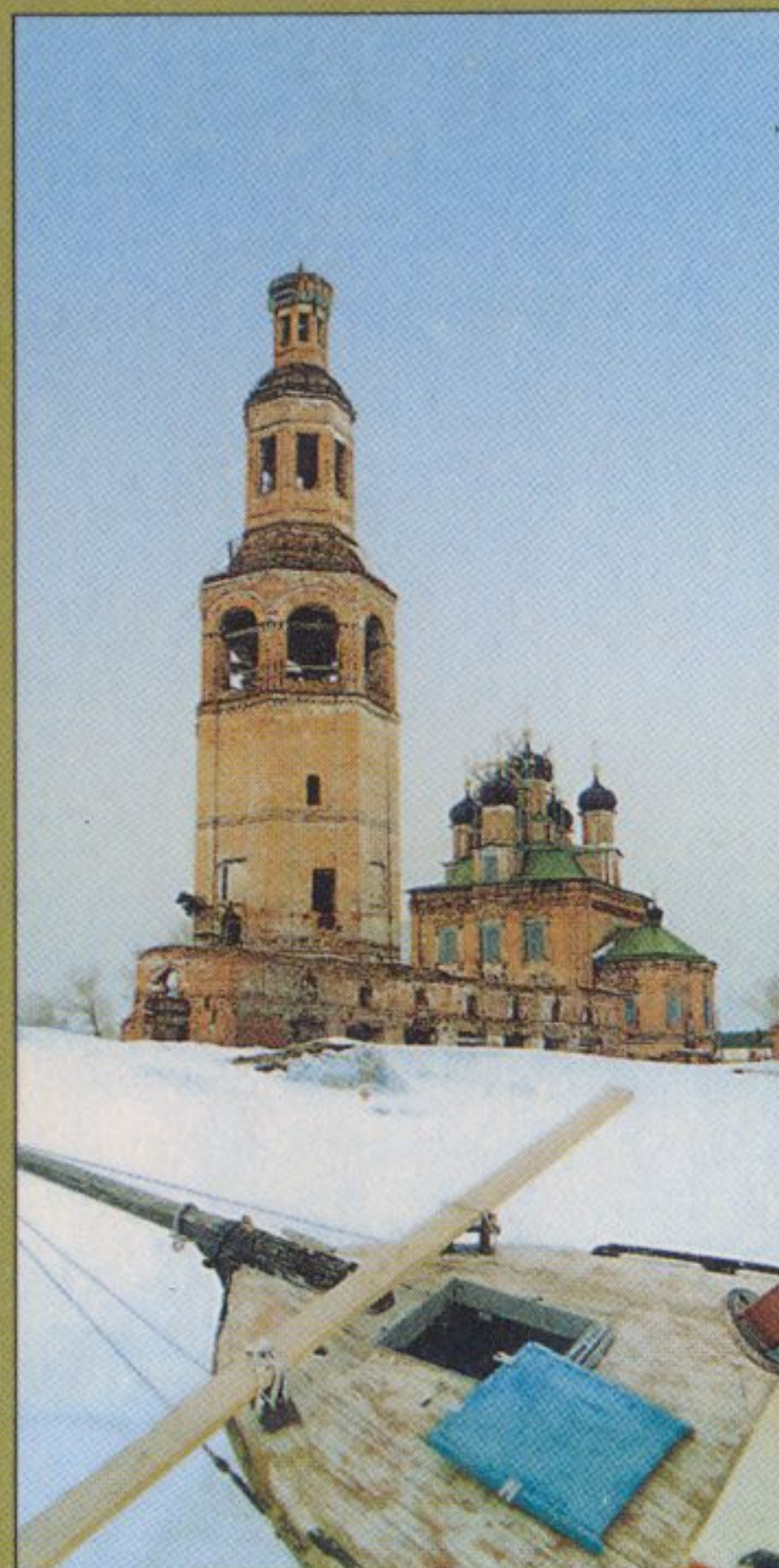
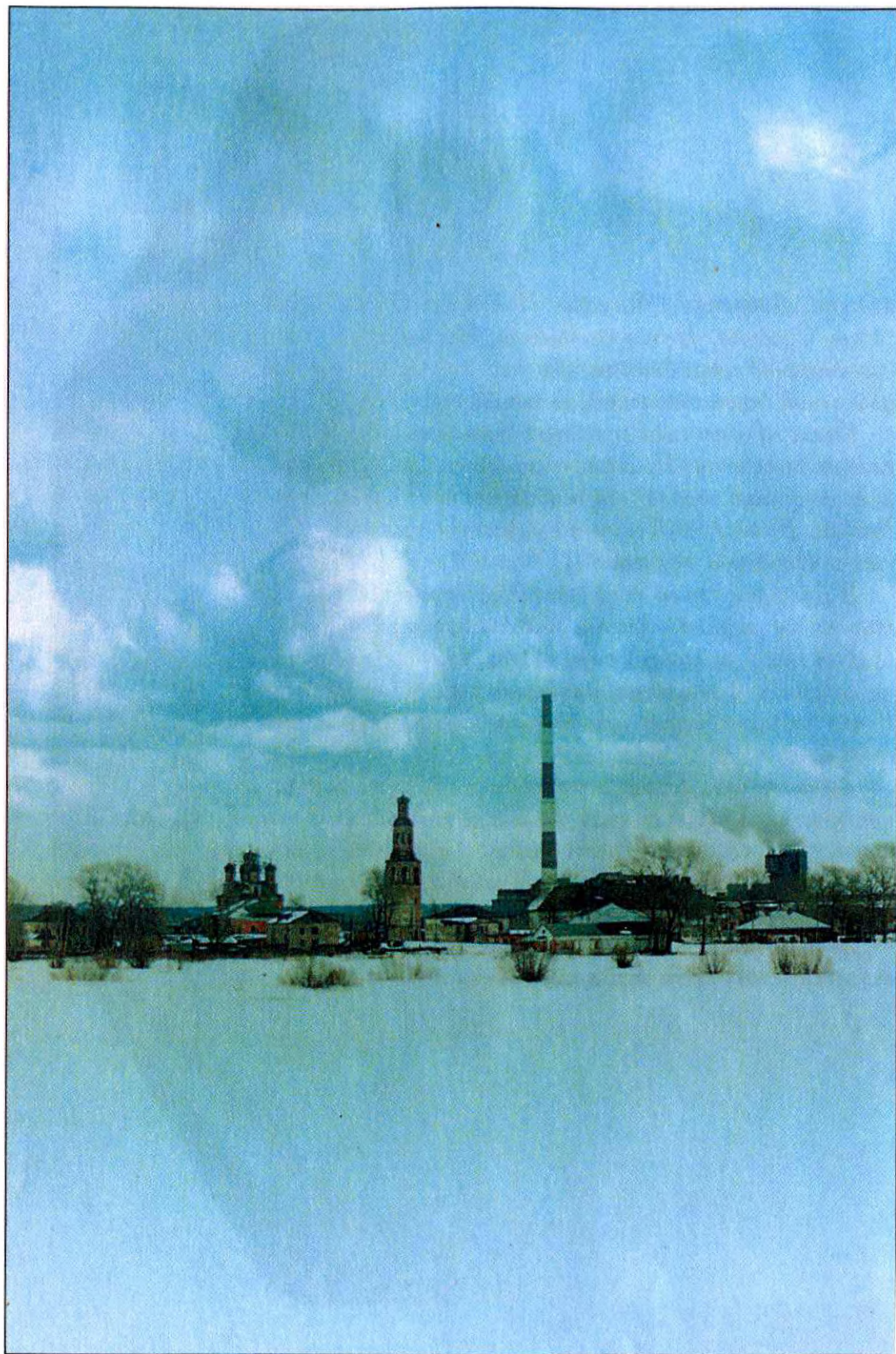

о городах
и весям
Прикамья

Г. П. ГОЛОВЧАНСКИЙ, А. Ф. МЕЛЬНИЧУК

СТРОГАНОВСКИЕ ГОРОДКИ, ОСТРОЖКИ, СЕЛА

Г.П. ГОЛОВЧАНСКИЙ

А.Ф. МЕЛЬНИЧУК

**СТРОГАНОВСКИЕ
ГОРОДКИ, ОСТРОЖКИ, СЕЛА**

Пермь
«Книжный мир»
2005

Книга знакомит с историей и культурой строгановских поселений и издается в серии «По городам и весям Прикамья», которая предназначена для реализации национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования. Издание адресовано школьникам, педагогам, а также всем, кто интересуется Пермским краем.

Рекомендовано департаментом образования Пермской области
(решение научно-педагогического совета от 28.10.04 г. № 2/2)

Серия выходит
под общей редакцией канд. филол. наук
А. Л. Зимина,
председателя департамента образования
Пермской области

Научный редактор –
доктор ист. наук, проф.
Г. Н. Чагин

Рецензенты:

А. В. Шилов,
канд. ист. наук,
доцент Пермского государственного университета;
Н. П. Горбачевич,
главный методист ПОИПКРО;
Н. В. Жужгова,
учитель-исследователь гимназии № 7 (г. Пермь)

ISBN 5-93824-055-7

© Г. П. Головчанский, А. Ф. Мельничук, 2005
© Книжный мир, 2005

Строгановы и Прикамье... Фамилия крупнейших российских солепромышленников неразрывно связана с историей освоения края в эпоху позднего средневековья и нового времени. Хотя родовое гнездо Строгановых находилось на Русском Севере, в г. Сольвычегодске, Прикамье являлось основной областью интересов этой уникальной семьи предпринимателей, вышедших из непривилегированных купеческих слоев.

В трудный период истории России, осложненный затяжной Ливонской войной, ведущейся на западных рубежах Московского государства, Строгановы на свои личные средства начинают обустройство огромной территории, сравнимой по площади и богатству с рядом крупных европейских государств. Для Строгановых эти земельные пространства, не имеющие городов, сел, освоенной пашни, представлялись пустыми. Однако до прихода сольвычегодских предпринимателей здесь обитало редкое коренное население. В лесных пространствах жили общины предков современного коми-пермяцкого народа, в лесостепных – раннебашкирские кочевые группы населения (остяки), в предгорных районах западного склона Урала промыслили диких животных воинственные манси (вогулы).

Московское государство во второй половине XVI в. не обладало материальными ресурсами для активного освоения края из-за особенностей политической и экономической обстановки. Царь Иван IV Васильевич своими жалованными грамотами поддержал частную инициативу Строгановых, определенно предполагая, что в дальнейшем освоенные территории принесут значительные доходы «государевой казне».

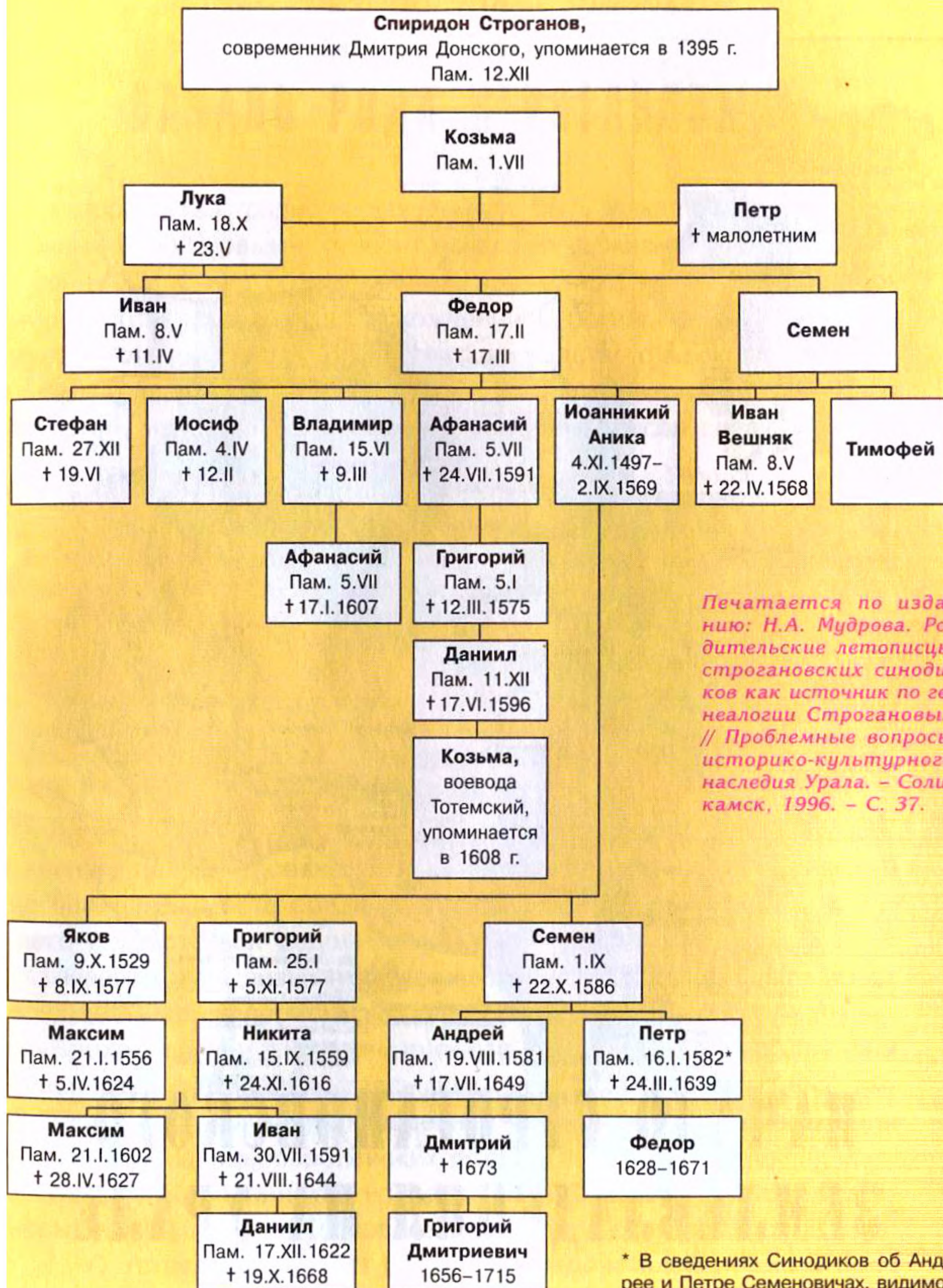
Конечно, нельзя идеализировать клан Строгановых как благонравную семью меценатов-патриотов, безвозмездно вкладывающих свои средства в обустройство огромной территории. В первую очередь их интересовали природные ресурсы Верхнего Прикамья и особенно соляные источники. Естественно, Строгановы проводили насильственную политику по отношению к коренному населению, сгоняя их с родовых земель, захватывая их лесные угодья. Сильнейшей эксплуатации подвергалось и русское население, работавшее на соляных промыслах и крестьянских пашнях. Однако винить в этом Строгановых с позиции нашего

времени вряд ли справедливо. На территории растущего Московского государства в эпоху позднего средневековья сохранялось рабство, свободное городское население несло непосильное тягло, крестьяне постепенно прикреплялись к земле.

Во второй половине XVI и в XVII в. на р. Каме и ее притоках Чусовой и Сылве возникают укрепленные городки, соляные промыслы, деревни с пашнями. В этот период создается своеобразный вотчинный строгановский мир – уникальный для истории России того времени. Хотя первые города на территории Верхнего Прикамья Чердынь и Соликамск возникают здесь задолго до появления Строгановых, но именно деятельность солепромышленников привносит на территорию края новые элементы городской культуры. Строгановские городки по уровню быта и жизни своих жителей намного превосходили городские центры Перми Великой. Это подтверждают археологические источники. На строгановских поселениях впервые в Прикамье появляются изразцовые печи, сначала только у вотчинников, а затем, с появлением своего изразцового производства, в зажиточных семьях непривилегированного населения. В XVIII в. жители строгановских поселений начинают использовать в быту стеклянную посуду, парадную поливную и чернолощеную московскую керамику. При раскопках строгановских поселений археологи нашли огромное количество медных монет, особенно второй половины XVIII – первой четверти XIX в., в то время как при исследовании Чердыни, Соликамска и губернского города Перми они встречаются намного реже.

История городков, острожков и сел строгановского мира, особенно в ранние периоды их существования, имеет еще много белых пятен. В этой книге авторы впервые попытались при помощи письменных исторических источников вкупе с археологическими материалами дать более или менее полную картину развития центров строгановской вотчины во второй половине XVI–XVIII вв. В ней также отражены страницы последующей истории таких центров, как слобода Новое Усолье, с. Ильинское и другие населенные пункты, не утраченные фамилией Строгановых в XVIII в. после разделов или продажи владений. Небольшой раздел посвящен строгановским металлургическим заводам XVIII–XIX вв., особенно тем, которые выросли в города (Добрянка, Очер). Их история неразрывно связана с линией развития горнозаводских поселков всего Западного Урала, но о ней расскажет другая книга серии «По городам и весям Прикамья».

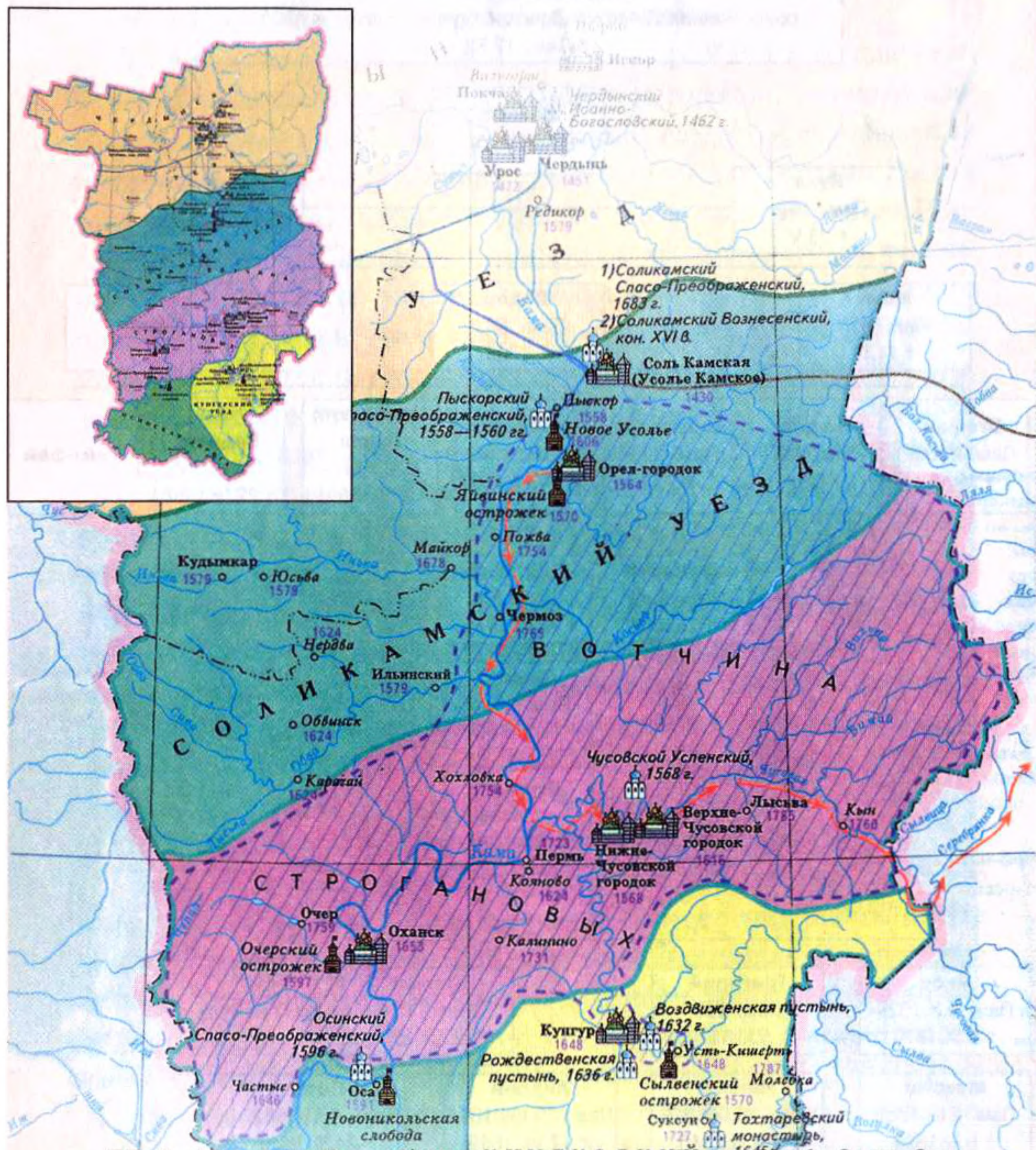
РОДОСЛОВИЕ СТРОГАНОВЫХ С XIV ДО НАЧАЛА XVIII в.

Печатается по изда-
нию: Н.А. Мудрова. Ро-
дительские летописцы
строгановских синоди-
ков как источник по ге-
неалогии Строгановых
// Проблемные вопросы
историко-культурного
наследия Урала. – Соли-
камск, 1996. – С. 37.

* В сведениях Синодиков об Анд-
рее и Петре Семеновичах, видимо,
допущена какая-то ошибка: Петр не
мог родиться через 5 месяцев пос-
ле рождения брата Андрея.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАЧАЛО СТРОГАНОВСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ НА УРАЛЕ XVI в.

*«...От стародавней фамилии
новгородской...»**

НАЧАЛО РОДА СТРОГАНОВЫХ

Историческая традиция, заведенная, быть может, самими Строгановыми, относит начало их фамилии к концу XIV в. или более раннему времени. В конце XVII в. сформировалась легенда о происхождении Строгановых от татарского мурзы Золотой Орды и об их близком родстве с московскими князьями. Голландец Николай Витзен в книге «Северная и Восточная Татария», изданной в Амстердаме в 1692 г., писал следующее:

«Их (Строгановых. – Авт.) родоначальник родился в Золотой Орде, близ Астрахани, и был сыном тамошнего царя. Пожелав принять христианскую веру, он отправился в Россию, где по обряду греческой церкви был крещен и вступил в супружество с выданною за него царем (имеется в виду князь Дмитрий Донской. – Авт.) родною его дочерью. По совершении сего брака, когда Строганов остался в России, татары за сие столько вознегодовали, что начали войну с россиянами. Царь послал Строганова самого с войском против татар; но неприятели взяли его случайно в плен и лишили жизни, сострогав с него все тело. Страдалец оставил после себя беременную супругу; рожденному его сыну дали наименование Строганова, которое и поныне сохраняют его потомки»**.

** В заголовках главок использованы цитаты из подлинных документов.*

*** Все цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации источника, за редкими исключениями, когда использование современных знаков препинания необходимо для прояснения смысла.*

Легенда эта не выдерживает критики: вероятно, она была сочинена с целью «удревнения и облагораживания» рода, занявшего не последнее место среди российских аристократов, но не могущего похвастаться родовитостью. По существу, это одна из так называемых фальшивых генеалогических легенд, которые возникают в конце XVII в., в период создания свода дворянских родословных в «Бархатной книге». Именно тогда большинство неродовитых дворянских фамилий, пытаясь повысить «благородный» ценз, выводили свое начало из вымышленных элитных золотоордынских или «немецких» западноевропейских родов.

Известный российский историк С. М. Соловьев считал Строгановых выходцами из Московской или Ростовской земли.

Н. Г. Устрялов, один из первых исследователей истории рода Строгановых, считал их выходцами «из дома Добрыниных от стародавней фамилии новгородской». В качестве доказательства он

приводил упоминание об этом роде в сборнике Кирилло-Белозерского монастыря, а также тот факт, что Строгановы издревле владели обширными поместьями в Устюжском и Сольвычегодском уездах – «старинных областях новгородских». Впрочем, следы этого сборника больше никому из исследователей разыскать не удалось.

Еще один строгановский летописец – Ф. А. Волегов – не сомневался в том, что род Строгановых выходит из Новгородской земли, но, считал он, этот род не имеет никакого отношения к фамилии Добрыниных. Строгановы, по мнению Ф. А. Волегова, происходят из богатых горожан Великого Новгорода. В 1471 г., когда в Новгороде вспыхнуло восстание против Москвы за вольность новгородскую, Строгановы не приняли в нем участия, удалившись в Устюжский уезд, поэтому и не подверглись репрессиям, хотя лишились солеварен, если таковые у Строгановых в Новгороде существовали.

Таким образом, на сегодняшний день нет оснований полагать, что род Строгановых восходит к татарским мурзам и берет начало от брака одного из них с дочерью Дмитрия Донского: корни знаменитого семейства находятся в Новгородской земле.

Интересно проследить, как прошло возвышение этой фамилии, приведшее в конце концов к получению баронских и графских титулов.

В 1722 г. Строгановы по повелению императора Петра I представили в Сенат свою родословную. Первым в этой родословной значится Спиридон Строганов, умерший в 1395 г.

Кузьма Спиридонович Строганов вошел в российскую историю тем, что участвовал в 1445 г. в выкупе князя Василия Темного из казанского плена.

Первая половина XV в. в истории российской известна прежде всего крупной междоусобицей князей, получившей название феодальной войны, которая во многом определила дальнейший ход и характер объединения земель вокруг Москвы, заложила основы российского самодержавия. Великий князь московский Василий Васильевич, после ослепления в 1446 г. прозванный Темным, вынужден был бороться за княжеский престол со своим дядей Юрием Дмитриевичем и двоюродными братьями Василием Юрьевичем Косым и Дмитрием Юрьевичем Шемякой. Москва много раз переходила из рук в руки.

В то время, когда шли раздоры в русских землях, подобные же усобицы сотрясали остатки Золотой Орды. В результате борьбы из

Золотой Орды был изгнан хан Улу-Махмет. Со своими воинами он отправился на Оку, разорил там русские волости, затем пошел на Волгу и основал город Казань и Казанское ханство. После этого он предпринял несколько походов против русских земель, достигая самой Москвы. Чтобы остановить захватчика, князь Василий Васильевич собрал войско, выступил против Улу-Махмета, но под Суздалем в 1445 г. был разбит и взят в плен.

За плененного князя Улу-Махмет потребовал выкуп. Сумма этого выкупа, по разным источникам, колебалась от 200 тыс. до 29 тыс. 500 рублей.

Историки спорят, всю сумму за князя внес Кузьма Спиридонович или только часть, но то, что он участвовал в выкупе и заплатил изрядный куш, не подлежит сомнению. 24 марта 1610 г. новый государь российский Василий Шуйский, прося у Строгановых денег для пополнения казны, писал:

«Вспомните, какой великой чести удостоились ваши предки, когда выкупили великого князя Василия Васильевича из плена».

Сын Кузьмы Строганова Лука, означенный как «московский человек», выступал в 1472–1478 гг. истцом против новгородцев, требуя у них часть так называемых двинских земель. У Луки же Строганова было три сына: Федор, Семен и Иван. Семен и Иван умерли в малолетстве. О Федоре Лукиче сохранилось только упоминание в описании Сольвычегодска (в челобитной его внука Афанасия Владимировича Строганова от 1596 г.):

«...На посаде в Строганове улице деда его Афанасьева Федора Строганова место дворовое лежит пусто».

Известия о первых Строгановых, приведенные в родословной, противоречивы. Судя по всему, у ее автора не было точных сведений, поэтому, например, смерть Федора Лукича, по этому документу, произошла за 36 лет до рождения его сына Аники (Аникия, Аникея). Это противоречие заметил историк А. А. Введенский, объясняя его тем, что в начальной части родословия приведены не даты рождения-смерти, а даты «активной деятельности» представителей рода Строгановых.

Из сыновей Федора Строганова особенно выделяется Аника Федорович. Еще семнадцатилетним юношей, в 1515 г., он по собственной инициативе заводит в Соли Вычегодской солеваренный промысел. Через два года, в 1517 г., его братья получают царскую грамоту на Соль Качаловскую да «лес дикий».

Аника Строганов разворачивает бурную деятельность. В 1526 г. он скупает варницы в Сольвычегодске. Правительство было заинтересовано в развитии солеваренного производства, и 24 октября 1545 г. на посад Сольвычегодска отправлена специальная поощрительная царская грамота. В 1550 г. Аника Строганов получает уже личную грамоту, по которой ему пожалована земля близ Сольвычегодска, а также дано освобождение от пошлин на шесть лет.

Но не только соль интересует Анику. Он организует скупку и добычу пушнины, железодутное и кузнечное производство. 12 апреля 1556 г. предприимчивый Строганов получает от Ивана Грозного разрешение «искать медные и железные руды на Устюге, в Перми и других местах». Он организует поставки хлеба в Астрахань. К 1577 г. Анике с сыновьями принадлежат 10 соляных варниц близ Вычегодска, склады и дворы в Москве, Коломне, Калуге, Рязани, Переславле, Коле, Великом Устюге. Строгановы торгуют не только внутри государства, но и поддерживают связи с Литвой.

Деловая активность Строгановых была отмечена правительством Ивана Грозного. В 1558 г. Строгановы получают царскую грамоту на земли по Каме и Чусовой, и с этого момента начинается формирование их уникальной пермской вотчины.

«Места те неведомы и нехожены»

ПЕРМСКИЕ ЗЕМЛИ ДО ПОЯВЛЕНИЯ СТРОГАНОВЫХ НА УРАЛЕ

Огромные лесные пространства верхнего и среднего течения р. Камы были заселены, как уже говорилось, задолго до прихода сюда Строгановых. На обширных просторах Пермского края с его щедрой природой люди селились начиная с глубокой древности, уходящей в каменный век.

Особое значение для древнего населения Пермского края имели месторождения медной руды, соляные источники и леса, богатые пушными животными. Из меди делали орудия труда и оружие, пушнина шла на одежду, соль ценилась на вес золота. Природные

богатства давали возможность пермским народам торговать с соседними южными племенами, а затем с древними государствами Средней Азии и Античного мира.

Археологические раскопки городища древних коми-пермяков (IX–XIV вв.)

Бронзовая антропоморфная (уподобленная человеку, человекообразная) фигурка. Была связана с языческими культами, служила оберегом. Найдена во время раскопок городища древних коми-пермяков

Перед учеными давно стоит трудно-разрешимый вопрос: когда на территории Верхнего Прикамья были открыты соляные источники и сформировались способы добычи соли? Данные археологии позволяют предположить, что соль производилась населением Пермского края уже в эпоху первобытности.

В ходе исследований древнего памятника в урочище «Рассолы» на р. Боровой в Соликамском районе Пермской области археолог Г. А. Бординских обнаружил следы соляного промысла родановских племен, проживавших здесь в эпоху средневековья (IX–XIV вв.). В ту пору на территории Верхнего и Среднего Прикамья в основном проживало коренное на-

селение, которое являлось предками современного коми-пермяцкого народа. Это население оставило на карте Пермской области памятники ломоватовской (VI–IX вв.) и родановской (X–XIV вв.) культур. В их среде складывались пока еще примитивные кустарные формы технологии выварки соли из открытых источников. Но эти технологии уже давали возможность производить излишки соли для обменно-торговых операций.

Путем обмена на территорию Верхнего и Среднего Прикамья проникает огромное количество редких импортных изделий: монеты среднеазиатских, западноевропейских государств и Византийской империи, монетные слитки Древней Руси, драгоценная утварь, украшения из золота и серебра, стеклянные и каменные бусы. Привозных предметов из драгоценных металлов, среди которых встречаются выдающиеся произведения ювелирного искусства, здесь найдено намного больше, чем в других районах таежной Евразии. Это можно объяснить только тем, что кроме пушнины из прикамских земель везли соль, которой не было в других местах.

Вернемся к описанию памятника средневековья «Рассолы». На поселении существовал своеобразный производственный комплекс, состоящий из открытых очагов, на которых выпаривалась соль, и большой ямы-отстойника, облицованной глиной: в ней концентрировался соляной рассол. Интересно, что в пределах этого производственного комплекса найдены сильно коррозированные плоские железные пластины, которые когда-то являлись частями *чренов*, или *цренов*. Цренами называют большие железные сковороды, служившие для выпарки соли.

Древние коми-пермяки, судя по данным археологических раскопок, занимались в урочище «Рассолы» соляным промыслом довольно долго – начиная с X в. и кончая XIV–XV вв. Найденная здесь серебряная византийская монета, отчеканенная во время правления восточно-римских императоров Романа и Христофора в 921–931 гг., позволяет уточнить дату основания родановского поселения.

Но археологический памятник оказался «многослойным» (так бывает, когда на месте древнего поселения возникает новое): в земле ниже средневековых находок неожиданно были обнаружены остатки еще более древнего поселения, относящегося к концу эпохи среднекаменного века – мезолита (VII–VI тысячелетия до н. э.). Конечно, в открытии стоянки каменного века на р. Боровой вроде бы ничего особенного нет: таких стоянок на территории Пермской

области найдено немало. Но совпадение ее положения с выходом на поверхность соляных рассолов явно не случайно. Археологи обратили внимание, что в наборе каменных изделий значительно преобладают скребки – орудия, предназначенные для обработки шкур животных. В то же время фрагментов охотничьего вооружения и орудий для обработки костей животных было найдено незначительное количество. Исследователи обратились к данным этнографии и установили, что некоторые народы применяли следующий способ добычи соли: в море или соляные источники они опускали шкуры животных, пропитывали их соляным рассолом, затем вывешивали на солнце, на них через некоторое время выступала соль, и ее со шкур собирали при помощи скребущих орудий. Именно такой кустарный способ добычи соли явно применялся древними охотниками каменного века на стоянке в урочище «Рассолы». Конечно, таким способом удавалось добыть небольшое количество продукта, и использовалась эта соль лишь для собственных нужд. Более продуктивная технология добычи соли из соляных источников, очевидно, появляется с распространением железа в эпоху средневековья, когда создалась возможность соль из рассола выпаривать на огне при помощи железных емкостей.

Массовое поступление в Верхнее и Среднее Прикамье серебряных монет и драгоценной утвари начинается в VII–VIII вв. Основной поток этого импорта идет на берега нижнего и среднего течения Чусовой и Сылвы. Именно здесь впоследствии Строгановы начнут ставить соляные промыслы и осваивать свою вотчину. Любопытно, что именно из чусовских вотчин постоянно поступали древние раритеты в знаменитую коллекцию Строгановых. Например, в 1872 г. управляющий пермскими имениями Ф. А. Теплоухов сообщал С. П. Строганову о покупке им в д. Вереино на р. Чусовой трех среднеазиатских серебряных сосудов IV–V вв., на одном из которых имелось изображение древнеиранского шаха Шапура II. Интересные предметы и монеты древних среднеазиатских государств и Византийской империи были обнаружены на берегах рр. Шаквы и Барды в пределах современного Березовского района. Здесь также в древности могли добывать соль.

На рубеже IX–X вв. в Нижнем Прикамье формируется государство Волжская Булгария, население которого начинает активно развивать торговлю с древними коми-пермяцкими племенами Верхнего Прикамья. Из Волжской Булгарии поступают различные украшения, которые были изготовлены как в городах Нижнего Прикамья, так и в средне-

азиатских центрах. Как показали исследования археолога А. М. Белафина, на племенных территориях древнего коми-пермяцкого населения появляются болгарские фактории*, где нижекамские купцы за

* Ф а к т о р и я – торгово-снабженческий и заготовительный пункт в отдаленных промысловых районах.

пушнину и соль обменивали арабские серебряные монеты, среднеазиатские украшения и сосуды. Интересно, что некоторые фактории возникают непосредственно в центрах древней соляной добычи. Об этом

свидетельствуют археологические раскопки Городищенского городища на р. Усолке в непосредственной близости от г. Соликамска. Здесь было собрано огромное количество гончарной посуды государства волжских болгар, найдены торговые гирьки-разновесы, при помощи которых могли развешивать серебро и соль. По рр. Боровице и Усолке археологами сделаны замечательные находки предметов восточного серебра XI–XIV вв. Следы болгар найдены и в бассейне р. Зырянки, на территории г. Березники, на древнем городище Семино: здесь были обнаружены глиняные сосуды, изготовленные в Булгарском государстве. Вблизи Семинского городища был найден клад из серебряных изделий среднеазиатского происхождения.

Таким образом, археологические исследования показали, что соль в Пермском крае добывалась, хотя и не промышленными темпами, еще до прихода русского населения. Соляные источники в районе современных городов Соликамск и Березники были открыты коренным коми-пермяцким населением.

В первой половине XV в. начинается колонизация Верхнего Прикамья русскими. С северорусских территорий сюда проникает первоначально крестьянское население смешанного славяно-финского происхождения. За крестьянством следуют представители торгово-посадских кругов Новгорода, Устюга и других русских городов, которые занимались не только торговыми операциями с коренным коми-пермяцким населением, но и изучением природных ресурсов края. Именно торговые люди узнают о соляных богатствах Перми Великой и оперативно, до появления здесь военно-административных центров и монастырей, начинают развивать соляное производство. Для этого, вероятно, они заручались поддержкой местного населения.

Первые, правда смутные, известия о промышленной добыче соли относятся к 20–30-м гг. XV в., когда на р. Боровой новгородские купцы Калинниковы закладывают рассолоподъемные трубы. Впоследствии они переносят свою деятельность на р. Усолку, где формируется г. Соль Камская (в будущем Соликамск).

В 1472 г., после похода воеводы Ивана III князя Федора Пестрого, Пермь Великая окончательно вошла в состав молодого Московского государства. Это привело к более интенсивному освоению края. К началу XVI в. Соль Камская упоминается в письменных источниках уже как значительный центр солеваренного промысла с «варенцы» и «цырны».

На будущей территории северных вотчин Строгановых до их прихода обитало коренное коми-пермяцкое и пришлое русское население – «пермяки» и «русаки». Следует полагать, что земли, примыкавшие к Соли Камской до устья р. Яйвы, где возникли впоследствии промышленные центры Строгановых, давно были освоены. Об этом свидетельствует то, что значительное число соляных варниц посадских людей Соли Камской и московских гостей располагалось по течению рр. Ленвы и Зырянки. Кроме того, на этих землях задолго до прихода сюда сольвычегодских промышленников появлялись крестьянские пашни. Рядом с пашнями вырастали небольшие населенные пункты – *починки*: так обозначали в русских средневековых документах поселения, возникшие в начале (в «почине») «росчисти» (рукотворное «чистое поле»). При наличии удобной запашки починки превращались в более долговременные поселения – *деревни* (от слова «дервь» – участок, где лес для создания крестьянской нивы выдирается с корнем). На р. Зырянке уже в 1623 г. упоминается более крупный населенный пункт – погост Зырянка, центр крестьянского общинного самоуправления с церковью, который не подчинялся Строгановым.

На землях будущей южной вотчины Строгановых в бассейне рр. Чусовой и Сылвы обитало вогульско-остяцкое и башкирское население. Предки коми-пермяков покинули эти районы в связи с военной опасностью в эпоху раннего средневековья, в VIII–IX вв. Их место в Сылвенско-Иренском поречье заняли кочевые раннебашкирские тюркские племена. В верховьях Сылвы и Чусовой обитали древнемансийские группы населения, которые занимались охотничьими и рыболовными промыслами. Вот почему, когда люди Строгановых проникли на берега Чусовой и Сылвы, им эти земли показались пустыми и необжитыми. В отличие от северных территорий, здесь до прихода Строгановых явно не имелось пашенного крестьянского земледелия и солеварения. Дело в том, что территория Среднего Прикамья до формирования строгановских вотчин не обладала укрепленными военно-административными центрами или форпостами, которые могли служить защи-

той для крестьян и солеваров от набегов воинственных отрядов кочевников.

А опасность в конце XV и в XVI в. была значительна. С востока по рр. Чусовой и Яйве на Пермь Великую нападали вогульские (мансийские) отряды, подчиненные сибирским ханам. В 1481 г. разорение Верхнего Прикамья совершил *«Асыка князь с пельинскими вогуличами»*. Серьезное нападение произошло в 1506 г., когда *«сибирский царь Кулуг Салтан»* захватил Соль Камскую и *«веренцы пожегл, цырны разорив, а пермяков и русаков вывел (в плен. – Авт.) и посекал»**.

* *Вычегодско-вымская летопись // Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – Сыктывкар, 1958. – С. 264.*

Помимо вогулов набеги на Пермь Великую совершали казанские татары и, что особенно интересно, «ногайские люди», которые кочевали в Нижнем Поволжье и Прикаспии. Особенно разорительным было нападение ногаев на Пермь Великую в 1547 г., когда они *«погосты пожгли, а заставу чердынскую русаков и пермяков побили»***.

** *Полное собрание русских летописей. – Т. 20. – Ч. 1. – СПб, 1910. – С. 451.*

С падением Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств военная опасность с юга значительно уменьшилась. Однако с востока, несмотря на то что с сибирским ханом Едигером были налажены мирные отношения, в любой момент могли произойти нападения воинственных вогуличей. В дальнейшем, с приходом к власти в Сибири хана Кучума, военная опасность резко возросла.

В этой связи правительство Ивана IV было крайне заинтересовано в окончательном освоении новоприобретенных волжских и камских земель. Огромные средства уходили на создание опорных пунктов на территориях, входивших ранее в состав Казанского и Астраханского ханств. Весной 1558 г. вспыхивает многолетняя Ливонская война. Ее начало удивительным образом совпадает с вручением Строгановым царской жалованной грамоты на земли по Каме. Иван IV был в это время заинтересован в направлении всех государственных ресурсов на решение западного, балтийского вопроса. В связи с этим ему было крайне выгодно использовать частную инициативу по обустройству прикамских земель кланом Строгановых, которые выбрали очень удачный момент для подачи царю челобитной. Как показали дальнейшие события, Иван Грозный не ошибся, положившись на эту предприимчивую семью.

*«...Се аз царь и великий князь
Иван Васильевич всея Руси пожаловал...»*

ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ИВАНА ГРОЗНОГО СТРОГАНОВЫМ НА УРАЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ

Первая царская жалованная грамота на уральские земли была получена Строгановыми 4 апреля 1558 г. Этот документ, пожалуй, требует подробного комментария.

Незадолго до составления грамоты, как гласит источник, Григорий Аникиевич Строганов «бил челом» Ивану Васильевичу. Он сообщил, что ниже Чердыни («Великие Перми») по р. Каме – от устья реки Лысьвы и от «Пызновской курьи» (устья реки Пыскорки) и до р. Чусовой – на 146 верст распространяются «места пустые, леса черные, реки и озера дикие, острова и наводки пустые», никому не принадлежащие, без поселений и пашен. Григорий Аникиевич просил дать разрешение «на том месте городок поставить, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальников и воротников устроить для береженья от ногайских людей... и около того места лес по речкам и до вершин и по озерам сечи, и пашню... пахати, и дворы ставить», а также искать рассол и, если таковой окажется, приступить к варке соли. Григорий Аникиевич просил разрешить ему также

Иван Грозный
Парсуна неизвестного художника XVIII в.

Жалованная грамота Ивана IV 1558 г.
о пожаловании Григорию Аникиевичу
Строганову земель по Каме и Чусовой

** Тексты жалованных грамот см.: Г.Ф. Миллер. История Сибири. – Т. 1. – М. – Л., 1937.*

призывать на эти места свободных – «неписьменных и нетяглых»^{*} – людей.

1558 год относится к эпохе реформ, связанной с деятельностью ближайшего кружка сподвижников Ивана Васильевича, с легкой руки Андрея Курбского названного «Избранной радой». В это время строится новая структура централизованного управления землями Русского государства, реформируются армия и церковь, идет активное продвижение на юг, восток и северо-запад границ Русского государства. В 1552 г. завоевана Казань, в 1556 г. занята Астрахань. В 1555–1556 гг. большая часть башкирских земель добровольно присоединяется к России, создается Уфимский уезд. В 1557 г. в состав Русского государства входят прикамские удмурты. Однако часть казанской знати бежит в Сибирь, где в это время идет усобица между достаточно лояльно настроенным в отношении Москвы ханом Едигером и его противником – ханом Кучумом. Едигера убивают, занявший престол Сибирского ханства Кучум старается вытеснить русских с уральских земель. Силы же Русского государства оттянуты на северо-запад, где с 1558 г. начинается борьба за берег Балтики – Ливонская война.

Итак, время было беспокойное, государство просто не имело средств и сил для освоения и защиты всех уральских территорий; и хотя уже существовали и Чердынь, и Соликамск, московский царь готов был пожертвовать частью доходов от возможных промыслов, переложив значительную долю забот по освоению края («пустых» уральских земель) на плечи проявивших инициативу частных лиц. Особенности момента очень хорошо уловили Строгановы. Они поняли, что в сложившейся ситуации Москва не будет проводить детального расследования по поводу того, насколько испрашиваемые земли действительно пусты.

Так и вышло: «казначей» царские ограничились только беседой с неким «пермитиным Кодаулом». Наверное, Строгановы обязаны были представить царской администрации не просто «пермитина», а человека, который мог занимать высокое социальное положение среди местного коми-пермяцкого населения (глава или старейшина рода, сотник). Недаром в грамоте 1558 г. сказано, что он «приезжал из Перми от всех пермич с данью». Этот Кодаул (возможное имя от коми-пермяцкого «кодя» – *хороший*), наверняка не без влияния Строгановых, сообщил «казначеям»:

«...О котором месте... Григорей бьет челом, те... места искони вечно лежат впусе и доходу в ... казну с них нет никторого, и у пермич (коми-пермяков. – Авт.)... в тех местех нет ухажав никторых... и с тех пустых мест преж сего... даней не шло, и ныне с них дани никторые не идут, и с пермичи не тянут ни в какие подати»*.

* Г. Ф. Миллер. *История Сибири.* – Т. 1. – М. – Л., 1937. – С. 333.

А между тем места, на которые претендовали Строгановы, были не такими уж пустыми. На этих землях, как уже говорилось, проживало редкое русское и коми-пермяцкое население. По подсчетам историка В. А. Оборина, их поселения находились на огромной территории – 3,4 млн. десятин. К слову сказать, первый укрепленный городок, выстроенный Строгановыми на Урале, – Канкор (Пыскор) – находился на месте древнего коми-пермяцкого городища. С коми-пермяцким названием связан другой городок – Орел (Кергедан). На территории, которая вошла в состав уральской вотчины Строгановых, археологи нашли множество других поселений коми-пермяков. Однако из-за отсутствия здесь военно-административных центров Московское государство не могло контролировать поступление с этой огромной территории податей. К тому же слабая освоенность и защищенность земель от Соли Камской до устья р. Чусовой создавала для центров Перми Великой постоянную угрозу от набегов ногайских, сибирских татар и вогульского населения.

Правительство Ивана IV в грамоте 1558 г. удовлетворяет прошение Григория Строганова, и это было ожидаемо. Вспомним, что Аника Строганов уже получал разрешение от правительства «искать медные и железные руды на Устюге, в Перми и других местах». Благодаря царскому разрешению люди Строгановых провели разведку на землях, расположенных вне административного влияния центра Перми Великой, установив их чрезвычайную перспективность для развития соляного промысла, несмотря на то, что предприятие это требовало огромных материальных затрат.

В грамоте 1558 г. Иван Васильевич велит Григорию Строганову:

«...На том пустом месте ниже Великие Перми за 80-т за 8 верст по Каме реке, по правую сторону Камы реки с усть Лысьвы речки, а по левую сторону Камы реки против Пызновские курьи, вниз по обе стороны по Каме до Чусовые реки, на горных лесех городок поставити, где бы место было крепко и усторожливо, и на городе пушки и пищали учинити... и около того городка ему по речкам и по озерам и до вершин лес сечи, и пашни около того городка распахивати, и дворы ставити, и людей ему в тот городок неписьменных и нетяглых называти... А где в том месте росол найдут, и ему тут варницы ставити и соль варити. И по рекам и по озерам в тех местех рыба ловити безоборочно».

Перепоручив Строгановым охрану и освоение уральских территорий, занятых их новой вотчиной, Иван Грозный устанавливает им льготы на двадцать лет. В течение этого срока со Строгановых не взимаются *«царева и великого князя дань, ни ямские, ни ямчужные деньги, ни посошная служба, ни городовое дело, ни иные некоторые подати, ни оброк с соли и рыбных ловель в тех местах»*.

Выгода была обоюдной: Строгановы могли беспрепятственно добывать соль и торговать ею, а государство получало еще и возможность разрабатывать рудные месторождения, если Строгановы таковые отыщут:

«А где будут найдут руду серебряную или медную или оловянную, и Григорью тотчас о тех ему рудах отписывать к нашим казначеям, а самому тех руд не делати без нашего ведома».

Вторая жалованная грамота была дана Якову Аникиевичу Строганову 25 марта 1568 г. – спустя десять лет после первой, полученной его братом. Дальнейшее расширение пермской вотчины Строгановых было связано с вхождением в 1566 г. их земель в состав опричнины *«с детьми, городками и промыслами»*.

Из грамоты мы узнаем, что *«по Чюсовые реки вверх на пустом месте при наволоке нашли росол, и они (Строгановы. – Авт.) деи у того росолу без нашего (Ивана Грозного. – Авт.) ведомо крепости учинити не смеют»*. Яков Аникиевич использует ту же аргументацию, что и Григорий: дескать, кругом земель места пустые, пашни непаханные, пошлин в царскую казну никто не платит, и если эти земли попадут в руки Строгановых, то они, с позволения великого князя, городки здесь поставят, разместят гарнизоны, призовут людей, отчего будет большая польза государству. И Иван Васильевич удовлетворяет просьбу Якова Строганова: дает льготу на десять лет на новые места. Кроме того, заслуживает внимания следующее пожалование:

«Коли он (Яков Строганов. – Авт.), или его люди или его слободы крестьяне поедут от Вычегодские соли мимо Пермь на Каму в слободу или слободы к Вычегоцкие соли, и наши Пермские наместники, и их тиуны, и доводчики и все приказные люди в Перми Якова и его людей и его слободы крестьян на поруки их не дают и не судят их ни в каких делах».

* Ф е о д а л ь н ы й
и м м у н и т е т – привилегия феодала осуществлять в своих владениях некоторые государственные функции (суд, сбор налогов, полицейский надзор и т. д.) без вмешательства представителей центральной власти.

Строгановы, таким образом, получают **феодалный иммунитет*** – право неподсудности и право самим вести судебные дела в своих вотчинах.

Это положение особенно интересно, так как

именно во времена Ивана Васильевича идет борьба с крупными родовыми вотчинными землевладениями князей и бояр, в том числе и с правом феодального иммунитета. Именно при Иване Грозном ликвидируется последний княжеский удел – Старицкий. Строгановы, таким образом, попадают в особую категорию населения Русского государства, начинают выделяться среди прочих вотчинников.

Более того: они не только освобождались на десять лет от выплаты прямых налогов, но и могли не оказывать помощи «государевым людям», проезжавшим через их вотчину:

«Коли наши послы поедут с Москвы в Сибирь или из Сибири к Москве, или из Казани наши посланники поедут в Пермь или из Перми в Казань... и Якову и его слобожанам нашим Сибирским послом и всяким нашим посланником в те его льготные 10 лет подвод и проводников и корму не давати; а хлеб и соль и всякой запас торговым людем в городе держати, и послом и гонцом и проезжим людем и дорожным продавать по цене, как меж себя купят и продают; и подводы, и суды, и гребцы и кормщики найдутся всякие люди проезжие, кому надоб, и кто у них дешевле похочется наняти».

«Пермичи», по жалованной грамоте, не могли оспорить переход земель во владение Строгановых:

«С пермичи ему (Якову. – Авт.) некоторые тягли* не тянуть и счету с ними не держати ни в чем до тех урочных лет. И во всякие угодыя пермичам, в земельные и лесные, от Чюсовыя реки по обе стороны Камы реки до Ласвинского бору, по речкам и по озерам и до вершин, у Якова не вступались ни в которые угодыя новые, которых угодей у пермичь и в писцовых книгах и в правожных грамотах не написано, а владеют пермичи старыми ужожи, которыми изстари владели по писцовым книгам, а Яков владеет своими новыми ужожи».

* Тягли – судебные разбирательства.

Информация о «пустых местах», как это было раньше с грамотой Григория Аникиевича, не перепроверялась, поэтому Иван Васильевич счел необходимым дополнить свою грамоту следующей припиской:

«А что будет нам Яков по сей челобитной ложно бил челом, или станет не по сей грамоте ходити или учнет воровати (здесь, вероятно, подразумевалась возможность присоединения к строгановским вотчинам земель, не указанных в грамоте. – Авт.), и сия моя грамота не в грамоту».

Интересно, что при освоении земель в приустьевой части р. Чусовой Строгановы получили льготы только на десять лет, а не на двадцать, как раньше. Видимо, Иван Грозный посчитал, что в своей северной вотчине они получили доходы, которые уже могут окупить их материальные издержки по освоению чусовской вотчины в более короткое льготное время.

При испрашивании земель Яков Строганов не пытался пользоваться услугами представителей местного населения для подтверждения того, что в приустьевой части «места пустые». Археологические данные свидетельствуют, что территория формирующейся чусовской вотчины Строгановых была на самом деле крайне слабо заселена. Древние коми-пермяки здесь уже не обитали. Все городища и селища, принадлежавшие им, оказались заброшены уже в эпоху раннего средневековья, в IX–X вв. Это было связано с тем, что в южные районы Прикамья проникают воинственные кочевые племена предков башкир, которые активно осваивали Сылвенско-Иренское поречье, что вызвало отток древних коми-пермяков в северные районы. Лишь небольшая группа пермского населения жила в районе современного города Чусового. В состав чусовской вотчины вошла и территория будущего города Перми. В грамоте прямо упоминается протяженность отведенных Якову Строганову земель «по обе стороны Камы реки» от устья Чусовой до «Ласвинского бору» (современный закамский бор до устья р. Ласьвы).

Первые царские грамоты заложили основу для существования в составе Московского государства уникального образования – уральской вотчины Строгановых, своеобразного государства в государстве, неподсудного, управляемого собственным судом, имеющего свои вооруженные силы «для сохранения от набегов». Полученные от государства финансовые льготы позволили роду Строгановых в кратчайшее время преумножить свое экономическое могущество. Границы испрашиваемых и жалуемых земель обозначены в грамотах довольно неясно; этим неоднократно воспользуются вотчинники, оспаривая право собственности на соседние земли у других владельцев – посадских людей Соликамска и уездных крестьян. И хотя были предприняты некоторые меры для предотвращения злоупотреблений и сохранения государством некоторого контроля за деятельностью Строгановых, но при желании и необходимости они будут с легкостью обходить запреты, наращивая свои владения и экономическую силу.

*«...Выдать им брата Семена головою
со все его животом...»*

СТРОГАНОВСКИЕ ВОТЧИНЫ В XVI В.

Аника Федорович Строганов умер 2 сентября 1570 г. После него остались обширные сольвычегодские и пермские владения, которые было необходимо разделить между сыновьями – Яковом, Григорием и Семеном.

Вокруг богатейшего наследства разыгрались нешуточные страсти. К сожалению, большая часть документов до нашего времени не дошла, и мы можем только по косвенным данным реконструировать события того времени.

Судя по всему, один из сыновей, Семен Аникиевич, попытался присвоить себе часть владений или имущества, обойдя братьев. Яков и Григорий обвинили его в воровстве и «били челом» государю. В результате семейный раздел производился по распоряжению государя (была прислана царская грамота) сольвычегодскими посадскими людьми Леонтием Пырским и Семеном Клисовым сыном Просужевым.

Леонтию Пырскому 27 июня 1573 г. было дано еще одно распоряжение:

«...Выдать им (Якову и Григорию Строгановым. – Авт.) брата Семена головою со все его животом и с его людьми и деловые за их руками велел есмя им отдать, что они с Семеном делились».*

** Цит. по: Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI-XVII вв. – М., 1962. – С. 45.*

Об исполнении распоряжения надлежало немедленно донести в Москву. Должно быть, злоупотребления Семена были весьма велики, раз потребовалось вмешательство государя!

Впрочем, московское правительство преследовало, вероятно, и иную, более насущную, нежели поддержание справедливости, цель: семейный конфликт грозил привести к тому, что охрана восточных рубежей государства, на которых находились вотчины Строгановых, могла ослабеть. Вопрос о том, кто из братьев какой частью Аникиевского наследства будет владеть, оказывался не только семейным, но и государственным.

Семен Аникиевич Строганов на некоторое время был отстранен от управления вотчинами. Однако уже в грамоте от 29 сентября 1577 г. мы вновь встречаем его имя в «деловой записи» «О полюбовном разделе дворов и деревень Сольвычегодской вотчины». Нам

неизвестно, каким образом Семен Аникиевич сумел вновь завоевать доверие и вернуть в свое управление полагавшуюся ему по наследству долю, но это так.

Из той же «деловой записи» узнаем, как пополняли Строгановы свои владения людьми:

* *Цит. по: Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI-XVII вв. – М., 1962. – С. 46–47.*

«А которые люди русаки по крепостей и полонские люди немцы и литвяки по купчим на кого иманы и куплены, тому теми людьми и владети. А вогуличи и остяки и татаров, которые в Перми в Государственном жалованье по сей день куплены, и те люди все Никите»*.

Про «вогуличи и остяки и татаров» все более или менее понятно. Но какие «немцы и литвяки» имеются в виду?

Московское государство в это время ведет Ливонскую войну. В ходе боев накапливаются пленные, и этих пленных – «полонских людей» – государство продает частным владельцам. Одними из покупателей и были Строгановы. Кроме того, их вотчины могли значительно пополниться зависимыми работными людьми в период подавления сепаратистского выступления местного населения (предков марийцев, удмуртов, башкир) в 1572 г.: *«...а которого повоюют, и тому тово живот, а жены и дети им в работу»*.

В 1574 г. Григорий и Яков Строгановы получают грамоту, которая послужит одним из оснований снаряжения экспедиции Ермака в Сибирь:

** *Шишонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1881. – Вып. I. – С. 70.*

«Его Царское Величество, государь царь и великий князь Иван Васильевич пожаловал их, Строгановых, все те места за Югорским Камнем, в сибирской украине, между Сибири, Начат и Тахчей и Тобол реку с речками и озерами, с устья и до вершины, где собираются ратные люди сибирского салтана, на тех землях позволено им принимать всяких чиновных людей, города и крепости строить, и на оных держать пушки, и пушкарей и пищальников, а ясашных вогуличей от нападок и разъездов татарских защищать; да и в самом царстве сибирском покорение оного под Российскую державу иметь старание, також по реке Иртышу и по Оби Великой, по обе стороны тех рек, людей населять и пашни пахать и угодьями владеть»**.

Впрочем, в середине 70-х гг. у Строгановых еще нет той военной силы, которая могла бы обратить царское пожалование в реальные земельные владения.

Яков и Григорий Строгановы поселились в пермских вотчинах, в отстроенных Орле-городке и Нижнем Чусовском городке; Семен же после опалы жил в Сольвычегодске.

Яков и Григорий Аникиевичи умирают один за другим в 1577 и 1578 гг. У Якова Аникиевича был сын Григорий, но еще в 1575 г.

его убили «разбойники» во время деловой поездки вместе с «дворовыми людьми», приказчиками Ананьей и Якимом, сопровождавшими своего хозяина. Таким образом, у строгановских вотчин остаются три управителя: Семен Аникиевич, Максим Яковлевич и Никита Григорьевич. Максиму Яковлевичу в ту пору шел 22-й год, а Никите Григорьевичу исполнилось 16 лет.

Дела, связанные с разделом вотчин, велись бурно. В январе 1578 г., после смерти Григория Аникиевича, было написано шесть «деловых записей», в феврале – две, в марте – одна, в июне – две. По этим записям можно судить, каким богатством (кроме земель и солеваренного промысла) владели Строгановы. По первой «деловой записи», они разделили московские богатства: «...яхонту и жемчугу, и перстней золотых, и алмазов, и серег всяких, и ланы* золотые, и что привез с собой Семен скорлату, и соболей, и алтабасу**, и часы песочные немецкие, и бархат четверчатый немецкой». Затем Строгановы делили «ковши серебряные», гардероб мужского платья и рогатый скот. По записи от 5 января 1578 г., были поделены «рухлядь всякая»*** и соль, бывшие в Коломне и Переяславле. 7 января делили людей, находившихся в Москве и принадлежавших Строгановым, – так называемые кабалы.

Семену и Максиму Строгановым кабал досталось на общую сумму в 365 рублей, а Никите – на 180 рублей 22 алтына и полторы деньги. В январе 1578 г. были разделены также дворы и варницы на «Коле на Муромском», в Вологде, люди и «всякий товар в Москве и Калуге, привезенный с немецкого торгу на Коле».

* Л а н – китайская монета, известная в русской торговле (40–50 копеек). Лана золота – 12 с половиною лан серебра.

** А л т а б а с – персидская парча.

*** Под р у х л я д ь ю обычно подразумевались меха пушных зверей.

В 1579 г. Семен Аникиевич, Никита Григорьевич и Максим Яковлевич наконец пришли к согласию по поводу вотчинного землевладения. Они решили, что все имущество необходимо «уверстать», а потом жить и править в своей части, не посягая на владения родственников. Никите Григорьевичу достались Орел-городок и деревни вокруг него, Семену Аникиевичу и Максиму Яковлевичу в совместное имение ушел Нижний Чусовской городок с ближайшей округой.

Чтобы предотвратить ссоры, племянники и дядя вновь обращаются к верховной власти – в Москву. Они просят прислать писца, который составил бы точные описания владений «по полюбовному их, Строгановых, между собой разделу». Просьба удовлетворена, и из Москвы прибывает «сотый писец» Иван Яхонтов. Однако приезд московского чиновника в пермские вотчины Строгановых был обусловлен

не только их желанием мирно разделить наследство. Именно в 1579 г. окончились двадцатилетний льготный срок освобождения от выплаты прямых налогов с северной вотчины и десятилетний срок льгот по чусовской вотчине. К этому времени в пределах земель Строгановых появилось много работного посадского и крестьянского населения, которое было обязано нести «государево тягло».

К сожалению, опись владений Строгановых, сделанная Яхонтовым, в целом виде до нашего времени не дошла. Подлинные писцовые книги сгорели в московском пожаре 1626 г. Однако один из списков, составленный на основе писцовой книги, по-видимому, попал в руки исследователя истории Строгановых Ф. А. Волегова. Список этот также был неполным – об этом пишет сам Волегов, – но он позволил ученому составить статистические таблицы, описывающие владения Строгановых по состоянию на 1579 г.

Итак, на Урале Строгановы имели: Орел-городок, Нижний Чусовской городок, слободы Сылва и Яйва, в которых было размещено административное управление вотчинами, 11 деревень, 28 починков, 352 двора, 406 человек мужского пола (женщины и дети в то время не учитывались). Владения были разделены на четыре округа: Орловский, Чусовской, Сылвенский и Яйвинский.

Спустя пять лет, 22 сентября 1584 г., между владельцами обширного Чусовского округа Семеном Аникиевичем и Максимом Яковлевичем происходит новый раздел, заодно уточняются права и других вотчинников. Семен Аникиевич получил в единоличное владение левый берег Чусовой с Нижним Чусовским городком, солеварнями и всеми поселениями на этом берегу, а также Сылвенский округ и левый берег Камы от устья Чусовой до Ласвинского бора со всеми притоками, впадающими в Чусовую, Каму и Сылву. Максим Яковлевич отныне владел правым берегом Чусовой («Колошной стороной» – так он назывался) и обоими берегами Камы вверх от устья Чусовой до острова Карышева, где шла южная граница вотчины Никиты Григорьевича. Максиму принадлежали рр. Обва, Иньва и Косьва с их притоками, весь Яйвинский округ и правый берег Камы от устья Чусовой до Ласвинского бора. Никита Григорьевич остался владельцем Орловского округа на р. Каме.

В 1588 г., при недееспособном царе Федоре Ивановиче по наущению временщика Бориса Годунова, была предпринята попытка сократить пермские вотчины Строгановых в пользу государства. Орловскую вотчину Никиты Григорьевича отписали в казну. Мы не знаем обстоятельств и причин конфискации: грамота, по которой

она производилась, была то ли утеряна, то ли впоследствии умышленно уничтожена Строгановыми. Английский посол королевы Елизаветы I, который как раз в это время находился в Москве, сообщает об опале всех братьев Строгановых следующее:

«Царь был доволен их податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири и не сделали удобной к населению, истребив огнем и вырубкой леса от Вычегды до Перми на расстоянии 1000 верст, тут он насильно отнял у них все. Зависть и негодование на богатство в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика, побудили царя отбирать у них сначала по частям, иногда по 20 000 рублей сразу, иногда более, пока, наконец, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну. Имена их были Яков, Григорий, Семеон, сыновья Аники»*.

** Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. - М., 1991. - С. 47.*

По версии Джайлза Флетчера, московское правительство, выждав, пока Строгановы обустроят дальнюю пермскую провинцию, решило произвести полную конфискацию их владений, что и было сделано с вотчиной Никиты Григорьевича. Возможно, Джайлз Флетчер, который имел информаторов при царском дворе, был прав в том, что замышлялось полное отчуждение владений Строгановых в пользу государства. Однако в опале Строгановых могли сыграть значительную роль конкретные политические причины. Видимо, Никита Строганов в сложной политической борьбе, происходившей в Москве после смерти Ивана Грозного, был сторонником князя Ивана Петровича Шуйского, регента при царе Федоре Ивановиче. В 1588 г. по наущению Бориса Годунова князь Шуйский был пострижен в монахи и затем умерщвлен угарным газом. Преследованию подвергся не только весь род Шуйских, но и их приверженцы, среди которых мог оказаться и Никита Григорьевич Строганов. Характерно, что впоследствии, в период Смутного времени, именно Строгановы оказывали существенную денежную помощь царю Василию Ивановичу Шуйскому. Однако в «Хронологическом реестре разных документов и случаев, относящихся до истории о Строгановых» Ф. А. Волегова содержится упоминание о грамоте (1591 г.) царя Федора Ивановича Никите Григорьевичу Строганову, жаловавшей его «вотчиною Орлом городком с варницами и с правом не судить его и людей его». Мы находим текст этой грамоты в книге Н. Г. Устрялова «Именитые люди Строгановы», изданной в Санкт-Петербурге в 1842 г.:

«Пожаловал он, великий государь... велел ему вотчиною его, городком Орлом, слободою на варищами и с деревнями и со всеми к ним угоды владеть по-прежнему... и посадских людей и крестьян во всяких меж ими делах

судить ему, Никите, или кому он прикажет, а Пермским наместникам и воеводам и приказным людям его, Никиту, и людей его и орловских посадских людей и Орловского уезду крестьян судить и к нему в вотчину выезжать и посылать (опричь разбою и татьбы с поличным) ни почто не велено».

По этой грамоте видно, что в 1591 г. опала с Никиты Григорьевича была снята. С чем это связано? Дело в том, что в этом году в Угличе погиб младший сын Ивана Грозного царевич Дмитрий, основной претендент на царский престол после своего бездетного брата Федора Ивановича. Борис Годунов, которому смерть царевича была крайне выгодна, в связи с чем на него смотрели как на возможного убийцу, вынужден был согласиться с боярской думой и назначить опального князя Василия Ивановича Шуйского единоличным следователем по угличскому делу. Расследование Шуйского удовлетворило Годунова, и опала с князя была снята. Прощены, видимо, были и приверженцы Шуйских, в числе которых находился Никита Григорьевич Строганов.

Отношение Бориса Годунова к Никите Строганову коренным образом изменилось. 7 апреля 1597 г. Никита Григорьевич получает новые земли – от прежней межи по Каме, которая была установлена еще грамотами Ивана Васильевича, вниз по реке на 55 верст, со всеми впадающими в Каму реками: Сюзьвой, Нытвой, Югом, Очером и Ошапом. Ф. А. Волегов рассчитал, что землевладение Никиты Строганова увеличилось после этого пожалования на 586 382 десятины 634 сажени. Чем же были вызваны перемены? Царь Федор Иванович доживал последние месяцы, и Борис Годунов, опираясь на поддержку патриарха Иова, видимо, старался нейтрализовать основных конкурентов в борьбе за царский престол. После смерти в январе 1598 г. последнего царя из дома Ивана Калиты князья Шуйские, как самые родовитые из Рюриковичей, отказались от притязаний на царский венец. Видимо, Никита Григорьевич Строганов, как бывший сторонник рода Шуйских, обладавший значительными материальными ресурсами, после снятия опалы 1591 г. проявлял явную лояльность по отношению к Борису Годунову, за что и был вознагражден новыми обширными земельными пожалованиями.

Однако останавливаться в своих земельных приобретениях на этом Строгановы не собирались.

*«...Городок поставить, где бы место было
крепко и усторожливо...»*

ПЫСКОР — ПЕРВЫЙ ГОРОДОК СТРОГАНОВЫХ НА УРАЛЕ

В семи километрах выше по течению Камы от современного моста, на противоположном от г. Березники берегу, ныне располагается небольшое село Пыскор. На северной окраине села есть мыс, возвышающийся над водой на добрых сорок метров. Справа от него впадает в Каму речка Верхняя Пыскорка (Камгортка), слева находится глубокий Банный лог.

Именно здесь, на мысу, в 1558 г. и возник первый городок Строгановых на Урале. Крутой обрыв служил естественной защитой от нападения со стороны Камы. Лучшее место для крепости трудно было отыскать. Первоначально городок получил название Канкор, Камкор, или Камгорт, по имени древнего городища, которое существовало на этом месте.

Слово «камгорт» сложилось, вероятно, из двух коми-пермяцких слов: «кар» — город — и «горт» — родной дом, очаг. Не исключено,

Пыскорское городище

что название Камкор могло сформироваться от личного имени Кам (в коми-языке *сильный, крепкий, богатый человек*), принадлежавшего какому-то древнему коми-пермяцкому вождю. Интересно, что названия крупнейших центров древних коми-пермяцких племен (например, Анюшкар, Кудымкар) образовывались также от личных имен каких-то родовых предводителей. Судя по размерам городища и найденным при его раскопках средневековым материалам, Канкор (Пыскор) не уступал ведущим поселениям древних коми-пермяков в Прикамье, таким как Троицкое городище в г. Чердыни и Рождественское городище на р. Обве.

Для укрепленных сооружений издревле выбирались лучшие места. Неудивительно, что за несколько веков до Строгановых пыскорский мыс облюбовали предки коми-пермяков. Письменных свидетельств, относящихся к тому времени, нет; единственная возможность, позволяющая заглянуть в дострогановское прошлое Пыско́ра, – археологические раскопки. В 1993, 2002 и 2003 гг. ученые Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета проводили исследования Пыскорского городища.

К сожалению, большая часть древнего городища была подмыта Камой и ушла под воду. Но его сохранившаяся площадка позволила археологам получить ценные научные сведения.

Пыскорское городище существовало в X–XIV вв. Обычно городища укрепляли рвами и валами, на которых ставились деревянные стены, но здесь остатки рвов и валов не обнаружены. Это совсем не значит, что у Пыскорского городища таковых не было, нет – просто они оказались скрыты в то время, когда на горе стояли строгановская крепость и позднее монастырь.

Было раскопано несколько древних жертвенников. Предки коми-пермяков приносили в дар своим языческим богам домашних животных – коров и лошадей. Жертвоприношение совершалось в специальных глубоких ямах, иногда закрытых от непогоды деревянными навесами. Но не только животные приносились в жертву богам. В одном из жертвенников археологи нашли множество поврежденных огнем бронзовых вещей, а также обломки тиглей. Должно быть, древние мастера-металлурги даровали огню часть своей продукции, заручаясь поддержкой языческого божества в их непростом ремесле.

В том же жертвеннике была найдена птичья кость в бронзовой окольцовке, а в соседнем – череп хищной птицы. Вероятно, в древних ритуалах немаловажную роль играли и птицы.

Орудия эпохи каменного века.
Найдены во время раскопок Пыскорского городища

Предки коми-пермяков, населявшие городище, еще не знали гончарного круга. Все найденные обломки глиняных горшков лепные, достаточно грубые, хотя и богато украшенные разнообразными орнаментами.

Городище находилось на древнем Камском торговом пути: в то время основными транспортными артериями служили реки, а Кама была крупнейшей из них на Урале. Жители городища торговали и обменивались с другими народами: археологи нашли вещи, произведенные за многие километры от него – в государстве Волжская Булгария, расположенном на территории Нижнего Прикамья. Это были ювелирные украшения – подвески и височные кольца, покрытые зернью. Что интересно: еще в XIX в. в окрестностях Пыскора был обнаружен клад, также содержащий болгарские вещи и драгоценную среднеазиатскую серебряную утварь. Датировать существование одного из жертвенников позволила болгарская монета 970–980 гг., которая также была предана жертвенному пламени...

Но открытия на этом не закончились. При раскопках неожиданно стали попадаться орудия, сделанные из камня в эпоху среднего каменного века – мезолита. Недалеко от Пыскора находится крупнейшая в Европе Огурдинская мезолитическая стоянка, и вещи

на городище ничем не отличались от предметов, найденных на стоянке древних людей. Получается, что на месте Пыскора люди жили еще в VIII–VII тысячелетиях до нашей эры! И, наконец, было обнаружено каменное орудие, относящееся к еще более раннему периоду – палеолиту. Значит, на месте Пыскора была стоянка древних охотников на мамонтов.

Изделия из кости – наконечник стрелы, манок, части остроги, амулеты. Найдены при раскопках Пыскорского городища

Однако вернемся во вторую половину XVI в. уже нашей эры.

Строгановы выбрали место с большим расчетом, и вновь построенный городок мог контролировать все, что делается на Каме. Вот что пишется об основании Пыскора в Строгановской летописи:

«В лето 1558 году, апреля в 4 день, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал Григорья Аникеева сына Строганова ниже Великия Перми (так в ту пору называлась Чердынь. – Авт.) за 80 за 8 верст вниз по Каме реке по правую сторону с усть Лысьвы реки, а по левую сторону вниз Пызновской курьи, по обе стороны по Каме до Чусовой реки места пустые, и в тех местах, где изберет Григорей Строганов место крепко и усторожливо, и городок ему поставити, и крепости учинити, и пушкарей, и затинщиков, и пищальников, и воротников велели есмя ему устроити собою для береженья Сибирских и Ногайских и иных орд людей, и ему, Григорью, к себе волно назвати не тяглых, и не письменных на те места людей. И на Канкор городок грамота государева дана за подписью дьяка Петра Данилова; приказали окольничьи Федор Иванович Умной да Алексей Федорович

* Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 383–384.

Адашев, да казначей Федор Иванович Сукин да Хозяин Юрьевич Тютин; а приказ подписал дьяк Третьяк Карачаров»*.

Строительство городка шло быстро. В то время существовал своеобразный отработанный «типовой проект» сборки укреплений, и крепости строились за считанные недели. Ставился деревянный тын, рубились башни – «глухие» и «проезжие» (то есть с воротами, через которые можно было попасть внутрь крепости). Внутри городка возводились церкви.

Однако очень скоро выяснилось, что место, выбранное для первого городка, не столь удобно, как казалось. Соляные выходы на-

ходились ниже по течению Камы, и Пыскор не мог их защитить. Строгановы начинают строить новый городок – Орел, или Кергедан, – а Пыскор передают церкви.

Есть известия, что еще до того, как Строгановым были пожалованы их пермские вотчины, то есть до 1558 г., в районе Пыскора существовала иноческая обитель. Монахи не имели ни храма, ни земли и жили, скорее всего, подаянием.

Аника Строганов, человек набожный, решил основать на месте первого городка настоящий монастырь и пожаловал новой обители близлежащие к Пыскору земли. Перед смертью он сам постригся в монахи и некоторое время жил в Пыскорском монастыре под именем Иоасаф, но вскоре отбыл в Сольвычегодск, завещав своим сыновьям поддерживать новую обитель. Впрочем, так как земли монастыря входили в царское пожалование, Строгановы были обязаны защищать эти места от возможных набегов. Учреждение Пыскорского монастыря, который стал богатейшим в Прикамье, с пожалованием ему земельных владений, в чьих пределах находились не только пашенные и сенокосные угодья, но и соляные источники, вызвало явное благорасположение Русской православной церкви к Строгановым. В 1565 г. митрополит всея Руси Афанасий даровал Григорию Аникиевичу Строганову право в своих вотчинах проводить, опираясь на духовных лиц Пыскорского монастыря, христианизацию местного коми-пермяцкого населения. Это, в свою очередь, видимо, давало возможность привлекать «новокрещен» для работ на соляных промыслах и захватывать их родовые охотничьи лесные угодья, так как для производства соли требовалось огромное количество дров.

Первоначально, когда у Строгановых был только один городок, монастырь существовал под горой, в устье речки Нижняя Пыскорка. В 1570 г., уже прочно обосновавшись в Орле-городке, Строгановы передали монастырю Пыскорский городок целиком, закрепив пожертвование «поступным письмом». Приведем его полностью:

«В пречистую обитель Всемиловитого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, честного и славного его Преображения, иже показа славу Своего Божества ученикам и апостолам на горе Фаворстей, и Пресвятая Богородицы Присно-Девы Марии, заступницы роду христианскому, а нам, грешным, во всем помощницы и упования всех христиан, честного и славного Ея Рождества, начальнику и пастырю Христовых словесных овец (имеются в виду монахи монастыря. – Авт.), Варлааму, о Христе мир и целованье и всему по Бозе братству твоему, Аникиевы дети Строгановы Яковец, Грыньша и Семенец челом бьем!

Божия воля сталась, наших родителей в животе не стало, государя нашего отца Иоанникия, а во иноцах Иоасафа, и нашей государыни матушки Софьи. И мы ныне в дом Боголепному Преображению и Пречистыя Рождеству, в твою паству, в монастырь, даем свои новые роспаши от Лысьвы речки и по Лысьве вверх до вершины, межную свою сторону и мельницу большую на Лысьве, и от Лысьвы вниз по правую сторону свои все новые пашни и **городок Канкор**. И пожаловал бы ты, начальник Варлаам, посоветовал бы ты своей пастве с братством, чтобы перенести монастырь в городок, а церкви бы ставить по вашему чину, как буде пригоже. А в городок боевого снаряду: 12 рушниц*, да три затинных*, да пуд зелья*, да пуд свинцу. А от городка вниз до Нижней Пыскорки и вверх по Пыскорке до вершин; а за Пыскорку монастырю

* Рушница – гладкоствольная пищаль.

Затинная, или за-
тынная, – устанавлива-
емая за тыном пищаль.
Зелье – здесь: порох.
Курья – устье.

Проскомисание –
свершение проскоми-
дии.

Проскомидия –
часть литургии, при ко-
торой готовятся дары на
жертвеннике для освя-
щения.

Синодик – памят-
ная книга, в которую
вписываются имена для
поминовения родствен-
ников и близких на ли-
тургиях и вселенских
панихидах.

** До времени Петра I
летоисчисление шло не
от Рождества Христова,
а от сотворения мира.
Различие составляет
5508 лет, которые необ-
ходимо вычесть из даты
от сотворения мира,
чтобы привести ее к со-
временному летоисчис-
лению. До Петра же
Новый год праздновался
1 сентября.

*** Дмитриев А. Перм-
ская старина. – Пермь,
1889. – Вып. 1. – С. 195-
197.

дела нет, также и до Меркурьевских островов монастырю дела нет. А межа нашему данью: по Каме по правую сторону от Лысьвы вниз до нижней Пыскорской курьи*, а по левую сторону по Каме вниз до Зырянки, а ниже Зырянки по Каме в наш правож монастырю дела нет. А которые жильцы живут у городка Канкора, которым давно по дворы места и пахотные земли в Чашкине, и те жилецкие земли и пашни по смерти тех жильцов владеть монастырю же; да мы же послали в дом Боголепного Преображения и Пречистыя Рождеству сто рублей денег. А молити вам Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь Присно-Деву Марию и святых небесных сил, Ангел и Архангел Михаила и Гавриила и прочих бесплотных и великого Пророка и Предтечу Христова Крестителя Иоанна и всех святых Богоугодивших от века веков аминь, чтобы умножил Бог православному Государю Царю и Великому Князю Иоанну Васильевичу, всея Руси, его благодарованным детям царевицам Иоанну и Федору многолетное здравие во всяком проскомисании*, ни литиях и панихидах, а на обеднях Благоверного Князя Василья Васильевича, во иноцах Варлаама, Благоверных цариц и великих княгинь и чад их, тако и за отца нашего за прежнее данье и за нынешнее служить игумену с собором и кормы кормити, доколе Бог изволит и обитель стоит; а по государях и государынях кормы кормити большими; да и по наших родителях служить игумену с собором по четыре службы на всяк год, доколе святое место стоит; род же наш написать в синодик*, перечитывать вряду на всяк день; а который из нас, Иоанникиевых детей, похочет постричь, или дети наши, то без вклада стричи, а кого мы велим из своих людей постричь, тех вам стричи без вклада же и братству причести; а послушите коего из нас в животе не станет, и вам бы приписать к нашим родителям, да поминать на литиях во вся дни. Писано 7078** (1570) года марта 2 дня»***.

Монастырь перебирается на мыс. На старом месте остается только деревянная церковь Преображения. Именно эта церковь дала название монастырю – Спасо-Преображенский, или Спасский.

Монастырь был ставропигиальным, то есть зависел непосред-

ственно от московских митрополитов, а с 1589 г., когда в Московском государстве было введено патриаршество, от патриархов. Этот статус сохранялся до 1658 г.: в этом году Великопермская епархия была подчинена вятским архиереям.

Подобно всем строгановским вотчинам, Пыскорский монастырь также обладал феодальным иммунитетом. Монастырю даровано было право беспошлинной торговли солью, которая вываривалась на монастырских варницах, монастырь вершил в своих владениях суд и расправу без вмешательства воевод.

* * *

При археологических раскопках в Пыскоре ученые обнаружили древнее кладбище. Ничего удивительного в этом не было: по обычаю, православных хоронили только на освященной земле, рядом с церквями, захоронения рядом с монастырями или в самих монастырях встречаются повсеместно. Но встал вопрос: какому времени принадлежит русский могильник?

Археологические раскопки кладбища
XVI в. в Пыскоре

В том, что могильник русский и православный, сомнений не возникало, несмотря на отсутствие в погребениях вещей. Как раз отсутствие вещей в погребениях – один из признаков русского православного обряда. Не смущало и отсутствие у погребенных нательных крестиков: по обычаю, нательные крестики усопших, за редким исключением, делались из дерева, так как считалось, что все, положенное в могилу, должно истлеть вместе с телом человека. Русский погребальный обряд выдавало и то, что все могилы были ориентированы по сторонам света – головой на запад.

Ученым повезло: в двух погребениях они обнаружили

нательные крестики. Увы, один из крестиков, изготовленный из кости и чудом не истлевший, был настолько уникальным, что провести прямые параллели с другими крестиками и тем самым определить время его изготовления было невозможно. В Верхнем Прикамье это лишь вторая находка костяного нательного креста. Первая находка, правда с рельефным изображением святого Николая Чудотворца,

была обнаружена археологом В. А. Обориным на городище Редикор на Вишере. Этот крест был изготовлен в мастерских Троице-Сергиевского монастыря в XV в. Видимо, находку пыскорского нательного креста из кости вполне можно отнести к XV–XVI вв. Другой найденный на Пыскорском могильнике крест, бронзовый, давал ту же раннюю дату – XV–XVI вв. Но разброс датировок в два века для русского памятника – непозволительная погрешность.

Во время расчистки и фиксации погребений Пыскорского могильника было замечено, что часть погребенных несут на своих костях признаки насильственной смерти: у одного была отсечена голова, у других остались следы проникающих ранений, в черепе маленького ребенка обнаружались два отверстия, проде-

ланные наконечниками стрел. Напрашивался вывод: эти люди погибли в результате какого-то набега. Ученые обратились к древним документам.

В Строгановской летописи есть несколько упоминаний о набегах на Канкор-Пыскор. Первое датируется 1572 г.:

«В лето 7080 (1572) году, июля в 15 день, Божиим попусщением приде на реку Каму черемиса и с собою подговориша остяков и башкирцев и буинцов множество и околь прежних речных городков Канкора и Кергедана (Орла-городка. – Авт.) побиша русских торговых людей, 87 человек, и об том благочестивые государь царь и великий князь Иван Васильевич послал грамоту свою царскую, за приписью дьяка Кирея Горина, к Якову да Григорью Строгановым, а указал, чтобы им за его государевыми изменники из черемисою и остяки и за башкирцы и за буинцы из городкех своих собрав послати, и они, Яков и Григорей, выбрав в городкех своих голову и дав ему ратных людей казаков и охочих людей своих, за ними посылали на его государевы изменники, кои ему государю изменили; они же, посланные их, окаянных овых побиша, а иных живых взяша, и всех к шерти* их приведоша, что им государю во всем прямить, и быти подручными, и оброки государю давати, и на супротивных супостат государевых стоять за него, государя, без измены, и атаманов у них поймав, в свои городки и в Пермь к воеводам государевым послали»**.

* Ш е р т ь – присяга на верность государству.

** Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 385–386.

Второе сообщение относится к 1581(1582?) г., то есть описываемый набег последовал сразу после отправки дружины Ермака в Сибирь:

«В те же времена двенадцатые години (1581), и в число днєви на память преподобного нашего отца Симеона Столпника, злочестивый и безбожный царь Пелымский ярости многие наполнился, но и паки зверострашием объят бысть и умысли злохитрое коварство в сердца своем, и начат лєсть с лукавством сшивати, и бысть ему безбожному к своей погибели. Тогда он злочестивый собравоя (войско. – Авт.) своя, число же их седьм сот человек, и подозва с собою буйственных и храбрых и сильных мурз и уланов Сибирский же земли со множеством вой; он же злый по неволи взя с собою сылвенских и косвинских и иренских и инвинских и обвинских татар и остяков и вогулич и вотяков и башкирцов множество, и прииде с вой своими яряся на Пермские города, на Чердынь и те места поплениша и пожогша, доиде же и к стенам града сурово и люто зело приближишась к граду, едва не взяту бывшу, но всемогий Бог не попусти окаянных; и вскоре от того места пойдоша под Кай городок, и там велию пакость учиниша, и оттоле окаянии приидоша по Камское Усолє (Соликамск. – Авт.) и ту села и посады пожогша и людей поплениша, и приидоша под **Канкор** и под Кергедан городки, а оттоле пойдоша под Чусовские городки и под Сылвенский и под Яйвинский острожки, и внезапно окаянии нападоша на Чусовские городки и около ту живущих крестьян множество посекоша, и села их и жилища пожогша, и немилостивно православных пленяху и полон многу взяту бывшу... Они же, Семен и Максим и Никита (Строгановы. – Авт.), с мужественными своими и храбрыми людьми призва к себе в помощь всемилостивого в Троицы славимого Бога и Пречистую Его Богоматерь и всех угодников Его, но и паче устремишась и мужественно и единомышленно сто-

яху в великом ото окаянных притужании и бяхуся крепко и мужественно со окаянными и много множество от сбою стран падоша. Окаянни же уведах, что русти вой пойдоша в их Сибирскую землю войною (имеется в виду дружина Ермака, отправившаяся в Сибирь. – Авт.), и того устрашишася. И тако Божию помощью окаяннии варвари побеждени быша... они же, безбожнии, отоидоша посрамлени, аки пси, во свои места»*.

* Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 391–395.

Итак, жертвы первого или второго набега были похоронены на монастырском кладбище? Вероятно, все-таки второго: среди 87 погибших «торговых людей» вряд ли мог оказаться ребенок, столь жестоко убитый. Во время же осады городка такое произойти могло.

Получается, что часть погребенных, раскопанных археологами, погибли от войск «Пелымского царя» в сентябре 1581 (1582?) г.

Кладбище существовало несколько лет. На второй год раскопок археологи в межмогильном пространстве нашли две маленькие монетки, которые подтвердили гипотезу о времени существования кладбища: монетки были отчеканены во времена царей Ивана IV и Федора Ивановича.

Кладбище, найденное в Пыскоре, было одним из первых (если не первым) погостов в строгановских землях. Его явно обустроили в первые годы существования монастыря. Большинство костяков имели следы различных болезней, об этом свидетельствовали наросты на костях. И хотя в ту пору подобные болезни были распространены, логичнее предположить, что костяки принадлежат бывшим монахам Пыскорского монастыря: среди них всегда было много больных и увечных. Интересно, что Пыскорский могильник является наиболее ранним из изученных археологами христианских некрополей Верхнего Прикамья, имеющим четкую каноническую православную обрядность в погребениях. В других районах Верхнего Прикамья, впоследствии вошедших в состав строгановских вотчин (Ильинское, Кудымкар), на христианских кладбищах конца XVI–XVII вв. в погребальном обряде проявлялись элементы языческих верований, что связано с полным преобладанием среди умерших «новокрещенного» местного коми-пермяцкого населения. Безусловно, среди погребенных Пыскорского могильника также были крещеные коми-пермяки, которые могли продолжать исповедовать языческие обряды. Однако кладбище находилось на территории монастыря, где монахи строго следили за исполнением православного погребального канона.

Кладбище прекратило свое существование и было перенесено примерно в первой половине XVII в.: на более поздних планах Пыскорского монастыря найти его не удалось.

Вид на современный Пыскор с мыса Пыскорского городища

Ранняя история Пыскора показывает, как сложно шел процесс колонизации Урала, не обходилось и без жертв среди простого населения. Поход Ермака в Сибирь избавит уральские земли от опасности набегов.

После передачи Пыскора и близлежащей округи монастырю на строгановских землях начнет формироваться отдельный монастырский округ, формально независимый от Строгановых, но, как писал историк А. А. Дмитриев, подчиненный «своим основателям и щедрым жалователям нравственно».

*«...Зовомый Кергедан,
а ныне зовомый Орлов...»*

ГОРОДОК ОРЛОВ

Через шесть лет после получения Строгановыми знаменитой жалованной грамоты и строительства первого городка – Канкора-Пыскора – на берегу Камы «против устья реки Яйвы» возникает

«городок Орлов», первоначально называемый Кергеданом. Вот как об этом пишет Строгановская летопись:

«В лето 7072 (1564), месяца генваря в 2 день, государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал Григорья же Оникиевича сына Строганова жалованною грамотою в тех местех, что преж сего его пожаловал, что он избрал ниже прежнего Канкора городка двадцать верст место на Орловском поволоке (в подлинной царской грамоте от 2 января 1564 г. есть еще одно уточнение места – «у росолу». – Авт.), и ему, Григорью, собою же поставити стены сажень по тридцати, а с приступную сторону для низи в глины место камением закласти, а пищальники и сторожи в том городке ему собою же уставити, и держати в тех обеих городках наряд скорострельной, пушечки и пищали и затинны, и ручницы поделати незаписным мастерам, которых к себе Григорей приговорит из наймов, и у себя Григорью тот наряд держати. И грамота государева на тот городок дана»*.

* Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 384.

Первоначально городок был построен на северной оконечности останца, расположенного в пойме р. Камы, у впадения в нее речки Яйвы. Место было выбрано с расчетом: рядом находились соляные промыслы – основной источник доходов Строгановых, и деревянная крепость должна была защитить их от возможных набегов. Такую защиту было легче осуществлять с нового места, чем из Пыскора. В 1570 г. гарнизон и жители Канкора переводятся в Орел-городок. Роль Канкора как крепости падает, его место занимает созданный в 1560 г. Аникой Строгановым Пыскорский монастырь. Начинается история Орла-городка – нового центра уральской вотчины Строгановых.

Реконструкция Орла-городка

Происхождение названия Орлов (Орел-городок) объясняют по-разному. До сих пор местные жители рассказывают историю о том, как рядом с выстроенным городком поселилась большая гордая птица – от нее, дескать, и пошло имя. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что мыс, образованный Камой и Яйвой, напоминает птичий клюв. Но, скорее всего, причина была не столь романтична: название Орел, по замыслу вотчинников, должно было символизировать (при наличии серьезных привилегий на столь огромную территорию) полную лояльность Строгановых Московскому государству и лично Ивану IV. Еще со времен Ивана III орел на гербе государства олицетворял державность. Русские города с именем этой птицы в названии не редкость: достаточно вспомнить Орел на юго-западе Русского государства, Орлов в Вятской земле, другие русские города и населенные пункты...

Сложнее с первоначальным названием Орла-городка Кергедан. Археологи О. Н. Бадер и В. А. Оборин переводили его как «город в устье реки», соотнося с финно-пермским Каргедым (Кардын). Получается, что либо на этом месте до русских селились коми-пермяки, либо их было много среди первых жителей Орла-городка. Так ли это?

Следует обратить внимание, что в устье р. Яйвы в 5 км к востоку от Орла-городка находится средневековое городище древних коми Володин Камень (XI–XIV вв.), видимо когда-то прикрывавший выход вогульских отрядов в бассейн р. Камы, где обитало древнее финно-пермское население.

Не исключено, что лингвистическая основа «кер» является искаженным финно-пермским словом «чер» («чор», «шор» – *ручей*), поэтому перевести первоначальное название Орла-городка можно и как «устье маленькой речки или ручья». Получается, это не название древнего коми-пермяцкого укрепленного поселения, а обозначение местности? Очень может быть: напротив Орла-городка, к западу от него, из системы старичных озер р. Камы брала свое начало небольшая речка-исток, к востоку от Орла-городка протекала речка Лемва, сам городок построен напротив устья Яйвы. Тогда выходит, что изначальный смысл названия Кергедан (Кердым) таков же, как у названия г. Чердынь.

Есть и более экзотические версии. Пермский историк Е. Н. Шумилов связывал название Кергедан с каким-то тюркским родовым именем, означающим *носорог*. Но его гипотеза, скорее всего, ошибочна: никаких других тюркских названий в районе Орла-городка

не встречается. Такой же умозрительной нам кажется гипотеза о татарском происхождении названия от «карга» – ворона – и «дан» – слава, хотя именно эта версия до сих пор бытует у некоторых жителей современного поселка Орел.

Итак, будем считать, что название Кергедан имеет все-таки финно-пермские корни.

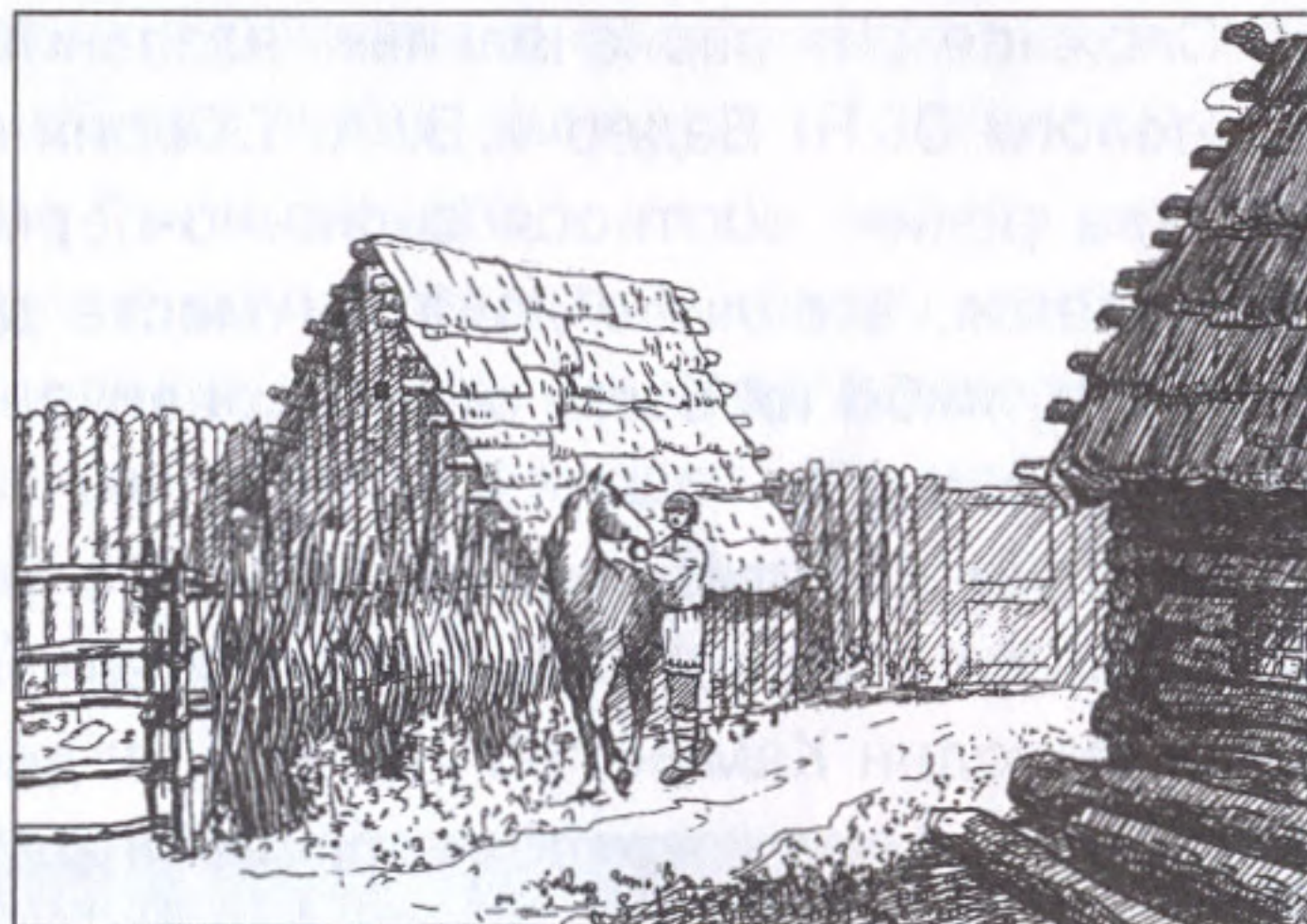
Быстро рос Орел-городок, быстро развивался его округ. В переписи Яхонтова говорится:

«А уезду к слободе Орлу от реки Камы вверх по реке Яйве Чердынского уезда до деревни Романовы, до Чешорского городища, двадцать верст; да от слободы Орла да реки Пыскорки до межи Спасского монастыря вверх рекою Камою четырнадцать верст; от слободы ж Орла вниз по Каме до Карышева

* Дмитриев А. Пермская старина. – Пермь, 1889. – Вып. 1. – С. 112.

острова сорок верст, а Карышева острова Никите Строганову треть; да от реки Камы вверх рекою Кондасом и до вершин»*.

В Орловском округе во времена Яхонтова было 3 деревни и 4 починка (по два двора в деревне и по одному – в починке), пашенной земли 384 четей, пашенного лесу 118 десятин, сена 4180 копен. Оброк и пошлины, которые должны были платить Строгановы, составляли 97 рублей в год.

Реконструкция усадьбы Орла-городка по материалам раскопок В. А. Оборина

Мы не знаем точной численности населения Орла-городка. Известно, что имел он 90 дворов крестьянских и пищальничьих, 7 дворов пустых, церковь и несколько варниц.

Вероятно, оборонительные сооружения Орла-городка в полном виде были возведены только к началу XVII в. Острог заменяется к этому времени полноценным деревянным кремлем.

Одна из задач Орла-городка, городка-крепости, заключалась в том, чтобы защитить соляные промыслы и вотчинные владения Строгановых от возможных набегов. Что же собой представляли оборонительные укрепления Орла-городка? К сожалению, данные XVI в. весьма скудны. В переписи 1579 г. Ивана Яхонтова лишь кратко упомянуто: «в слободе же острог». Наиболее полное описание укреплений Орла-городка, которое позволило пермскому

историку В. А. Шмырову провести реконструкцию его плана, содержится в отдельной грамоте Строгановых 1629 г., когда между Иваном Максимовичем, Андреем и Петром Семеновичами решался спорный вопрос о наследстве вотчины Никиты Григорьевича:

«Никитинская отчина Строганова: на Каме реке городок Орлов, против устья реки Яйвы, в 3-х стенах башни и городни деревянные рубленые, а передняя городовая стена, что от Камы реки поставлена была вся острогом, а у того городка трои ворота да 2 башни глухих; и того городка ныне по Каме боковую верхнюю стену, что от полою* от посаду, и переднюю городовую стену, что от Камы, и с острогом и с вороты Камою рекою сметало»**.

* П о л о ю – заливное место, берег луга.

** *Шишонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1882. – Вып. II. – С. 289-291.*

О причинах, по которым Строгановы вынуждены были в конце концов перенести свою резиденцию из Орла-городка, мы поговорим позднее.

Городок имел пять наугольных башен, две из которых были «глухие» – без ворот, а три – «проезжие». Стены городка ранее были острожными, то есть состояли из высокого тына, но в начале XVII в. три из них заменили *срубными городнями* – деревянными срубам, укрепленными земляной насыпью. Около крепости располагались жилые постройки, в которых проживала основная часть населения городка, – *посад*. Площадь крепости составляла около 0,7 га, площадь посада достигала 5 га. В грамотах сведения об укреплениях посада не сохранились, но археологические данные свидетельствуют о том, что, как и в других уральских городах, он был защищен острожной стеной. С западной, внешней, стороны острога был проложен ров шириной около 2 м и глубиной до 1,7 м.

Как видим, Орел-городок был мощной и защищенной крепостью. Гарнизон ее, видимо, состоял из профессиональных наемных (так называемых *охочих*) воинов. На стенах городка были установлены пушки и затинные пищали. При раскопках пермским археологом В. А. Обориным обнаружены здесь пушечные ядра, ядрышки от затинных пищалей, копья, рогатины, железные наконечники стрел, рукояти сабель, пищальные кремни (специально обработанные кремешки, устанавливаемые в замках пищалей и ружей: спусковой механизм ударял по кремню, высекалась искра, она поджигала порох на «полочке» ружья, в результате происходил выстрел). Несмотря на то что оружие в то время могло быть произведено только на «государевых кузнях», Строгановы изготавливали его в своих вотчинах – по специальному государеву указу. Об этом свидетельствуют бракованные ядра местной отливки, найденные археологами при обследовании Нижнего Чусовского городка.

Посад Орла-городка имел правильную планировку: все усадьбы были строго ориентированы по сторонам света – с запада на восток. Такое расположение усадеб связано с тем, что улицы шли перпендикулярно к старому руслу р. Камы. Потом, когда территория Орла-городка будет затапливаться Камой, четкая планировка нарушится: избы будут ставить таким образом, чтобы препятствовать их подтоплению.

Церкви и дом вотчинников находились на самом мысу, у Камы. К востоку от них, на расстоянии примерно 30 м, за незастроенной городской площадью располагались дома ремесленников, мастерские и хозяйственные постройки. Быть может, именно эта площадь была описана в переписи 1579 г.: «...за острогом же на площади и посаду слободских крестьян лавки».

Посад был многолюден, если принимать во внимание обычную для того времени и тех мест плотность населения. В той же писцовой книге 1579 г. есть его описание:

«В слободе же острог. В остроге двор Никитин, в дворе живут люди его. В слободе же дворы церковные – 5 дворов. Дворы, а в них живут пищальники – 15 дворов. Дворы крестьян – 70 дворов. И всего в слободе пищальничьих и крестьянских 85 дворов. В дворах людей 73 человека».

Количество женщин и детей в то время традиционно не указывалось.

Дома в Орле-городке строились из толстых бревен, прочно и надолго, с двускатными крышами. Крыша вотчинниковой избы была покрыта черепицей, остальные крыли ее берестой. В окна вставлялись слюда или бычьи пузыри, потому в помещениях всегда стоял полумрак. Дом освещался лучиной, реже свечами (остатки свечного воска были обнаружены при раскопках 1953 г.).

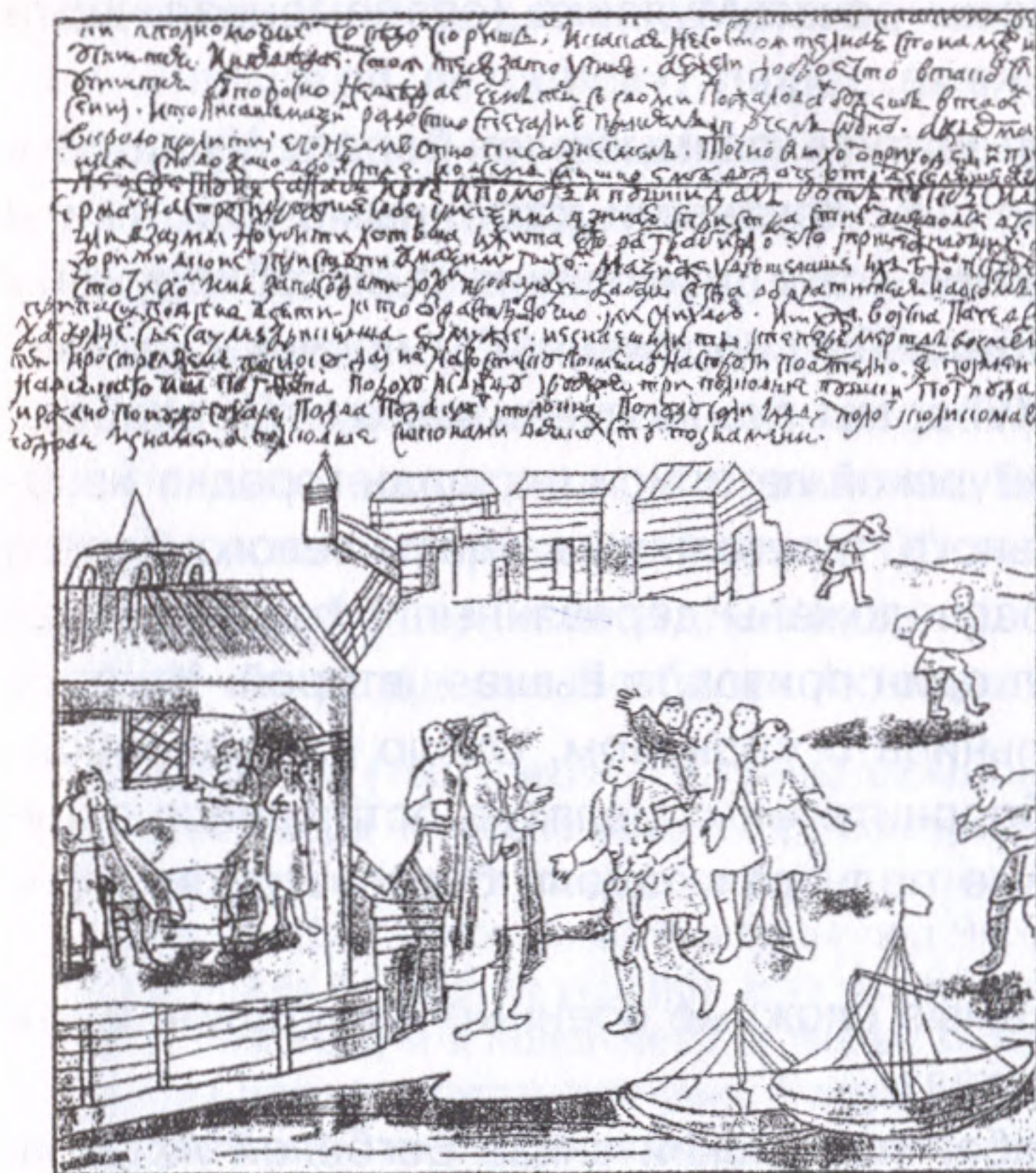
Орел-городок не раз выдерживал нападения манси (в документах тех лет они называются вогулами) и «сибирских людей», которые часто тревожили территорию Перми Великой. Так, в сентябре 1582 г., как сообщают древние документы, *«князь Пелымский подозва уланов и мурз Сибирские ж земли... прииде под Канкор и под Кергедан городки...»*. Нападавшие пожгли деревни, варницы, но взять штурмом такую серьезную крепость, как Орел-городок, им было явно не под силу.

Опасность со стороны Сибирского ханства – осколка Золотой Орды – была существенной не только для строгановских вотчин, но и для всего Московского государства. Не случайна связь истории Орла-городка с именем, хорошо всем известным, – с именем Ермака Тимофеевича.

«В Перми Великой за Семеном
да за Максимом Строгановыми
слобода Чусовая...»

СТРОГАНОВЫ НА ЧУСОВОЙ

Нижнее и среднее течение р. Чусовой было издревле освоено местным населением – предками коми-пермяков и манси. До начала XVII в. ясачные вогулы проживали по рр. Усьве, Вильве, Лысьве и другим притокам р. Чусовой, то есть в том районе, где Строгановыми были построены Чусовские городки.

Нижний Чусовской городок
Кунгурская летопись

Датой основания Нижнего Чусовского городка считается 1568 г. Именно в этом году, как известно, Строгановы получили новые владения по р. Чусовой.

Нижний Чусовской городок, как и Орел-городок, был поставлен у выхода соляных растворов и с той же целью – оберегать места промыслов от возможных набегов. Располагался он в 50 верстах (53 км) от устья реки. Так же, как в Пыскоре и Орле-городке, здесь строятся

деревянные укрепления. Во второй половине XVI в., до похода Ермака, это был самый восточный пункт русской колонизации на Урале.

Яхонтов так описывает Чусовской округ:

«А в слободе острог, а к слободе Чусовой 5 деревень, 16 починков опричь церковного починка... А к уезду к слободе Чусовой от межи Никиты Строганова, от Орла слободы, от Карышева острова вниз рекою Камою до устья Чусовые реки 80 верст, а от устья Чусовые реки вниз по Каме реке до речки Ласвы двадцать верст, а от реки Сылвы вверх Чусовою рекою до слободы Чусо-

вая сорок верст; а от слободы Чусовая вверх по реке Чусовой до деревни до Калина лугу сорок верст, а от Калина лугу вверх по Чусовой до вогульских улусов и до Утки реки. И в той же меже по обе стороны тех рек берега пустые и остро-

** Дмитриев А. Пермская старина. – Пермь, 1889. – Вып. 1. – С. 114-115.*

твовы и речки, которые пали в реку Каму и Чусовую, от устья и до вершин, и озерка лешия с истоки, и леса дикие Семеновы да Максимовы. А Карышева острова Семени да Максиму две трети»*.

По таблицам Волегова, сделанным на основе переписи Яхонтова, пашенной земли в Чусовском округе было 699 четей, пашенного лесу 255 десятин, сена 4895 копен. Чусовской округ был самым крупным из всех, принадлежавших тогда Строгановым.

К Чусовскому округу во времена Яхонтова относились, по крайней мере, четыре поселения: Калин Луг и Камасино на Чусовой, Верхние Муллы на притоке Камы речке Мулянке (современная черта г. Перми) и Слудка на р. Каме.

Для того чтобы предотвратить размывание берега Чусовой в районе городка, его укрепили крупными каменными плитами и вертикально вбитыми сваями – эти укрепления были обнаружены археологами. Об оборонительных сооружениях и прочих строениях Чусовского городка в XVI в. мы знаем очень мало («а в слободе острог»). На рисунке в Кунгурской летописи площадь городка изображена в виде неправильного треугольника вдоль левого берега Чусовой, на нем плотно расположены деревянные строения. Ниже городка в Чусовую впадал один приток, а выше – второй. На этом втором притоке была мельница с жерновом. Около самого городка лес был вырублен в оборонительных целях, а оставшийся окружал его с востока в форме полуовала вдоль берегов обоих притоков.

На XVI век пришлись самые сложные военные испытания, и эти испытания городок выдержал.

В 1572 г. совершил набег пелымский князь Бегбелей Ахтаков, возглавляя отряды остяков и вогул. Историк XVIII в. П. И. Икосов в своей «Истории о родословии, богатстве и заслугах Строгановых», изданной в 1761 г., пишет, что Бегбелей Ахтаков «*нечаянно подошел под Чусовской Строгановский городок и оттоль, учиня нападение на Сылвенский острожек и прочие селения и деревни и многие выжег и разорил и убиение учинил*».

Следующий набег произошел через год. Читаем Строгановскую летопись:

«В лето 7081 (1573), июля в 20 день, на память святого пророка Илии, из Сибирские земли с Тобола реки приходил Сибирского салтана царя Кучума сын

Маметкул, собрався с своими мурзами и уланами ратью на Чусовую реку дороги проведывати, куды бы ему идти ратью в Яковлевы и в Григорьевы Строгановых городки и в Пермь Великую; да в том приходе многих людей данных остяков побили, а жены их и дети в полон повели и посланника государева Третьяка Чебукова и с ними служилых татар, кои с ним шли под Казань и в Казанскую орду, всех побили, а овех в полон взяша, а до Чусовских городков не доходя 5 верст, что ему полоненники русские сказали, что в городках людем ратным скоп, и вас де они к себе ждут, и он убоялся того, назад воротился; а Яков и Григорей за сибирскою ратью без указу государева своих наемных казаков из городков послать не посмели. А преж того Сибирский же салтан ратью данных остяков Чагира с товарищи побили, а иных в полон взяли, которые жили около Чусовских городков»*.

* Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 386–388.

По другой версии, Маметкул не свернул от Чусовских городков, а осадил их. В результате погибло много людей, были разрушены постройки. В. Н. Шишонко, пермский историк, создатель многотомной «Пермской летописи», пишет, что Маметкул несколько дней осаждал городок, но, убедившись, что гарнизон Строгановых способен выдержать осаду, отступил.

В том же 1573 г. повторил свой набег князь Бегбелей. Он напал на Чердынь, Сылвенский и Яйвинский острожки, Чусовской городок. Однако сам Чусовской городок не осаждался, были разорены только его округа. В сражениях Бегбелей получил тяжелые ранения и вскоре от ран скончался. Об этом набеге мы узнаем также из «Пермской летописи» В. Н. Шишонко. Но другие источники указывают, что нападение Бегбелея Ахтакова было совершено в 1581 г.:

«В лето 7089 (1581), июля в 22 день, злокозненный же дьявол, иже искренне ненавидяй добра человеческому роду, поощри злого и безбожного вогульско-го мурзу Бегбелия Агтакова с своими с вогульским и остяцким собранием, а собрания его 680 человек, и приидоша под Чусовские городки и под Сылвенский острожек безвестно украдом и ту окрест живущих села и деревни поплениша, и пожогша, и в полон многих людей мужей и жен и детей поимаша, но преблагий Бог не попусти окаянных. Вскоре над ними безбожными рустии вой** победу учинили, из городков своих и многих у городков поимаша и по тем местам на переходах многих побиша, а иных многих переимаша и мурзу их Бегбелия Агтакова взяша жива. И они, безбожнии, видя свое изнеможение, что Бог подал над ними победу государю, об том добили челом и вину свою принесли, что быть им под данью государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и на Русскую землю не приходити войною»***.

** Рустии вой – русские воины.

*** Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 391–395.

Так написано в уже неоднократно цитированной нами Строгановской летописи.

О втором нападении в 1581 г. «царя Пелымского» Кихека мы писали в главе о Пыскоре. Важнейшее сражение произошло именно возле Нижнего Чусовского городка. Кихек бежал. Погодинская ле-

топись, рассказывая о нападении на Пермь Великую вогул в 1581 г., предводителем этого набега называет пелымского князя Аблеги-рима, который был казнен за набеги на пермские земли в начале 90-х гг. XVI в. воеводами царя Федора Ивановича.

Нижний Чусовской городок и Орел-городок стали важными административными центрами, в которых располагались резиденции Строгановых и их управление. После раздела владений между Семеном Аникиевичем и Максимом Яковлевичем в 1584 г. начали самостоятельное формирование две части Чусовского округа – Нижнечусовская и Верхнечусовская (Усолошная, то есть тяготеющая к р. Усолке).

* * *

Трифон Вятский* прибыл на Чусовую между 1571 и 1572 гг. На горе напротив Чусовского городка он выстроил часовню, украсив ее иконами и книгами со Священным Писанием. Православные жители Чусовских городков, как гласит легенда, потянулись к Трифону за

** Подробно о пребывании преподобного Трифона в строгановских землях читайте на с. 60–65*

поучениями и молитвами. Вскоре у него появились постоянные ученики, которые и стали ядром формирующейся братии будущего монастыря.

После того как Трифон был выпровожен из границ Нижнего Чусовского городка, в построенной им келье жили старцы-отшельники. Возле трифоновской кельи появились другие, что положи-

ло начало Успенскому монастырю. Сам монастырь был образован примерно в 1580 г. По переписи Яхонтова, Успенский монастырь имел свою слободу, деревню Мыс и однодворный починок.

Сведения об Успенском монастыре очень скудны. По переписи Кайсарова (1624 г.), за ним значатся: Успенский храм деревянный, 5 келий, в которых проживало 23 старца, 4 кельи для монашек – «черных стариц». За монастырем

Успенская церковь Успенского монастыря.
Фото 1999 г. Начало реставрации храма

были закреплены скотный двор, деревня на р. Чусовой с двумя дворами, отхожий починок Оглово на Косьвинском ручье. Всего монастырь имел 1 слободку, 2 деревни, 1 починок, в них было 8 дворов крестьянских, а проживало (кроме монахов) 9 человек мужского полу.

В середине XVII в. Чусовской монастырь приходит в упадок. Обычно причину этого упадка связывают с церковной реформой 1652 г. Перепись Федора Чемезова 1642 г. показывает за монастырем 2 деревни, 14 дворов, 53 крестьянина и 4 церковника. Через пять лет переписчик Прокопий Елизаров записал в монастыре лишь один монастырский двор и 4 монахов. О том, что у монастыря были свои крестьянские дворы, упоминает перепись Бельского (1678 г.), но в этой переписи не указано их число. Успенский монастырь был упразднен по реформе 1764 г. В отличие от Пыскорского монастыря, Успенский хотя и находился под патронажем Строгановых, однако не превратился в крупного землевладельца.

*«Послаша из городков своих Семен и
Максим и Никита Строгановы в Сибирь
волских атаманов и казаков Ермака
Тимофеева с товарищи...»*

СТРОГАНОВЫ И ЕРМАК

Документы, повествующие о походе Ермака в Сибирь, страдают неполнотой и противоречивы. Многие бумаги сгорели, испортились, утерялись за прошедшие столетия, да и далеко не все, связанное с этим походом, было в свое время занесено на бумагу.

Все источники, повествующие о походе Ермака, традиционно делят на три группы: документы, составленные во время самого похода (царские грамоты из архива Строгановых, книги Посольского приказа); ранние летописи, составленные в первой половине XVII в. (Строгановская Сибирская летопись и Есиповская Сибирская летопись); сообщения, которые появились более чем через сто лет после

похода (например, «История Сибирская» сына тобольского боярина Семена Ульяновича Ремезова).

Нехватка данных порождает немало вопросов: какова роль Строгановых в организации этого похода? когда начался поход Ермака? где было его начало?

В исторической литературе сложились четыре версии, касающиеся роли Строгановых в организации похода Ермака. Первая утверждает, что Строгановы были инициаторами и организаторами похода казаков. Этой точки зрения придерживались такие известные ученые, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Л. Н. Майков, А. А. Дмитриев, С. Ф. Платонов, В. И. Огородников. Историки М. П. Погодин, П. Н. Небольсин, С. А. Андрианов утверждали, что Строгановы не имели никакого отношения к организации похода. Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, М. М. Щербатов и П. А. Словцов пытались найти компромиссное решение, утверждая в своих трудах, что Ермак и казаки задумали и осуществили завоевание Сибири самостоятельно, но Строгановы *неволью* этому способствовали: снабдили Ермака и его отряд вооружением и продовольствием, так как боялись, что в противном случае казаки возьмут все это силой; отправившись в Сибирь, казаки переставали быть угрозой для Строгановых. Еще один историк, Н. В. Шляков, выдвинул иную версию: поход Ермака был предпринят исключительно правительством Ивана IV, которое передвинуло из-под Могилева отряд казаков под командованием Ермака Тимофеева в пермские вотчины Строгановых. Однако последнее утверждение противоречит имеющимся и достаточно известным документам, поэтому другими историками серьезно не рассматривалось.

Вот как описывает события Строгановская летопись:

«В лето 1579 году, априля в 6 день, слышаху бо сия Семен и Максим и Никита Строгановы от достоверных людей о буйстве и храбрости поволских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи, како на Волге на перевозех ногайцев побивают, и тии людие, слыша то про их буйство и храбрость и людей с писанием и з дары многие послаша к ним, дабы шли к ним в вотчины их, в Чусовские городки и в острошки на спомогание им. И они же вельми сему возрадоваша, яко посланный приидоша к ним от честных людей и зваху их к себе на помощь. Тогда атаманы и казаки Ермак Тимофеев с товарищи Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк собрався со единомысленною и предоброю дружиною, число же их 500 и 40 человек, вскоре шествие учиниша к ним»*.

* Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 388.

Весьма вероятно, что Строгановы действительно могли отправить к Ермаку людей «с великими дарами»: на Урале было неспокойно, мы знаем о набегах «черемисов и башкирцев» в 1572 г. на городки

Орел и Пыскор, о «приходе Сибирского салтана Кучумова сына царевича Маметкула на Чусовую реку и о пленении русских людей» в 1573 г. Нужны были обученные военному делу, опытные люди, способные реально защитить строгановские вотчины от набегов. И понятно было, что, пока существует Сибирское ханство, опасность сохранится. К тому же завоевание Сибири позволило бы наконец освоить те земли, которые Строгановы получили по грамоте 1574 г.

Но как готовился поход, откуда он начался?

Летописец Савва Есипов в 1636 г. относит начало похода Ермака к осени 1580 г. Автор Строгановской летописи пишет о том, что Ермак появился во владениях Строгановых летом 1579 г., прожил там два года и отправился в свой поход 1 сентября 1581 г. В настоящее время историком Р. Г. Скрынниковым дата начала похода в Сибирь определяется 1 сентября 1582 г., так как, по историческим документам, в июле 1581 г. атаман Ермак, участвуя в Ливонской войне, находился под Могилевом и, естественно, не мог пребывать на Урале в сентябре 1581 г. В вотчинах Строгановых Ермак Тимофеевич мог оказаться только в первой половине 1582 г., после заключения Ям-Запольского перемирия, завершившего Ливонскую войну.

Подготовку к походу подстегнуло нападение летом 1580 г. на пермские земли зауральского мурзы Бегбелея. Хотя Бегбелей был разбит и пленен, окончательно разделаться с «сибирской опасностью» желали и Строгановы, и Иван IV.

Интересна «опальная» грамота Ивана Грозного, направленная Строгановым 16 ноября 1582 г. Она является своеобразным ответом на жалобу чердынского воеводы Василия Перепелицына, который доносил, что 1 сентября его крепость подверглась атаке сибирских людей и пелымского князя, а Строгановы не помогли ему в беде, но в самый день штурма послали Ермака «воевать сибирские места». Из грамот, хранившихся в Сольвычегодске, в архиве Строгановых, следует, что 1 сентября («о Семени дни») 1581 г. на пермские владения Строгановых напал пелымский князь и разорил их. Семен и Максим жалуются на Никиту Григорьевича, который сидел в Орле-городке и не выручил их из беды. Получается, Ермак ушел в свой поход 1 сентября 1581 г., и Никите уже некого было послать на помощь братьям? А ответ на челобитную Перепелицына опоздал на год? Странно...

Р. Г. Скрынников так решает этот парадокс: строгановский летописец, который, собственно, и называет датой отхода Ермака в

В. И. Суриков. Покорение Сибири Ермаком. Фрагмент картины

Сибирь 1 сентября 1581 г., запутался в датах и грамотах и объединил два набега – 1581 и 1582 гг. – в один. В 1581 г. в строгановских вотчинах еще не было Ермака: он находился под Могилевом, – а в 1582 г. уже не было: он вышел в поход.

Обычно считается, что Ермак Тимофеевич отправился в Сибирь из Нижнего Чусовского городка. Однако существует много косвенных исторических данных, которые говорят о том, что Ермак был в Орле-городке.

В XIX в. ученый В. В. Голубцов скопировал с некоей «затинной пищали», которая хранилась в строгановской коллекции, такую надпись: *«В граде Кергедане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090»*. В дальнейшем пищаль якобы была утеряна, и никто, кроме В. В. Голубцова, ее не видел.

Профессиональные историки Урала до сих пор оперируют при изучении истории похода Ермака этой злосчастной надписью, нередко забывая усомниться в ее подлинности. А ведь история рода

Строгановых порой сама выступает главным критиком истинности подобных свидетельств.

После смерти Аники Строганова, который держал свое потомство в жесточайшей узде, в семейном клане происходит раздор. Это приводит к первому разделу вотчинной системы на северную, отошедшую к Семену Аникиевичу и Григорию Аникиевичу, и южную, где властвовал Яков Аникиевич, оставивший наследство своему сыну Максиму. Именно его имя упоминается на злополучной пищали, которую никто, кроме В. В. Голубцова, в глаза не видел... Странно, однако: как же Максим Яковлевич мог дарить Ермаку «затинную пищаль» за отражение набега на Нижний Чусовской городок вогуличей и сибирских татар, по Р. Г. Скрынникову, «в граде Кергедане», минуя Никиту Григорьевича, владевшего этим городком? Неужели Максим Яковлевич не мог преподнести Ермаку Тимофеевичу столь важный подарок в своем вотчинном Нижнем Чусовском городке, откуда Ермак с казаками пошел в Сибирь? (О, это вопрос! Или... Ермак ушел в Сибирь из Орла-городка? И тогда преподнесение ему пищали с памятной надписью имело символическое значение.) Совершенно непонятно и то, как этот дар после гибели Ермака мог оказаться снова в коллекции Строгановых.

Оружие XVI в. в экспозиции Березниковского историко-художественного музея

Нам представляется вот что. Строгановы достаточно ревниво относились к определению своей роли в организации экспедиции Ермака Тимофеевича в Сибирь. «Затинная» пицаль могла быть более поздней подделкой XVII в. – новоделом, изготовленным Строгановыми «в подтверждение» своей причастности к походу. Именно в 30–40-е гг. XVII в. создается Строгановская летопись, где ярко освещена значительная роль клана Строгановых в походе Ермака.

Любопытно, что, по данным старожилов Нижнего Чусовского городка, в каменной церкви первой половины XVIII в., построенной на средства Строгановых, имелись росписи с сюжетами из истории похода Ермака.

Факт нахождения Ермака Тимофеевича в Орле-городке, возможно, подтверждается известием «Истории Сибирской» тобольского сына боярского Семёна Ульяновича Ремезова. С. Ремезов сделал географическую ошибку, которую повторили в своих работах историки В. А. Оборин и А. А. Преображенский. По данным С. Ремезова, в период похода Ермак со своим отрядом «обмишенился» и свернул с р. Чусовой в ее левый приток – р. Сылву, зазимовав в районе современного города Кунгура. Однако как мог Ермак Тимофеевич со своими казаками выйти из Нижних Чусовских городков вверх по Чусовой и оказаться в бассейне р. Сылвы, левого притока Чусовой, впадающего в нее ниже по течению? Тем более, по С. Ремезову, указана р. Сылва, которая находилась в пределах вотчины Максима Яковлевича, где располагался пока не обследованный археологами строгановский Сылвенский острожек. В р. Сылву Ермак и его спутники могли попасть, только если плыли вверх по Каме или вниз по Каме от Орла-городка, а затем по Чусовой, не достигнув Нижних Чусовских городков. Р. Г. Скрынников посчитал эти известия С. Ремезова недостоверными, предположив, что легенда о пребывании Ермака на Сылве возникла в г. Кунгуре лишь в конце XVII в. С ним следует согласиться. Какая-то ошибка в передвижении Ермаком была совершена, только связана она явно с другой рекой – Сылвой, левым притоком Чусовой, расположенным в верховьях этой крупной водной артерии Урала. Устье Сылвы находилось как раз недалеко от р. Серебрянки, по которой отряд Ермака вышел на переволоку в сторону р. Баранчи. Река Сылва упоминается в записках русского посла в Китай Адама Бранда (1692 – 1695 гг.). Следует согласиться с Р. Г. Скрынниковым, что переход отряда казаков под предводительством Ермака через Уральский хребет и его проникновение в Сибирь с захватом ставки хана Кучума Кашлыка были скоротечны. По данным Адама Бранда, караван небольших судов «с пятью рабочими-гребцами на каж-

дом», с которым шло русское посольство в Китай, отправился из Нижнего Чусовского городка 19 мая 1692 г. и достиг устья р. Серебрянки 26 мая 1692 г.*.

Однако Р. Г. Скрынников полагает роль Строгановых в организации похода Ермака значительно преувеличенной. Мы же, в отличие от него, считаем, что Строгановы сыграли в организации экспедиции ключевую роль, так как без наличия таких опорных пунктов, как строгановские укрепленные городки, оснащенные передовым по тем временам огнестрельным вооружением, имеющие большие запасы свинца и пороха, а также пищевых продуктов, легендарный поход в Сибирь был бы просто невозможен. Даже если признать справедливым мнение Р. Г. Скрынникова о фантастическом количестве («5000 по именом») участников сибирской экспедиции, то отраженная в Кунгурской (Ремезовской) летописи роспись снаряжения и пищевых продуктов реальна («на всякого человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья и три полковых пушки по три пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и колико масла пудов»)**.

* Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692 – 1695). – М., 1967. – С. 75–77.

** Сибирские летописи. – СПб., 1907. – С. 315.

Строгановы не только рассчитывали, используя вольных казаков, обезопасить свои вотчины от набегов «сибирских людей», но и планировали приступить к освоению Сибири, что также доказывается историческими источниками. Однако этим планам не суждено было сбыться, так как к колонизации Сибири после замечательного похода Ермака Тимофеевича, который полностью уничтожил эфемерное Сибирское ханство, приступило государство.

При формировании идеи похода в Сибирь в семье Строгановых могла произойти определенная консолидация, что привело к примирению Никиты Григорьевича с Семеном Аникиевичем и Максимом Яковлевичем, так как чусовская вотчина по своим ресурсам значительно уступала северной орловской и без ее поддержки полноценное оснащение экспедиции Ермака Тимофеевича вряд ли могло состояться. Идея похода в Сибирь явно вынашивалась в Орле-городке – центральном вотчинном пункте Строгановых в Прикамье. Ввиду этого мы можем предположить, что Ермак Тимофеевич был в Орле-городке и обсуждал с кланом Строгановых экономическое обеспечение похода в Сибирь. Рассчитывать на государственные ресурсы в те времена, после окончания Ливонской войны, вообще было невозможно. В связи с этим, вероятно, Максим Яковлевич мог привезти в знак примирения «затинную» пицаль в Кергедан.

Итак, на наш взгляд, Ермак Тимофеевич отправился в свой бессмертный поход из Орла-городка, где уже был решен вопрос со Строгановыми об освоении Сибири. Нижний Чусовской городок мог являться только промежуточной базой, где Максим Яковлевич, естественно согласуя интересы всего клана Строгановых, был вынужден окончательно экипировать легендарную экспедицию. В связи с этим представляется вполне уместным и оправданным памятный знак, поставленный в пос. Орел Усольского района Пермской области в честь экспедиции Ермака Тимофеевича. И правомерна надпись на нем:

«Отсюда в лето 1581, нагрузив ладьи оружием и припасами, прибрав себе дружину малую, пошел Ермак на покорение Сибири».

*«...И прииде в страны Перми Великия
в пределы Строгановых отчины...»*

СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНЫЙ ТРИФОН ВЯТСКИЙ В ЗЕМЛЯХ СТРОГАНОВЫХ

Если подняться на высокий мыс, где когда-то был расположен Пыскорский монастырь, можно увидеть железный крест, установленный в честь преподобного, месточтимого святого русской православной церкви Трифона Вятского.

Трифон Вятский родился около 1540 г. в с. Малая Немнюжка Пинежского уезда. В крещении его называли Трофимом. Родители его – отец Дмитрий и мать Пелагея – были крестьянами, «живяста же оба по закону Божию, во всяком добронравии», чрезвычайно набожными людьми. Трофим был последним ребенком в большой семье. Мысль о церковном служении, похоже, пришла ему еще в раннем возрасте. Мы узнаем из «Жития» Трифона, что, по достижении совершеннолетия, «егда же преспевшу времени возраста его помышляху сочетати его законным браком», Трофим отправляется в странствия, умерщвляя свою плоть постами и укрощая душу молитвами.

Трифон Вятский

В Устюге он встречается с иереем церкви Святителя Афанасия Иоанном, который станет Трофиму духовным наставником.

После долгих странствий Трофим прибыл в строгановскую пермскую вотчину, «на Орел-городок». В течение года он вел здесь жизнь юродивого, ходил в рубище, ночевал на церковной паперти.

«Житие» повествует о том, как однажды зимой «люди Строгановых», возможно в чусовской вотчине, потешаясь, сбросили юродивого со Слудской горы. Огромный пласт снега, нависавший над склоном, обрушился на беднягу. Шутники бросились откапывать юродивого, но тот,

как выяснилось, не пострадал; более того, от Трофима исходила «теплота пары пущающая». Трофим тут же простил насмешников.

Об этой истории стало известно Якову Строганову. Сын Якова Максим был болен, и Яков упросил Трофима помолиться, «еже даровать ему здравие, в наследие рода нашего». После молитвы Трофима Максим выздоровел. Более того, в роду Строгановых перестали умирать новорожденные дети, *«от сего начаша блаженного прославляти и почитати Строгановы и сродники их, яко истинного Божьего угодника»*.

Дар исцеления Трофим проявил в с. Никольском, вылечив умирающего ребенка. После этого он отправился вновь на Каму, в Пысковский Преображенский монастырь и там обратился к настоятелю Варлааму с желанием принять постриг. Варлаам пытался отговорить Трофима, проверяя его веру, но не преуспел: в возрасте 22 лет Трофим постригается в монахи и принимает имя Трифона.

Монастырский хлеб был скуден, а иноческое послушание трудно. Трифон тяжело заболевает и выздоравливает только спустя 40 дней. «Житие» гласит, что за душой Трифона пришел ангел-хранитель и вслед за ангелом душа стала возноситься на небо. Однако раздался великий глас: *«Ускорил еси взяти душу его, но паки возврати его»* («Поспешил взять душу его, возврати обратно»). Трифон

очнулся и принялся горячо молиться. В это время ему явился Святитель Николай Чудотворец и окончательно исцелил Трифона.

Трифон еще усерднее берется за послушание, исцеляет страждущих. О нем пошла *«слава велия (великая), он же, не навидя славы человеческия, тайно изыде из обители»*.

Недалеко от современного города Перми, у устья речки Мулянки, есть знаменитый археологический памятник – Гляденовское костище. Во времена Трифона здесь еще справлялись языческие культы. Рядом с языческим капищем Трифон строит себе *«хижину малу»*. Язычники-остяки *«числом до семидесяти»*, вооружившись *«дрекольми»*, явились выдворять Трифона из святого для них места. Трифон не убоился и встретил их проповедью. Остяки *«ужасом одержимы со страхом отидоша во свояси»*.

Четыре недели Трифон пробыл в посте и молитвах. Наконец, взяв с собой икону, осенив себя крестным знамением, отправился *«ко идоложертвенному дереву, наричому ель»*, росшему на остяцком капище. Достав секиру, Трифон срубил ель и сжег ее вместе со всеми жертвоприношениями, которые были на капище. Остяки же, уверенные в том, что святое место может защитить себя само, увидев, что Трифону не причинилось никакого вреда, были поражены. Монах прочитал еще одну проповедь, убеждая остяков, что *«несть иного Бога на земли и на небеси разве Господа Бога Творца небеси и земли»*. Здесь преподобный Трифон выступает продолжателем миссионерской деятельности Стефана Пермского, крестившего коми-зырян в устье р. Выми.

Остяки попытались отстоять свое право поклоняться языческим богам и приносить жертвы. Они отправили посланцев в Сылвенский городок, в строгановский административный центр, *«к приказному»*. Но приказной, человек православной веры, запретил трогать Трифона и велел посланцам возвращаться домой.

В 1572 г. черемисы пошли набегом на Пермь Великую. Остяки, пользуясь случаем, решили убить преподобного. Но, как гласит легенда, по молитвам преподобного келья его стала невидимой, и остяки так и не смогли отыскать Трифона. После этого случая остяки стали принимать крещение.

Трифон на некоторое время возвращается в Пыскорский монастырь. На монастырских промыслах иссякли соляные ручьи, и настоятель обратился к нему за помощью. Молитвы преподобного возымели действие, и ручьи забили *«лучши прежняго»*. В Пыскоре Трифон занимается исцелением больных, но слава вновь начинает угнетать его.

Тогда монах обращается к Якову и Григорию Строгановым, и те предлагают ему отправиться на Чусовую. В районе Нижнего Чусовского городка, на высоком противоположном берегу реки, Трифон основывает Успенский монастырь.

Здесь он вновь демонстрирует чудеса. Интересен рассказ об исцелении некоего крестьянина Григория от болезни глаз. Григорий пришел к Трифону и просил об исцелении. Когда зрение к нему вернулось, он стал сомневаться в святой силе Трифона: *«Не Премудрость Божия помиловала меня, не ради молитв преподобного Трифона получил я исцеление – болезнь прошла сама собой»*. Тут Григорий вновь слепнет и, раскаявшись, опять обращается за помощью к Трифону. Тот вторично его исцеляет и напутствует такими словами:

«Чадо, милость Божия подала тебе прозрение, веруй этому с твердостью. Ничего не случается без воли Божьей; все от Бога, по нашей вере и добрым делам. Не будь малoverен и не согрешай, чтобы не случилось с тобой худшего».

Ни в коем случае не собираясь затронуть чувств верующих, мы обращаем внимание на то, что эта легенда сильно напоминает обстоятельства из жизни иных православных святых. Сам святой Владимир, креститель земли Русской, после победы над Корсунью, забыв о желании принять христианство, слепнет и обретает зрение, только исполнив обет. Сюжет с потерей и обретением зрения весьма символичен, он должен был подчеркнуть силу христианского учения. Только истинная вера открывает глаза. Глубокая символика рассказа заставляет усомниться в его подлинности, что не умаляет, однако, его значения в повествовании о жизни Трифона.

Вскоре после описанных событий случилась беда: когда Трифон расчищал лес и сжигал его, поднялся сильный ветер, огонь перекинулся на соседние деревья, и в пожаре погибли дрова, заготовленные местными жителями для строгановских солеварен. Быть может, крестьяне решили, что поджог был умышленным, или просто потери были очень уж велики. (В XVIII в. для выварки 1 пуда соли требовалось использовать 12,9 сажени дров. Заготовка 1 сажени дров обходилась в приличную для того времени сумму – от 7 до 20 копеек. Из-за пожара крестьяне потеряли значительный заработок. При нехватке дров для соляных промыслов могли потерпеть убытки и Строгановы.) Местные жители изловили Трифона и сбросили его с высокого обрыва р. Чусовой. До сих пор среди старожилов ходит легенда о словах Трифона, произнесенных им во время падения: *«Место свято, люди кляты»*. Жителей с. Успенка порой и в наше время нет-нет да и назовут «проклятонышами».

Характерно, что в жизнеописании Трифона Вятского отмечаются два случая негативного к нему отношения «людей Строгановых». Скорее всего, реальные события, связанные с пожаром и вызвавшие гнев Строгановых, могли быть заретушированы в «Житии» более благостным сюжетом о сбрасывании молодого Трифона строгановскими людьми со Слудской горы.

Трифон не разбился о камни. Увидев, что монах жив, крестьяне кинулись за ним в погоню. Но Трифон успел вскочить в лодку, и та сама, без парусов и весел, перевезла его на другой берег.

Крестьяне пожаловались на Трифона Григорию Строганову. Тот, «гневом зело окоснев», велел разыскать преподобного и заковать его в цепи. «Если надо мною это творить повелеваешь, – сказал Трифон Григорию Строганову, – быть и тебе в скором времени закованным в цепи».

На четвертый день заточения Трифона из Москвы прибыли посланники. Григорий Строганов впал в царскую немилость, за что на него и вправду надели кандалы. Григорий, однако, смог попросить преподобного о прощении, и после молитвы царский гнев утих, Строганова освободили, и тотчас же он выпустил Трифона. Возможно, в «Житии» нашли отражение события, связанные с царской опалой Семена Аникиевича, который был «выдан головой» старшим братьям.

После этого Трифон отправился в Вятку, где основал Успенский монастырь. Интересно, что имя Трифона Вятского связано с Лжедмитрием I. В посольской справке, составленной при правлении Василия Шуйского, указано, что юного Григория Отрепьева постригал в монахи «с Вятки игумен Трифон», в конце XVI в. Таким образом, прослеживаются связи преподобного Трифона с семьей Романовых. Когда при Борисе Годунове семья Романовых оказалась в опале, игумен Трифон был изгнан из созданного им монастыря. В «Житии» эти события затемнены и объясняются тем, что против него восстали иноки, недовольные строгим уставом монастыря, во главе с любимым учеником Трифона Ионой Маминым.

Трифон много странствовал по России. В г. Слободске он основал Богоявленский монастырь. В местах, где ему приходилось бывать, он устраивал крестные ходы и молебны. Но на пермские земли преподобный больше не возвращался.

Почувствовав приближение смерти, Трифон прибыл в Вятский Успенский монастырь. Под влиянием городского духовенства, а скорее, в связи с изменением политической обстановки в стране,

когда, возможно, Вятка присоединилась к сторонникам избрания Михаила Романова на престол, Иона Мамин покался и принял Трифона, прося у него прощения. Через несколько дней, 8 октября 1612 г., Трифон скончался.

В «Житии Трифона Вятского» перед нами предстает несомненно неординарный, сильный в своих убеждениях и твердый духом человек. Именно благодаря таким людям шел процесс христианизации уральских земель, и значение в этом процессе деятельности преподобного Трифона нельзя переоценить. И хотя преподобный получил прозвание Вятского, это один из самых почитаемых на Урале святых.

*«...Для утеснения Сылвенских
и Иренских татар и остяков...»*

СЫЛВЕНСКИЙ, ЯЙВИНСКИЙ И ОЧЕРСКИЙ ОСТРОЖКИ

Как мы уже говорили, строгановские владения на Урале разрастались быстро, и кроме Пысгора, Орла-городка и Чусовского городка на местах, стратегически выгодных, появлялись другие, меньшие по размерам и численности населения защищенные поселения – *острожки*.

Видимо, в скором времени после строительства Орла-городка на речке Усолке, недалеко от р. Яйвы строится Яйвинский острожек. Длина стен его укреплений была всего 298 м, низкие стены составлены из обтесанных бревен, башня поставлена только одна – «проезжая». Углы крепости ничем не прикрыты и напоминают обычный частокол. Вот что пишет Строгановская летопись:

«В лето 7078 (1570) по повелению благочестивого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставил Яков Строганов для перехода Сибирских и Ногайских людей, чтобы им к государевым Пермским городом пути не было, и для утеснения Сылвенских и Иренских татар и остяков, и чусовских и яйвинских и инвинских и косвинских вогулич над Сылвою и над Яйвою реками острожки, и наряд скорострельной и пушечки и затинные и пищали и ручные, и людей пушкарей и затинщиков и пищальников и воротников в тех острожках устроил»*.

* Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 385.

Долгое время историки считали, что эта небольшая крепость должна была прикрывать Орел-городок от возможного набега по р. Яйве (Орел-городок, как вы помните, стоял в устье реки). Однако после обнаружения археологами этого острожка со старой гипотезой пришлось расстаться: он находился от Яйвы достаточно далеко (в нескольких верстах), население его было слишком малочисленным, чтобы своевременно реагировать на опасность и тем более отражать набег за крепостными стенами. Острожная стена, судя по всему, должна была защищать только место добычи рассола. Ранее также считалось: дальнейшее развитие Яйвинского острожка прекратилось из-за того, что отпала военная угроза. Скорее всего, причина в другом: рассолы, добываемые на месте острожка, были беднее, чем, скажем, в том же Орле-городке, Чусовских городках или Новом Усолье, разрабатывать их было менее выгодно. И хотя древние рассолоподъемные трубы до сих пор стоят на территории бывшего острожка, а из них тугими струями бьет соленая вода, этот населенный пункт так и не стал важным промышленным участком соляной добычи.

В XVI в., к моменту переписи Яхонтова, Яйвинский округ был достаточно обширен. Он простирался от р. Уньвы до р. Чаньвы (приток Яйвы) на протяжении 120 верст. Ниже Уньвы лежали отхожие земли чердынцев, выше Чаньвы – поселения вогулов и остяков (хантов и манси). В этом округе во владении Строгановых было 170 четей земли, 45 десятин пашенного леса, 1500 копен сена. В округе Яйвинскому острожку принадлежали три починка: Бородина, Дощаникова и Яслокова.

Старожил с. Усть-Игум, находящегося в 2 км от бывшего Яйвинского острожка, поведал одному из авторов следующую историю, передаваемую в их роду по наследству:

«Яйвинский острожек знаю хорошо. Шесть солеварен там стояло, соль выпаривали, пока на Усолье ее не нашли. Там соли лучше были. Здесь сто граммов соли с литра варили, а в Усолье – сто двадцать. Считать-то уже тог-

Рассолоподъемная труба Яйвинского острожка.
Фото 1999 г.

да хорошо умели. Еще господский дом стоял. Острожек был, охрана стояла из стрельцов. Стрельцы-то с разных сторон были, часть с Великого Новгорода, а часть с Беломорья. Стрельцы не государственные были, а строгановские. Пока Казанское ханство не присоединилось, набеги были... Соль-то им (тата-рам) тоже нужна была.

А когда надобность в стрельцах отпала, им (стрельцам) здесь предложили остаться. Возвращаться-то уж некуда было...

/Предок/ мой, Андреем звали, тоже из этих стрельцов был. Им землю предложили, с лесом, правда: сколько раскорчуеть, столько и получишь. Андрей с господского хозяйства лошадь получил, корову, овец, 12 пудов семян. Женили его на местной. По этому поводу легенда есть. Она (девушка), видимо, красивая была, а Андрей мужиковатый (не под стать). А отец ее якобы амбар строил. Тогда без гвоздей хорошо строили – всего по два гвоздя забивали, для крепости. Ну, и понадобилось будущему тестю два гвоздя. А Андрей в то время уже в кузнице работал и два гвоздя эти отковал. Ну, и люди стали говорить, что за гвозди женился. Отсюда и фамилия – Загвозкин. Правда или нет – не знаю»*.

** Головчанский Г. Яйвинский острожек – новый археологический памятник XVI-XIX вв. в пределах уральской вотчины Строгановых // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Вып. 1. – Березники, 2001. – С. 174-176.*

Вот удивительный пример того, как живет в народе историческая память. Рассказ местного жителя неожиданно находит подтверждение в древних документах. Если мы возьмем «Переписную книгу воеводы Прокопия Козьмича Елизарова по вотчинам Строгановых» за 1647 г., то встретим там среди крестьян Яйвинского острожка некоего Загоскина. Вполне логично предположить, что историк А. Дмитриев, готовивший рукопись к публикации, мог пропустить букву «в» в фамилии Загвоскин (вариант возможного написания современной фамилии Загвозкин или Загвоздкин).

Сылвенский острожек, построенный, видимо, почти одновременно с Яйвинским, располагался в том месте на р. Сылве, «в 20 верстах от ея устья», где сейчас находится с. Троицкое. Этот острожек был очень похож на Яйвинский, с той разницей, что часть острожной стены вместо частокола состояла из поставленных в ряд изб и амбаров, а башен у этой крепости не было вообще.

Справа от слободы (или острожка – в отношении этих поселений в древних грамотах оба термина часто употребляются на равных), на впадении речки Юрман в Сылву, стояла мельница. В Сылвенском уезде было 3 деревни и 5 починков. Во всех этих поселениях (кроме самого острожка) в среднем было по 2–3 двора. Максим и Семен Строгановы имели в Сылвенском уезде собственные пашни, а именно: 110 четвертей доброй земли и 326 четвертей перелугу в трех полях, 58 десятин пашенного леса, 1850 копен сена. Крестьяне, населявшие Сылвенский округ, имели отдельное хозяйство, которое составляло 181 четверть доброй земли, 322 четверти перелугу в трех полях, 164 десятины леса и 2875 копен сена.

Рассказ о небольших строгановских крепостях стоит закончить описанием Очерского острожка. Он возник в 1597 г. на берегу р. Очер. В отличие от Яйвинского и Сылвенского, Очерский острожек возводили как особый административный центр, управляющий Очерским округом, находившимся в общем владении всех Строгановых. Это была пограничная крепость на рубеже строгановских имений. Хотя эта крепость тоже была небольшой (общая длина стен составляла около 300 м), но она имела уже 4 башни: 2 «глухие», предназначенные только для дозора и ведения боя, и 2 «проезжие» – с воротами.

В острожке были церковь с колокольной, амбары, двор вотчинников – в этом дворе жил строгановский приказчик. Историк Г. Н. Чагин, изучая описание Очерского острожка (1686 г.), обратил внимание на горницу «на подклете с сенми и с повалышею». Эта загадочная «повалыша», по мнению ученых, могла являться спальным помещением (производное от слова «повалиться») или помещением для официальных приемов. Некоторые исследователи считают, что «повалыша» выполняла оборонительные функции. Реально последнее предположение, так как, по описанию Очерского острожка 1686 г., именно в «повалыше», или «повалуше», хранились предметы вооружения: *«17 пищалей, мушкетов, турок, карабинов, 3 пищали затинных, пороху четверти с три, 21 топоров, 27 пик»*. Загадочная «повалыша» явно служила своеобразным арсеналом острожка. Ввиду того что в 1686 г. юго-западным окраинам вотчины Строгановых опасность не угрожала, так как в этой местности жило лишь русское крестьянское население, а их соседями были невоинственные удмурты, оружие находилось в складированном состоянии. Может быть, слово «повалуша» и означало местное понятие «склад для вооружения».

В 1959 г. археологический отряд И. С. Поносовой, входивший в состав Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета, обследовал остатки Очерского острожка. Раскопки подтвердили, что этот населенный пункт обладал деревянной крепостью. Были обнаружены остатки оборонительных сооружений в виде частокола из толстых (диаметром до 20 см) бревен и горбылей, вкопанных в специальную канаву. Частокол имел с внутренней стороны площадки бревенчатый накат и высокую земляную насыпку. На восточном склоне мыса были исследованы остатки сооружения, связанного с металлургией (это говорит о наличии развитого ремесла), – углубленной в землю сыродутной печи-

домницы, сложенной из камней и глины и заключенной в деревянный сруб, плотно забитый глиной. Около домницы найдены шлаки, крицы, древесный уголь, обломки глиняных сопел. Столбовые ямы, обнаруженные по периметру сруба, говорят о существовании навеса, прикрывавшего домницу от дождя и непогоды.

Обитатели Очерского острожка (как и других населенных пунктов Строгановых) не только несли военную службу, но и занимались скотоводством, охотой, рыбной ловлей. Это доказывают найденные кости домашних и диких животных, а также кости рыб (осетра, щуки, голавля, леща). В ходе раскопок были обнаружены железные орудия труда (ножи, шилья, костяные части ткацкого станка) и много гончарной посуды с клеймами мастеров.

Отрядом И. С. Поносовой было уточнено и место расположения Очерского острожка – высокий мыс правого берега р. Очер, восточная окраина современного села Острожка.

Во второй половине XVII в. на восточных рубежах вотчины Строгановых возникают еще два острожка, о которых исторические известия очень скудны. Они до сих пор не локализованы археологами. Эти острожки появляются в бассейне р. Сылвы, где в лесостепных пространствах Сылвенско-Иренского поречья кочевали башкиры, иногда совершая набеги на сельские поселения. Военная опасность была вполне реальна. Достаточно вспомнить восстание башкир в 1662 г., в результате которого был сожжен старый Кунгур – один из первых опорных пунктов на р. Ирени. Серьгинский острожек на р. Сылве имел укрепления с «проезжей» башней, где стояли пушки. Упоминается в источниках Кишертский острожек, в котором находился храм.

В ранних периодах существования строгановских острожков много белых пятен. Мы надеемся, что со временем их станет меньше – и в этом поможет наука археология. Строгановские острожки еще ждут своих исследователей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*«А в писцовых книгах писца
Михаила Кайсарова написано...»*

СТРОГАНОВСКИЕ ВОТЧИНЫ В XVII В.

О строгановских пермских вотчинах в XVII в. повествует достаточно широкий круг источников: переписные книги, юридические документы, которыми сопровождались переделы земель между владельцами, различные грамоты. Пермские вотчины росли, укреплялись новыми населенными пунктами, развивались соледобыча, сельское хозяйство, другие промыслы (например, рыболовный и охота на пушного зверя), ремесла. О богатстве Строгановых были наслышаны и иностранцы. Вот что сообщает об их вотчине английский посол Флетчер, побывавший в Москве в 1588 г.:

«Три брата из купцов торговали вместе одним капиталом, которого у них, как полагали, было до 300 000 рублей наличными кроме земель, скота и другого товара. Это отчасти должно приписать их местопребыванию, находящемуся в дальнем расстоянии от двора, именно в Вычегде, в 1000 милях от Москвы и даже более. Те, которые знают их лично, подтверждают, что в продолжении целого года у них работали 10 000 человек, занимаясь добыванием соли, перевозом тяжестей на телегах и барках, рубкой леса и т. п., кроме, по меньшей мере, 5000 душ крестьян, живших в деревнях и обрабатывавших их землю. У них были свои лекари, хирурги, аптекари и всякие ремесленники из голландцев и других иноземцев. Говорят, что царю платили они ежегодно 23 000 рублей (почему им дозволено было производить торговлю) и кроме того содержали несколько гарнизонов на сибирской границе, близкой к ним. Царь был доволен их податью...»*.

** Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. – М., 1991.*

Для начала попробуем разобраться с продолжавшейся формироваться системой землевладения.

Общая площадь земель, принадлежавших Строгановым на Урале, продолжает расширяться. 15 сентября 1615 г. Андрей и Петр Семеновичи Строгановы получают жалованную грамоту на новые земли от р. Ошав вниз по Каме до речки Тулвы. По течению Камы Строгановы получили земли на 35 верст, со всеми малыми речками на этом протяжении.

Казалось бы, опасность со стороны Сибирского ханства ушла в прошлое и государство само должно было наложить руку на богатые земли. В чем причина новых щедрых пожертвований?

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. на престол взошел его сын Федор. Но, как пишут современники, был он «блаженным», совершенно не уделял времени управлению государством, а дни проводил в постах и молитвах. Фактическим правителем Московского государства стал Борис Годунов, на сестре которого Ирине был женат Федор. Когда же истощенный недугами Федор скончался, Борис стал править уже официально. Однако тяжелая экономическая ситуация в стране, разорения, которые произвел Иван Васильевич, утомительная для бюджета Ливонская война, а также прерывание династии Рюриковичей привели к тому, что в России началось так называемое Смутное время.

В Россию из Речи Посполитой двигаются войска Лжедмитрия I. После гибели самозванца правителем становится Василий Шуйский, он пытается обороняться от войск Лжедмитрия, Россия просит о помощи Швецию, русские просторы заполняют польские и шведские интервенты. Героическая борьба русского народа в конце концов приносит успех, и в Ипатьевском монастыре венчается на царство Михаил Федорович – первый из династии Романовых. Но страна разорена, в казне нет денег. Как ликвидировать кризис?

Скорее, не столько из государственных интересов, а пытаясь обеспечить себе в дальнейшем поддержку и льготы со стороны монарха, Строгановы несколько раз переводят в Москву огромные денежные суммы. Они ссужают правительству Василия Шуйского значительные средства, которые, по приблизительным подсчетам, достигали огромной для того времени суммы – 200 тыс. рублей. Незадолго до своего падения Василий Шуйский пожаловал Строгановым высокое купеческое звание «гостей» и, что особенно необычно для этой высшей категории торгового сословия, дал разрешение Никите Григорьевичу Строганову именоваться по имени и отчеству. Такое именование было привилегией высшей княжеской и боярской служилой элиты. Впоследствии «именитыми людьми» стали все члены семьи Строгановых.

Затем Строгановы предоставляют денежные ресурсы молодой династии Романовых. Ссуды достигали общей суммы свыше 400 тыс. рублей. Приведем для примера грамоту первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича от 24 мая 1613 г.:

«От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, к Соли Вычегодской, Максиму Яковлевичу да Миките Григорьевичу, Андрею да Петру Семеновичам Строгановым. Бьют нам челом, на Москве, дворяне и дети боярские, атаманы и казаки, и стрельцы и всякие ратные люди, что они, будучи под Москвою, от московского разоренья многие нужи и страсти терпели и кровь

проливали и с польскими и с литовскими людьми, с городскими сидельцы, и которые приходили к ним в помощь, билися, не щадя голов своих, и Московского доступали, и от многих служб оскудили, и поместья и вотчины, у дворян и детей боярских, от многия войны стали в великом разорении и запустели, и службы своей всякой пополнить нечем; а атаманы, и стрельцы и казаки служивую рухлядь проели, и на нашей службе им быти, за великою бедностью, не мочно; а в нашей казне, на Москве, денег и хлебных запасов в житницах нет, и служивым людям дати нечего. А выходцы и языки в распросе бояром нашим сказывают, что литовские люди хотят итти под Москву; а в нашей казне денег и в житницах хлеба, на Москве, нет нисколько, а это вы, с своих вотчин, в нашу казну денежных доходов платите, и нам про то подлинно не ведомо.

И ныне, по нашему указу, послан к вам Ондрей Игнатович Вельяминов, а велено ему с ваших вотчин, на прошлые годы и на нынешний на 121 год, по книгам и по описям наши денежные доходы взяти сполна и привести к нам, к Москве, на жалованье ратным людям. **Да у вас же указали есмя просити займы, для крестьянского покою и тишины, денег и хлеба, и рыбы, и соли, и сукон, и всяких товаров, для дачи ратным людям,** которые стоят за образ пречистый Богородицы, и за православную христианскую веру, и за нас, и за вас, и за всех православных крестьян. Хотя и ныне промыслов убавите, а ратным людям на жалованье дадите, сколько мочно дати, а как в нашей казне деньги в сборе будут, и мы вам те деньги велим заплатить тотчас. А буде вы в займы нам денег и хлеба и товаров, что дати ратным людям, не дадите, а грехом ратные люди, не терпя голод и нужи, с Москвы разойдутся, и вам от Бога не пробудет, что православная крестьянская вера разорится!

И по той государевой грамоте, во 122 году на Москве, дали государю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси, Максим да Никита, да Ондрей, да Петр 3000 рублей»*.

**Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 245-250.*

За годы Смуты и вскоре после нее Строгановы ссудили казне около 600 тыс. рублей – сумму, в пересчете на современные деньги сопоставимую со многими миллионами долларов. Для сравнения следует отметить, что, по данным историков XVII в., годовой прожиточный минимум одного работника составлял от 3,5 до 4,5 рубля. Щедрое вливание уральских предпринимателей позволили стабилизировать экономическую ситуацию в разоренной России, разобратся с долгами и подпитать армию.

Можно представить, какими реальными богатствами обладали Строгановы в начале XVII в., если могли позволить себе отдавать такие деньги государству! Они прекрасно сознавали, что государство вряд ли вернет ссуды, но могли претендовать на всяческое содействие с его стороны в получении новых земель и некоторых других льгот.

В 1623–1624 гг. новые описи строгановских владений на Урале составляет Михаил Кайсаров. В этот период, после затяжного Смутного времени, когда многие переписные и тягловые документы были утеряны, государство вынуждено было проводить своеоб-

разную налоговую инвентаризацию. С целью зафиксировать все изменения, произошедшие со времен переписи Яхонтова в строгановском землевладении, отметить новые населенные пункты, распределить земли по наследникам и прибывает на Урал новый переписчик.

По переписи Кайсарова, Нижнечусовской и Сылвенский округа принадлежали Андрею и Петру Семеновичам, Верхнечусовской и Яйвинский – Ивану и Максиму Максимовичам, Орловский и Очерский округа находились в совместном владении. В совместном владении была и вновь возникшая и бурно развивающаяся Новосольская слобода. Никита Григорьевич умер еще в 1619 г., не оставив наследников.

Однако вскоре после составления переписи Кайсаровым строгановские вотчины вновь подверглись разделу. Причиной тому послужила смерть Максима Максимовича в 1627 (1628?) г. Раздел был произведен в 1629 г. по грамоте царя Михаила Федоровича Романова и патриарха Филарета (отца Михаила Федоровича) и особому «наказу» митрополита Ростовского Варлаама.

Делились Орел-городок, Очерский острожек, их округа, а также слобода Новое Усолье. Так как части были равны, наследники тянули жребий, чтобы в споре никто не оказался обиженным. Пашенной земли каждый получил по 91 чети, сена – по 2138 копен. Меньше всего дворов – 40 – оказалось у Ивана Максимовича, больше всего – 56 – у Петра Семеновича. Каждый из Строгановых получил примерно одинаковое количество людей мужского пола: 141 – Иван Максимович, 143 – Андрей Семенович и 145 – Петр Семенович.

После раздела семейного наследства серьезные хозяйственные затруднения неожиданно возникают у Ивана Максимовича Строганова. В 1633 г. правительство Михаила Федоровича рассылает по всем весям чиновников для сбора чрезвычайного налога – «пятин» (пятой деньги): были необходимы денежные ресурсы для ведения войны с Речью Посполитой за возвращение смоленских земель, потерянных Московским государством в годы Смутного времени. Царь Михаил Федорович грамотой от 14 марта 1633 г. освободил Строгановых от «сбору пятинных денег», а взамен просил, чтобы они прислали денег *«по их соизволению, токмо несокудно и не пощадя себя, как прежде всего давали»*. Сохранились известия, что Строгановы в ответ на грамоту царя произвели единовременный взнос *«многотысячной суммы»*. За предоставление быстрых

наличных денег Михаил Федорович обещал им особые милости, которые оченьгодились впоследствии, в период правления его сына Алексея Михайловича, когда за оскорбление «именитых людей» штраф достигал наивысшей суммы – 100 рублей. Правда, почему-то от такого налога не был освобожден Иван Максимович. Этот представитель Строгановых, по мнению историков, видимо, был плохим хозяином и не обладал свойственной семье деловой хваткой. Скорее всего, Иван Максимович из-за собственных денежных затруднений не смог участвовать вместе с родственниками в предоставлении «дачи» государству.

Обычно для установления суммы облагаемого имущества и оклада налога в городах и посадах выбирались высокопоставленные торговые люди – так называемые гости. В вотчине Ивана Максимовича определением суммы чрезвычайного налога занимались гости Василий Шорин и нижегородский купец Яков Патокин, который владел варницами в Соли Камской. Эти деловые люди, воспользовавшись затруднениями Ивана Максимовича, явно для того, чтобы уничтожить одного из своих конкурентов, насчитали на его вотчину астрономический налог – свыше 30 тыс. рублей, тогда как, по данным английского посла Флетчера, в конце XVI в. семья Строгановых платила царю 23 тыс. рублей пошлины со всей вотчины, *«во что правительство, требуя более и более, то под видом налога, то под видом займа, разоряло их без жалости»*. Получилось, что Иван Максимович, по расчетам алчных предпринимателей, должен был заплатить налог, в значительной степени превышающий рентабельность его вотчинных земель. Не обладая такими наличными ресурсами, Иван Максимович залез в кабальные долги. Он занимает у купца Григория Никитникова и выборных налоговых «инспекторов» Шорина и Патокина значительную сумму – до 9 тыс. рублей, обязуясь поставить им 100 тыс. пудов соли. Однако выполнить полностью свои обязательства Иван Максимович не смог, и в залоге у заимодавцев оказались его Яйвинская вотчина и Новое Усолье. К началу 1638 г. долги Ивана Максимовича достигли 20 тыс. рублей, и кредиторы «любезно» предложили ему продать треть бывших вотчин Никиты Григорьевича – часть Орла-городка, Нового Усоля и Очерского острожка. Однако, почувствовав, что вотчинной системе, созданной Аникой Строгановым, будет нанесен серьезный имущественный удар, в дело срочно вмешались Андрей и Петр Семеновичи Строгановы. Они добились у царя Михаила Федоровича указа о насильственном выкупе у Патокина, Шорина и

Никитникова долгов своего незадачливого племянника. Расплатившись с долгами, дядья Ивана Максимовича забрали в свое распоряжение всю треть бывшей вотчины Никиты Григорьевича Строганова, что было утверждено жалованной царской грамотой от 28 мая 1641 г. В дальнейшем Строгановы никогда не допускали подобных сделок с конкурентами. Наоборот, они, используя свое влияние на дом Романовых, ведут с ними безжалостную борьбу.

В 1641 г. Нижнечусовской и Сылвенский округа были разделены на две равные части между сыновьями Андрея и Петра Семеновичей – Дмитрием Андреевичем и Федором Петровичем. Андрей Семенович к тому времени был еще жив, но реального участия в делах управления своими землями не принимал: всем занимался его сын.

Новая перепись составлялась Федором Чемезовым и была готова к 1642 г. По этой переписи, за Андреем Семеновичем и Дмитрием Андреевичем было записано: половина Нижнего Чусовского городка и его округа, в том числе 11 деревень и 1 починок, 84 двора и 300 человек мужского пола; половина сельца Верх-Муллинского и вотчины по р. Мулянке (был выделен особый Муллинский округ) и при сельце 9 деревень и 9 починок, 117 дворов и 401 человек; половина Сылвенского острожка и его округа, 18 деревень, 94 двора и 298 человек; половина Очерского острожка и его округа с 11 деревнями, 76 дворами и 184 мужчинами.

За Федором Петровичем были записаны: половина Нижнего Чусовского городка и его округа с сельцом Камасиным, 8 деревнями, 1 починок, 71 двором и 311 человеком мужского пола; половина Верх-Муллинского сельца с 8 деревнями, 3 починок, 112 дворами и 378 мужчинами; половина Сылвенского острожка и его округа с 26 деревнями, 1 починок, 190 дворами и 668 мужчинами; половина Очерского острожка и его округа с 12 деревнями, 70 дворами и 255 мужчинами; Орел-городок и в нем 40 дворов и 139 душ мужского пола; Новое Усолъе с 3 деревнями и 1 починок, 26 дворами и 101 душой мужского пола.

Перепись воеводы Прокопия Кузьмича Елизарова (1647 г.) дает такие сведения. За Андреем Семеновичем и Дмитрием Андреевичем находились половина владения в Орле-городке и Нижнем Чусовском городке, слобода Новое Усолъе, Сылвенский и Очерский острожки, 44 деревни, 22 починок и Верх-Муллинское сельцо. В части Федора Петровича было указано: половина владения в Орле-городке и Нижнем Чусовском городке, Новое Усолъе, Сылвенский

и Очерский острожки, 64 деревни, 6 починков и 3 сельца – Верх-Муллинское, Камасино и Серьга. В части Даниила (Данилы) Ивановича Строганова были указаны Верхний Чусовской городок, 59 деревень и 25 починков, а также сельцо Слудка и Яйвинский острожек. Даниил Строганов владел также Обвинской сохой*, в которую входили 11 деревень.

* См. Приложение.

Андрей Семенович умер в 1649 г., Дмитрий Андреевич – в 1673-м, Федор Петрович – в 1671-м, Даниил Иванович – в 1668 г. У Федора и Даниила не было наследников мужского пола, поэтому земли и владения перешли к их женам: земли Даниила наследуют Агафья Тимофеевна совместно с дочерью Анной Данииловной, а земли Федора – Анна Никитична. Часть Дмитрия Андреевича перешла к его сыну Григорию Дмитриевичу.

Григорий Дмитриевич Строганов
(1656 – 1715)

Григорий Дмитриевич смог объединить все владения Строгановых. Более того, он их преумножил. В 1685 г. Григорий Дмитриевич получил в Чердынском уезде во владение р. Веслянку с ее притоками, в 1688 г. – права на р. Яйву, в 1694 г. – чердынскую реку Лолог с ее притоками. 12 февраля 1697 г. Григорию Дмитриевичу дана первая грамота на Ленвинские соляные промыслы, отобранные у владельцев Шустова и Филатьевых (об этом мы еще будем

писать отдельно). В период с 1624 по 1673 г. население строгановских вотчин увеличилось в 6,5 раза, число населенных пунктов – в 2,5 раза.

В результате многих переделов и споров пермские строгановские вотчины в течение XVII в. не только не уменьшились, но и сильно разрослись. Строгановы продемонстрировали, как люди с деловой хваткой могут использовать и преумножать богатства, дарованные государями, а в большей степени благодатным Пермским краем.

* * *

Из Нижнего Чусовского округа к 1640 г. выделилось «в особую по управлению вотчину» сельцо Верх-Муллинское на речке Мулянке. В некоторых документах оно фигурирует как Муллинский острожек, хотя точных данных о наличии здесь оборонительных укреплений нет. Сельцо принадлежало Андрею и Дмитрию Строгановым, в нем были вотчинников двор, 3 церковных, 22 крестьянских и 2 пустых двора. В сельце была деревянная Никольская церковь.

В состав Верхнемуллинской вотчины входило 8 деревень и 5 починок. Интересно упоминание «*починка на реке на Каме и на речке Егошихе*» – в нем проживал Власко Федотов сын Карнаухов. Починок этот находился в том месте, откуда через многие десятилетия начнет свой рост губернский город Пермь.

Среди населенных пунктов, входивших в Верхнемуллинскую вотчину, следует назвать деревню Култаево, которая, как и Верхние Муллы, существует до сих пор.

Археологами в 2002–2003 гг. было изучено сельское строгановское поселение, располагавшееся на древнем городище раннего железного века. Городище находилось на мысу правого берега р. Пыж, левого притока р. Верхняя Мулянка. Судя по археологическим данным, этот населенный пункт, явно входивший в состав Верхнемуллинской вотчины, погиб во время катастрофического пожара. Найдены остатки кладовых с раздавленными и пострадавшими от огня сосудами, железный наконечник стрелы и серебряная монета – копейка Михаила Федоровича. Не исключено, что поселение могло погибнуть во время набега башкир, кочевавших в этом районе.

«А гостям никому то не в образец...»

НОВЫЙ СОСЛОВНЫЙ СТАТУС — «ИМЕНИТЫЕ ЛЮДИ»

23 февраля 1610 г. Никита Строганов в грамоте, писанной Василием Шуйским, впервые проименован с «вичем»: *Григорьевич*.

Присовокупление к имени отчества в такой форме в XVII в. и ранее было редкостью: форма «вич» в окончании отчества обычно фигурировала только в том случае, если отчество принадлежало удельному князю, боярину или воеводе, то есть представителю родовой аристократии. Исключения из этого правила были редки, и человек не княжеского, небоярского, недворянского происхождения получал приставку «вич» к отчеству только за большие заслуги перед государством. До получения грамоты от Шуйского Никита Григорьевич именовался так: Никита Григорьев сын Строганов.

Спустя несколько месяцев, 29 мая 1610 г., царскими грамотами Андрей и Петр Строгановы также получили право именоваться с «вичем»: *Семеновичи*. В той же грамоте по отношению к Строгановым впервые употребляется термин «именитые люди».

В системе традиционного общества сословия имеют очень большое значение. Принадлежность к тому или иному сословию определяет всю жизнь человека. Появление в сословной структуре *новой* категории, не попадающей в существующие сословия, — явление уникальное и в высшей степени исключительное. Это прекрасно осознавали историки еще в XIX в., и по поводу статуса Строгановых разгорелся жаркий научный спор.

Одна группа историков (среди них Устрялов, Волегов) указывала на то, что вскоре после получения отчества с формой «вич» права Строгановых были внесены в отдельную главу Соборного уложения Алексея Михайловича (об этом мы расскажем чуть позже). Эти исследователи отмечали также, что и до получения права именоваться с «вичем» Строгано-

Серебряный ларец с Соборным уложением 1649 г.

вы имели особые привилегии (например, привилегию только царского суда и право иметь собственный суд). Кроме того, Строгановы роднились с аристократическими родами. Это свидетельствует о том, что и до получения права на «вич» их статус был выше, чем статус обычных купцов, а после получения привилегии – и подавно. Например, Семен Аникиевич был женат на дочери боярина Лачинова; дочь Петра Семеновича Анна была замужем за князем Алексеем Юрьевичем Звенигородским; Дмитрий Андреевич был женат на княжне Волконской; дочь Дмитрия Алексеевича Пелагея вышла замуж за князя Андрея Ивановича Голицына; дочь Федора Петровича Екатерина была замужем за боярином Алексеем Петровичем Салтыковым (представители рода Салтыковых стали родственниками царского дома Романовых в 1684 г. по жене царя Ивана V, старшего сводного брата Петра I); дочь Данилы Ивановича Степанида была замужем за князем Петром Семеновичем Урусовым, а Анна – за боярином Сергеем Ивановичем Милославским (родственник царского дома Романовых по первой жене царя Алексея Михайловича Марии Ильиничне Милославской); жена Григория Дмитриевича происходила из рода князя Мещерского. Приставка к отчеству «вич» отнесла Строгановых к особому сословию – «именитых людей», к которому только Строгановы и принадлежали.

Другая группа историков (среди них были такие крупные исследователи, как Н. Карамзин, М. Погодин) относила Строгановых к купцам, указывая на то, что употребление окончания «вич» в отчестве является признанием заслуг перед отечеством, но не основанием для того, чтобы выделять Строгановых в отдельную сословную категорию. В русской истории уже были случаи, когда «вич» фигурировал в отчествах представителей неаристократических сословий России, но общий сословный статус от этого не менялся.

Историк А. Дмитриев пытается разрешить это противоречие. Он разделяет пожалование права именоваться с «вичем» и пожалование права именоваться «именитыми людьми»: если право на «вич» в отчестве давалось и ранее, то статусом «именитых людей» обладали только Строгановы, и это выводит их в отдельную сословную группу.

Посмотрим, как развивались события, связанные с правами и привилегиями Строгановых, в XVII в. Михаил Федорович, должно быть помня о тех услугах, которые были оказаны ему Строгановыми, подтверждает исключительные права, дарованные им еще Иваном Васильевичем:

«И посадских людей и деревенских крестьян судити ему (Дмитрию и Федору. – Авт.) самому, или кому прикажет, по прежнему, а наши Пермские и Сибирские воеводы и приказные люди и наши Пермские наместники и их тиуны его, Дмитрия (и Федора. – Авт.), и людей его, и посадских людей, и крестьян не судят ни в чем, и в его вотчину не въезжают и не посылают ни по что, опричь разбоя и татьбы с поличным; и Сибирских хлебных запасов, и по сольских людей, и плотников, и подвод, и проводников никому не давать, опричь ратного вестового дела; коли мимо поедут Городок Чусовую и Сылву – и нашим пермским наместником и их людям, и Сибирским послом и гонцом всяким кормов никаких не давати, и с пермичи никторого счету ни в чем не держати; а судом и всякими нашими податями ведают их на Москве в Приказе Новгородской Чети дьяки наши; а наши подати Дмитрию (и Федору) с своей половины вотчины с городка с Чусовой, и с острогу, и с варниц, и с слобод, и с деревень, и с рек, и с лесов, и с озер, и с звериных и рыбных ловель и со всяких угодий дань и оброк платить по прежнему окладу Ивана Яхонтова да подячего Третьяка Карпова 87 году в Казанском дворце».

Права исключительные, но предки Дмитрия и Федора их уже получали. А вот что написано в Соборном уложении Алексея Михайловича – основном сборнике законов Московского государства:

«А будет кто обесчестит имянитых людей Строгановых, или гостя, или гостиные и суконные и казенные и черных сотен и слобод и городовых посадских людей, или ямщиков, или дворцовых сел и черных волостей крестьян, или боярских людей, или помещиковых и вотчинниковых крестьян, или гулящих людей, а по суду или по сыску про то сыщется допряма, и им правити за бесчестье Строгановым по сту рублей человеку; гостю по пятидесят рублей человеку; гостиная сотни большой статьи по дватцати рублей человеку; средней статьи по пятинатцати рублей человеку; меньшей статьи по десяти рублей человеку; суконная сотни большой статьи по пятинатцати рублей человеку; средней статьи по десяти рублей человеку».

Строгановы в этой главе Соборного уложения не только особо выделены, но и штраф «за бесчестье» их вдвое больше, чем штраф за бесчестье купцов – гостей. А для того, чтобы не возникло путаницы, и для того, чтобы подчеркнуть особый статус Строгановых, здесь же есть примечание: «...а гостям никому то не в образец».

В чем причина выделения Строгановых в особую категорию населения Московского царства? В их экономической силе, их богатстве, способности обратить себе в пользу колебания государственной политики, подчеркнутой лояльности к властям, обостренном чувстве политической конъюнктуры. Во времена правления Ивана Грозного вотчинные владения Строгановых отходят в опричнину, и, как мы уже видели, в сложные для России моменты Строгановы не раз крупными денежными пожертвованиями поддерживали государя, справедливо надеясь на ответные милости.

*«Да за Андреем же да за Петром Семеновыми
детьми, да за Иваном да за Максимом
Максимовыми детьми Строгановыми...»*

ОРЕЛ-ГОРОДОК В 1624 г.

Наиболее полное описание Орла-городка находится в переписи М. Кайсарова 1624 г.*. Воспользуемся им и пройдемся по столице уральской вотчины Строгановых первой трети XVII в.

** Перепись М. Кайсарова была опубликована в кн.: Дмитриев А. Пермская старина. – Пермь, 1892. – Вып. 4. – С. 110 – 194. Все цитаты из переписи здесь и далее взяты из этого издания.*

Орел-городок стоит на прежнем месте, ограниченный с одной стороны р. Камой, с другой – р. Яйвой. Его все так же окружает деревянная стена, сделанная из срубов, впрочем, местами покосившаяся и требующая ремонта. Для того чтобы попасть внутрь острога, выберем одни из трех ворот, защищенных от нападения. В случае осады огонь по неприятелю можно вести, прикрывшись высоким тыном острога, а также из двух «глухих» башен. Впрочем, прямой угрозы внезапного нападения нет уже несколько десятилетий, и вряд ли стены и башни хорошо охраняются.

Возле той городской стены, что выходит к Каме, расположился вотчинников двор. Крепкие хоромы, надворные постройки, чистота и порядок отличают его от дворов простых жителей в посаде. Чувствуется, что он принадлежит людям, уважающим себя и готовым заставить уважать себя кого угодно.

Из-за острожных стен видны церкви Орла-городка. Мы заходим, сопровождая переписчика, в деревянный Крестовоздвиженский храм. Из полумрака на нас смотрят лики икон: в позолоченном

*** О д и г и т р и я – путеводительница.*

**** К у п н и н а (или Купина) Неопалимая – в библейской мифологии горящий, но не сгорающий терновый куст, в котором Бог явился Моисею, призывая вывести соплеменников в землю обетованную.*

серебре образ Воздвижения Честного Креста, украшенные золотом образа Введения Пречистой Богородицы, Одигитрия** Пречистой Богородицы, Неопалимой Купнины***, Похвалы Пресвятой Богородице. Постояв перед иконами, мы выходим и направляемся к другому храму – Похвалы Пречистой Богородице.

Этот храм тоже деревянный, но у него пять глав – «шатров», обитых для прочности и красоты «белым железом». Рядом с храмом колокольня с десятью колоколами. Убранство храма Похвалы Богородице богаче. Здесь иконы Владимирской Богоро-

дицы и Спаса, Благовещения Богородицы и четырех евангелистов, Похвалы Пречистой Богородицы, Никиты Христова мученика, Федора Стратилата, Ильи Пророка, образы Петра, московских чудотворцев Алексея и Ионы и многие, многие другие. Мы поражены красотой ликов, мы готовы смотреть на них часами, а переписчик в это время строчит гусиным пером, описывая их мирскую ценность:

«...У Спаса над короной семь жемчужных камешков разных цветов, да в венце и в короне 12 камешков, да 3 раковины, да две серьги с камнями...»

За острогом находится посад Орла-городка. Здесь проживают крестьяне и ремесленники, служители церкви: поп Данила Сиамнов да поп Иван Максимов, дьякон Иван Михайлов да дьячок Елисейка Ширяев, дьячок Ивашка Пономарев да пономари Пронька и Андрюшка Игольнишников да проскурница Анна... Переписчик обходит дворы, занося на бумагу имена жителей: Матюшко да Ивашка, Петрушка, Якушко, Гришка, Гаврилка, Семенка Лепехины, Миронко, Сысойка, Тимошка, Володька, Михалко, Овдокимко Пирожковы, Ивашко Горбунов... Дворов много, людей много, хорошо еще, не нужно записывать женщин и девиц... Скрипит, скрипит перо. Наконец переписчик подводит итог:

«...Самых молодчих людей 25 дворов, а в них 64 человека... да 24 двора бобыльских, а в них 38 человек».

Далее стоят запустевшие и покосившиеся дома. Жителей здесь немного: нищая Коптелинка Безносовская да нищая Оринка Печеникина. Дворов больше: десять лет пустующий двор Матюшки Белогузки, да двор семьи Ивашки Ростовщикова, что с детьми отправился жить в Соль Камскую, да двор Ларьки Володимерца, ушедшего неизвестно куда искать счастья. А вот Андрюшка Засухин с сыном Семейкой, братом Гришкой и племянником Захарком тоже отбыли в Соль Камскую. Гришка Денисов да Трофимка Бабин бежали от невзгод в 1621 г. Бежал Дружинка Кузнец. Петрушка Третьяков подался в Верхотурье. Четырнадцать пустых дворов да еще пусто место – здесь был когда-то двор Кирилки Иванова...

А вот посадская церковь. Она очень удачно вписывается в окружающий пейзаж. Иначе и быть не могло: строили ее по старому русскому принципу – «как мера и сердце подскажет». Церковь была построена и освещена во имя Успения Пречистой Богородицы. К церкви пристроены два придела: Николы Чудотворца и Мученика Никиты. На колокольне пять колоколов. По церковным праздникам под колокольный перезвон в церкви и приделах собирается не только

посадский люд, но и народ из ближних деревень и починков. Как водится, и в церкви, и в приделах есть иконы, украшенные позолоченными окладами и драгоценными камнями. Божий дом не может быть беден, он должен восхищать красотой и благолепием.

* А п о с т о л – Христианская богослужебная книга, содержащая часть Нового Завета – деяния и послания апостолов, а также Откровение Иоанна Богослова («Апокалипсис»).

М и н е я – церковная служебная книга, содержащая список богослужебных песен, разделенных помесечно для исполнения в церковных службах и молитвах.

П с а л т ы р ь (или Псалтирь) – одна из книг Библии, содержащая 150 псалмов – священных песен.

Ч а с о в н и к – православная богослужебная книга, содержащая молитвы и песнопения суточного круга богослужения. Некоторые из этих служб назывались «часами», отсюда и произошло название.

Т р е ф о л о й – книга, содержащая тексты служб преимущественно русским святым.

Переписчик считает книги: Евангелие и Апостол*, Минея* печатная, написанные от руки Псалтырь* и Часовник*, Трефолой* да запись церковных пений с раскладом на восемь голосов.

Вновь выходим на свежий воздух и вслед за переписчиком идем считать лавки посадских людей:

«Лавка Ивашка Иванова сына Попчихина, лавка Матюшки да Ивашка Савиных детей Лепехина, лавка Ивашка Семенова сына Ростовщикова, лавка Миронка Михайлова сына Пирожкова, лавка Тимошки Федорова сына Овладеева, лавка Якимка да Незнахи Ларионовых, лавка Первушки Семенова сына... И всего в живущем восемь лавок, а оброку с них рубль двадцать алтын, с лавки по шести алтын четыре деньги, да пошлин с оброку два алтына четыре деньги; да пять лавок пустых».

Уходит, уходит из Орла-городка народ. Пустые дворы, пустые лавки. Еще бы не уходить: каждую весну Кама все ближе подступает к городовым стенам, подтапливает их, заливает соляные трубы, мешает выпаривать соль. Всего одна варница работает, коптит небо и дает соль, а одиннадцать варниц совсем развалились, зря течет жидкий рассол из девяти труб. Запустили варницы при Миките Строганове...

А в десяти верстах – растущее благополучное Новое Усолье, а рассолы там, сказывают, богаче, а в государственной Соли Камской вовсю идет торговля, да сладко живется, гваривают, во вновь построенном государем сибирском городе Верхотурье...

«Да на посаде же кузница Оськи Мелехова сына Падучева, да кузница Захарка Агафонова; оброку с тех кузниц десять алтын три деньги, с кузницы по пяти алтын, да пошлин полторы деньги».

Уходит народ, да жить как-то надо. И без кузнечного ремесла трудно: хотя бы и нож с косой выковать, и лошадь подковать. Да и на варнице кузнец работу себе по ремеслу найдет.

«Да с мельницы колесной, что за рекою Камою на истоке, что впал в реку Яйву, оброку семь рублей, да пошлин одиннадцать алтын четыре деньги. Да с реки с Камы, да с реки с Яйвы, да с речки Кондаса, с рыбных ловель и с лесу и с звериные ловли оброку и пошлин десять рублей с полтиною...»

* * *

Орловский уезд не изменил своих границ от времени Яхонтова (1579 г.) до времени Кайсарова (1624 г.), за небольшим исключением: в переписи упоминается новое «отхожее» владение Орла-городка в *«Кайгородском уезде против Волосницкого погоста у судовые пристани на исадах* проезжее место под амбар, в длину 15 сажень, а поперек 10 сажень»*. В Орлинском округе появилась слобода Новое Усолье (1606 г.), все так же за ней значился Пыскорский монастырь. Также в Орлинском округе было 5 деревень, 6 починков, 3 пустоши. В округе значатся 2 господских двора, 21 двор пашенных крестьян, 2 бобыльских двора, 3 пустоши, 61 человек мужского пола (вероятно, сюда не включены данные по Пыскорскому монастырю). Вместе с Новым Усольем и Орлом-городком в Орлинском округе проживало 180 человек мужского пола.

* И с а д – место на берегу для высадки людей, пристань.

О причинах, которые привели к затуханию Орла-городка, а потом и к его переносу, мы расскажем дальше.

«А ныне бокову стену водой подмыло...»

ОРЕЛ-ГОРОДОК В XVII В. ЕГО ПОСТЕПЕННОЕ УГАСАНИЕ И ПЕРЕНОС

Наибольшего расцвета Орел-городок достигает во второй половине XVI – первой четверти XVII в. Однако начиная со второй четверти XVII в. наблюдается его медленное экономическое и, естественно, социальное угасание. Это было обусловлено не оскудением соляных источников, а, как показали совместные исследования историков и геоморфологов, природными причинами. В результате неотектонических (подземных) движений в XVII в. происходило смещение русла р. Камы, что привело к постоянному подтоплению Орла-городка речными водами. Во время паводка 1629 г.

были подмыты восточные стенки городка, обращенные к Каме. В. Н. Шишонко в «Пермской летописи» цитирует очевидца:

** Шишонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1882.*

«...А ныне бокову стену... и переднюю... большой водой подмыло»*.

Первыми от размыва берегов пострадали соляные промыслы, после чего солеварение в Орле-городке постепенно затухает. Об угасании городка свидетельствуют переписи XVI–XVII вв. Так, если в переписи И. Яхонтова за 1579 г. в Орле-городке упоминается 91 двор, 15 лавок, 13 варниц, то в переписи М. Кайсарова за 1624 г. сообщается, что в нем «посадских и самых молодчих людей, опричь бобыльских, 30 дворов». В 1606 г. недалеко от Орла-городка возникает новая слобода – Новое Усолье, куда начинают постепенно переселять население Орла-городка, сюда же во второй половине XVII в. переносится центр северной строгановской вотчины. Очевидно, это могло произойти после сильного паводка 1680 г., который затопил всю высокую пойму с Орлом-городком, что, по мнению пермского историка В. А. Шмырова, вызвало массовый перенос жилых строений на место современного поселка Орел. На карте 1696 г., опубликованной историком Н. В. Устюговым, Орел-городок водной протокой как бы разрезан на две части.

*** Переписная книга воеводы Прокопия Козьмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых была напечатана в кн.: Труды Пермской ученой архивной комиссии. – Вып. II. – Пермь, 1893. – С. 87–146.*

Ознакомиться с полным текстом книги можно также на сайте в Интернете по адресу: <http://archaeology.hobi.ru>

Перепись Елизарова** 1647 г. также свидетельствует о постепенном угасании Орла-городка. Городок в это время принадлежал Федору Строганову. В вотчинном дворе проживало тогда 27 человек мужского пола, было 3 церковных двора, где насчитывалось 12 мужчин, 36 дворов крестьянских и бобыльских, в которых жило 119 душ мужского пола. Количество дворов со времен переписи М. Кайсарова уменьшается.

Однако Орел-городок де-юре оставался центром северных строгановских вотчин, и их хозяева продолжали в нем жить вплоть до окончательного переселения в Новое Усолье. Об этом свидетельствуют исторические источники, в которых описаны усадьбы представителей рода Строгановых. Вот как описан двор Федора Петровича, стоявший в центре Орла-городка:

«Строенья горница двойная, к ней двои сени да мыльня, да отхожая горница с сенми и клетью, да на том же дворе два погреба, да сушило. Изба сторожья с перерубом, да семейная, да поварня, да 8 клетей людских, да другой амбар, запасной, кузница да угольник».

Пермский историк Г. Н. Чагин, изучивший описание жилых со-

оружий по историческим документам, считает, что богатые хоромы Строгановых были двухэтажными.

Наиболее поздним письменным источником, характеризующим период угасания Орла-городка, является «Ландратная перепись по Орловскому присуду Г. Д. Строганова»*.

** Ильинский краеведческий музей. Основной фонд №2058/156, л. 4-27.*

По данным этой переписи, уже к 1715 г. все церкви были перенесены на незатапливаемый, более высокий, песчаный правый берег р. Камы (то есть на место современного поселка Орел). В переписи упоминается Старая слобода, которая, по нашему мнению, является остатком бывшего центра северной вотчины Строгановых. В состав Старой слободы входили «двор нищий Антошин», «избенка вотчинникова оставлена ради караулу, кузнец и у поварни для пивной варены, а в нем домовый человек Иван... Черепанов» и «пустых дворов и изб 17».

Археологические раскопки в пос. Орел

Данные письменных источников хорошо согласуются с материалами археологических раскопок. Благодаря исследованиям пермских археологов в пос. Орел, напротив здания каменной соборной церкви Похвалы Богородице, найдены остатки перенесенного вотчинного двора. В ходе раскопок был обнаружен развал изразцовой печи, стоявшей на глиняной платформе, которая была когда-то украшена большерамочными красными и полихромными рельефными изразцами с растительными узорами (они датируются второй половиной XVII в.), характерными для орлинского изразцового производства. Здесь же найдены черепица с зеленой поливой, трапециевидные пластины слюды в железных оконных переплетах. Для

удержания тепла в печи замуровывались специальные крупные шаровидные глиняные сосуды – *голосники*. К остаткам печи примыкала яма-кладовка, где были обнаружены обломки гончарной посуды XVII в., среди которых встречались фрагменты чернолощеной московской керамики. Печь тоже была украшена орлинскими многоцветными поливными изразцами. В пределах жилой постройки также обнаружены черепица с зеленой поливой, фрагменты гончарной посуды и штофного стекла. Археологи определили дату гибели этой постройки: она сгорела в пожаре до строительства каменной церкви Похвалы Богородице, то есть до 1735 г.

Остров посреди Камы – все, что осталось от Орла-городка

Археологические исследования пос. Орел показали, что жители строгановских вотчин жили намного зажиточнее, чем население других городских центров Перми Великой. И дело не только в большом количестве найденных монет (хотя и в этом тоже). У жителей строгановских вотчин раньше, чем в других городах, появляются изразцовые печи, поливная парадная керамическая посуда и стеклянные изделия.

Но поселку Орел уже никогда не суждено было стать тем, чем когда-то являлся Орел-городок. Другие строгановские поселения – Новое Усолье, Ильинский – будут блистать красотой и богатством.

Последнюю точку в существовании старого Орла-городка поставит возведение Камского водохранилища в середине XX в. Поднявшиеся воды Камы зальют большую часть территории городка. Лишь весной и осенью, по малой воде, из реки выступают остатки древних деревянных укреплений берега, рассолоподъемные трубы. Заросший осокой и ивами небольшой остров напротив современного поселка Орел – все, что осталось ныне от бывшей столицы строгановских вотчин.

«...Ставлен городок, названный Верхним»

ЧУСОВСКИЕ ГОРОДКИ В XVII В.

Точных сведений о том, когда возник Верхний Чусовской городок, к сожалению, нет. В исторической литературе фигурируют три даты: 1568, 1610 и 1616 гг.

Первая дата присутствует в книге «Материалы для географического и статистического словаря Пермской губернии», составленной для словаря Брокгауза и Ефрона.

Второй даты придерживаются историки А. А. Введенский и С. В. Бахрушин. К сожалению, в их работах не приведена ссылка на то, откуда они эту дату получили.

1616 год как дата основания Верхнего Чусовского городка нам кажется наиболее убедительным. В это время были открыты соляные рассолы на р. Усолке, здесь ставится новый промысел. Такой точки зрения придерживались историки-краеведы А. Дмитриев и В. Шишонко, она наиболее распространена в исторической литературе на сегодняшний день.

Итак, Верхний Чусовской городок был основан в 1616 г. на правом берегу р. Чусовой, в трех верстах от Чусовского городка, называемого с тех пор Нижним. Раньше, до основания на этом месте русского поселения, на территории Верхнего Чусовского городка располагалось мансийское кладбище. Старожилы рассказывают, что в 40–50-е гг. XX в. из берега в половодье постоянно вымывало скелеты в долбленых колодах. Вероятно, кладбище прекратило свое существование со временем строительства Верхнего Чусовского городка. Но еще долго на этом месте находили древние монеты и «языческих истуканчиков». Должно быть, обращенные в христианство манси стали хоронить своих покойников в Нижнем Чусовском городке (здесь археологам удалось открыть захоронения XVI–XVII вв.) и в Успенском монастыре, а в XVIII в. кладбище вновь появилось в Верхнем Чусовском городке.

После основания Верхнего Чусовского городка Чусовской округ был разделен на два: Верхнечусовской – по правым берегам Камы и Чусовой – и Нижнечусовской – по левым их берегам. Верхнечусовской округ был самым обширным из административных единиц Строгановых. Кстати, территория современного города Перми некогда входила в состав Нижнечусовского округа.

По переписи Кайсарова, Нижнечусовской округ занимал площади «рекою Камою от усть реки Чусовые вниз по левой стороне до Ласьвинского бору, да рекою Чусовою от устья вверх по праву сторону Чусовые (на самом деле – по левую; в современной ориентации берегов принято определение берега вниз по течению от наблюдателя, чего не было во времена Кайсарова, он считал по направлению своего движения, оттого и путаница. – Авт.) до реки Утки, и с малыми речками, и с озерами, и с истоками, которые в той меже впади в реку в Каму и в Чусовую, с пашнями, и с пожнями, и с лесами, и с рыбными и с звериными ловлями, и со всякими угодыи».

В состав Нижнечусовского округа вошли пожалованные в 1615 г. земли по р. Ошاپ. В округе значилось два села – Камасино и Никольское (Никольское – это современное село Верхние Муллы, входящее в состав территории нынешнего города Перми), в которых были церкви Рождества Богородицы и Николая Чудотворца соответственно. Также в округе значилось 10 деревень, 17 починков и 2 пустоши, а всего было 13 дворов церковных, 6 вотчинниковых, 128 крестьянских, 4 пищальничьих, 10 бобыльских и 22 пустых, проживало в них 235 человек мужского пола, а всего, вместе с Нижним Чусовским городком, было 200 дворов и 280 человек мужского пола*.

* Все эти подсчеты произвел известный пермский историк конца XIX – начала XX в. А. Дмитриев. См. кн.: Дмитриев А.. Пермская старина. – Пермь, 1889. – Вып. 1. – С. 124.

Сам Нижний Чусовской городок в переписи М. Кайсарова описывается так: к 1624 г. он имел деревянную крепость «рубленную», «а у него трои ворота да 4 башни наугольных глухих, а меж ворот и башен городень по мере 220 сажень» (примерно 546 м). Форма крепости была прямоугольной. Вдоль р. Чусовой стены тянулись на 200 м, а от реки на 70–75 м. В небольших раскопках пермскими археологами зафиксированы деревянные фрагменты крепости, упомянутой в переписи М. Кайсарова. Они сохранились в виде трех небольших бревенчатых срубов, пол в них покрыт широкими и толстыми горбылями. Вероятно, это остатки тех городней, которые стояли в «оградной стене». Острожная стена состояла из вертикальных бревен и горбылей, плотно подогнанных друг к другу. Высота их достигала 3–3,5 м. Вдоль выявленной археологами стены в ныне размытой рекой части Нижнего Чусовского городка на поверхности отмечены хорошо сохранившиеся маленькие срубы-колодцы, глубоко уходившие в землю, – это был своеобразный дренаж. Нижний Чусовской городок, как и все строгановские

поселения, приуроченные к рассолам, возник на низменных береговых участках высокой поймы р. Камы и ее притоков. Чтобы поднять уровень строящихся городков над водоемом, их площадка засыпалась землей и различным строительным мусором (камнем, щебнем, щепой и т. п.). Однако это не спасало жителей строгановских поселений от частых наводнений во время половодья. Выявленные археологами срубы-колодцы служили для отвода близких грунтовых вод от крепости, чтобы не разрушался фундамент оборонительных сооружений и не гнили острожные стены. Любопытно, что подобные срубы-колодцы, расположенные вдоль крепостных стен в качестве дренажных сооружений, отмечены археологами в ходе изучения слоев эпохи позднего средневековья (XV–XVI вв.) в Смоленске и Полоцке. В городке были 3 железные пушки, к ним 70 ядер, изготовленных путем «обливания» камня свинцом (такие ядра, попадая в цель, от перепада температур и ударной деформации разрывались на тысячи осколков, что увеличивало их поражающую способность), 9 пищалей больших да 80 ручных пищалей, к ним 150 ядер. Кроме того, были в городке «две железные скорострельные пушечки» малого калибра, 24 «затинных» пищали, к ним 50 ядер, 178 самопалов и пищалей ручных малого калибра, 13 пудов «зелья пищального» – пороха, 14 пудов свинца, из которого можно было лить пули, 200 луков, 2000 стрел. Как видим, даже спустя 42 года после похода Ермака городок был неплохо оснащен на случай нападения.

В Нижнем Чусовском городке при Кайсарове были церкви Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и во имя Петра с двумя приделами, Алексея и Ионы Московских Чудотворцев «под колокольницею». Указаны дворы Андрея и Петра Строгановых, дворы попа Алексея Кондратьева и дьячка Поспелки Игнатьева. Андрею Строганову принадлежали 5 лавок и 2 варницы с цреном и одна «без црену», у Петра было столько же варниц и лавок да еще одна кузня «на посаде».

Посад делился на две части: «верхний посадец», принадлежащий Петру, и «нижний» – владения Андрея. Названия их произошли от места расположения вдоль течения р. Чусовой.

Границы Верхнечусовского округа Кайсаров описывает так:

«От Максимовские вотчины Строганова, от Орлова городка, от межи Карышева острова, рекою Камою вниз по обе стороны до устья реки Чусовые 80 верст; а от устья Чусовского вниз по реке же по Каме по одной по правой стороне до речки Ласвы и до Ласвинского бору 20 верст; а по реке по Чусо-

вой вверх от устья по одной левой (по правой. – Авт.) по Усолошной стороне до реки до Сылвы 10 верст; а от устья реки Сылвы Чусовою же рекою вверх по одной по левой же (по правой. – Авт.) стороне до их Иванова и Максимова Чусовского до Верхнева городка, что на усть речки Усолки, 40 верст; а от городка рекою Чусовою вверх по левой же стороне (по правой. – Авт.) 40 верст до деревни Калина Лугу, а от Калина Лугу по Чусовой вверх по левой же стороне (по правой. – Авт.) до Вогульских улусов и до реки до Утки до Верхней. Да в реку ж в Каму впади в той их меже река Обва, да река Косьва, да река Иньва и по тем рекам по обе стороны от устей и до вершин и в той меже береги пустые и острова и речки малые, которые впади в Каму ж и в Чусовую, и в Обву, и в Косьву, и в Иньву от устей же и до вершин, и озерка лесные с истоки и леса дикие с рыбными и звериными ловлями и со всякими угодами их Ивановы да Максимовы; а Карышева острова Ивану и Максиму Строгановым две трети».

В состав Верхнечусовского округа входили слободка Слудка на Каме (существует до сих пор), 31 деревня, 12 починков, займища и 11 пустошей. В округе, не считая Верхнего Чусовского городка, проживало 504 человека мужского пола, было 3 вотчинниковых двора, 236 дворов пашенных крестьян, 22 пустых двора «да место дворовое».

Верхний Чусовской городок, как и Нижний, был обнесен крепостной стеной. Периметр его составлял 212 сажень. В городке были двое ворот и 4 «глухих» башни. В арсенале городка имелись 2 железные скорострельные пушечки, 3 железные пищали, 80 ручных пищалей, к ним было припасено 37 каменных ядер, облитых свинцом, 280 ядер «затинных» пищалей, 5 пудов селитры для изготовления пороха и 35 «гривенок» пороха, 9 пудов свинца, 100 луков и 200 стрел.

В. А. Шмыров, исследователь уральских оборонительных сооружений, указывал на почти полную аналогичность крепостей Нижнего и Верхнего Чусовских городков, хотя их строительство разделяло 58 лет. Это свидетельствует о том, что планировка Верхнего Чусовского городка при строительстве была скопирована с планировки Нижнего.

В городке имелись 3 деревянных храма: Николы Чудотворца с приделом мученицы Евфимии Прехвальной, Рождества Христова и святого апостола Иакова Афеофа с «колокольницей», на которой было семь колоколов.

Церковные службы во времена М. Кайсарова в Верхнем Чусовском городке вели попы Григорий Трофимов, Иван Козмин, дьякон Андрей Васильев, дьячок Макар Кропачев, пономарь Иван Иванов, трапезник Микита Карел. Интересно, что в городке отмечается наличие одиннадцати келий нищих и стариц – монахинь.

В посаде было 5 дворов «молодчих» людей, в которых проживало 14 человек мужского пола, 16 бобыльских дворов, где обитали 18 человек мужского пола и 1 вдова. В посаде Верхнего Чусовского городка находилось 7 лавок, оброк с которых составлял 23 алтына 2 деньги и пошлин с оброку 7 денег. За городком на Чусовой стояли 2 варницы с цренами и 4 варницы без цренов. На р. Усолке работали 2 колесные мельницы.

Таким образом, построенный много позже Нижнего Верхний Чусовской городок находился примерно на том же уровне экономического развития, причем по некоторым параметрам его уровень был даже выше. Некоторые историки сомневаются, что всего за семь лет городок смог достичь такого высокого уровня и догнать Нижний Чусовской городок. Однако нам не кажутся убедительными подобные сомнения: деревянные сооружения в XVII в. (будь то дворовые постройки, крепостные стены или избы) строились быстро, в течение нескольких недель. Существовал в то время своеобразный «типовой проект» строительства, и мы знаем множество примеров быстрого возведения целых городов – например, основанного в конце XVI в. на границе Урала и Сибири Верхотурья. Богатство Строгановых, порой сопоставимое с государственной казной и даже превосходящее ее, вполне позволяло бросить средства на быстрое возведение городка, да и близость Нижнего Чусовского городка во многом облегчала строительство Верхнего.

Кроме писцовой книги М. Кайсарова до нас дошли (в целом или разрозненном виде) переписные книги Федора Чемезова (1642 г.), Прокопия Елизарова (1647 г.) и князя Бельского (1678 г.).

По переписной книге Федора Чемезова, которая в целом виде до нас не дошла, мы имеем данные о численности населения и владельцах Чусовских городков. Андрей Семенович Строганов и его сын Дмитрий, с одной стороны, и Федор Петрович Строганов, с другой, имели по половине Нижнего Чусовского городка и его округа, включавшего сельцо Камасино, 11 деревень и 1 починок. Верхним Чусовским городком и округом, включавшим 40 деревень, владел Данила Иванович Строганов.

Переписная книга Прокопия Елизарова дошла до нас целиком и потому более интересна. В части Андрея Семеновича и его сына Дмитрия состояли в Нижнем Чусовском городке двор вотчинников, 2 церковных двора, 32 двора крестьянских, «государев таможенный» двор, «двор вотчинников животный», двор вотчинников у мельни-

цы да колесная мельница. В части Федора Петровича Строганова находились двор вотчинников, 2 церковных двора, 25 крестьянских и двор конюшенный в д. Малая Новина.

Верхним Чусовским городком, по переписи Елизарова, владел Данила Иванович Строганов. В городке были двор вотчинников, 5 дворов церковных, 57 крестьянских, конюший двор за р. Усолкой, трехколесная мельница. В городке проживало 227 человек мужского пола.

В Переписной книге князя Бельского 1678 г. в Нижнем Чусовском городке упоминаются 1 двор вотчинников, 4 церковных двора, «место дворовое, что был двор Государев таможенный» (упраздненный к тому времени). Среди построек посада значится кожевенная изба, за посадом стояли 2 колесные водяные мельницы. На торговой площади строится каменный двухэтажный на подклете дом с богато украшенными лепниной наличниками для Григория Дмитриевича Строганова. Всего, по переписи Ф. Бельского, в городке было 102 двора с населением в 409 душ мужского пола.

По той же книге, в Верхнем Чусовском городке упоминаются 2 двора вотчинников, в одном из которых *«живет для соляного промысла наемный трубный мастер Савка Иванов сын Тотмянин»*.

В 1682 г. Анна Никитична Строганова уступила по записи Григорию Строганову $\frac{2}{3}$ своего пермского имения. В том же году из Москвы прибыл подьячий Новгородского приказа Александр Феофанов для переписи уступленного Анной Никитичной имения. Здесь мы находим описание Верхнего Чусовского городка:

«Городок Усолка на Чусовой и речке Усолке, а в нем 2 церкви, дом вотчинников, амбар с разным огнестрельным оружием и вне городка: 9 варниц, 1 кузница и дворы жителей»*.

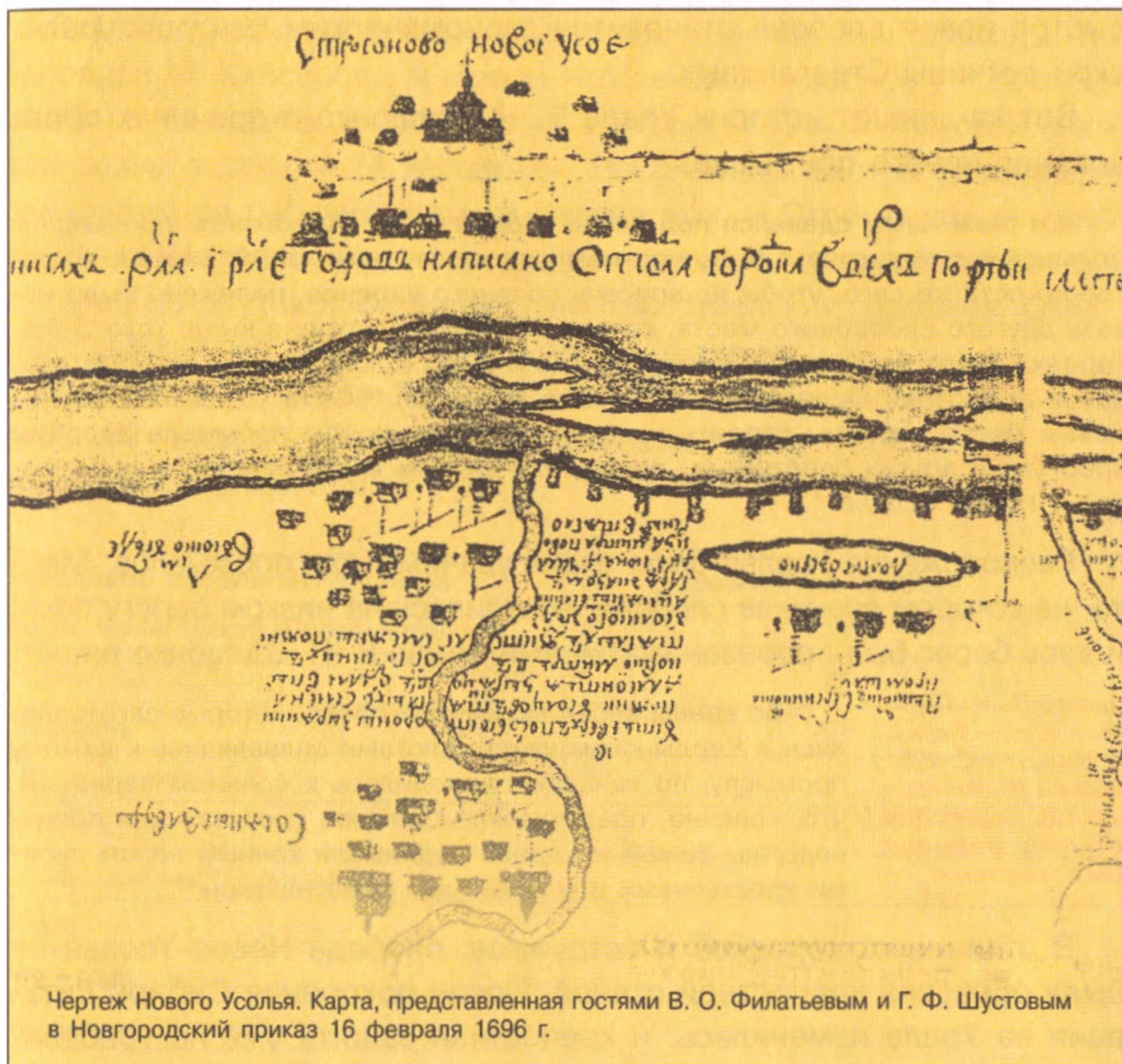
* Дмитриев А. Пермская старина. – Пермь, 1890. – Вып. 2. – С. 172–173.

В течение всего XVII столетия Чусовские городки растут и процветают, но к концу века намечается тенденция постепенного уменьшения темпов их развития. Это связано с тем, что Строгановы более интенсивно развивают Новое Усолье с его большими соляными запасами и там же сосредоточивают институты управления своими пермскими вотчинами.

Впрочем, судьба Чусовских городков была более удачной, нежели судьба Орла-городка, вплоть до середины XX в.

«Да к Орлову ж городку
слободка Новое Усолье по реке по Каме
вверх, а в ней их вотчинников дворы,
а живут в них люди их»

НОВОЕ УСОЛЬЕ

В конце XVI в. на правом берегу р. Камы у Меркурьевых островов ставит свои варницы Никита Григорьевич Строганов. Населенный пункт при новом промысле упоминается во владениях Строганова в источниках 1606 г. как Новое Усолье. Правда, у этого промысла было и другое наименование – Никитинское. По мнению историка-краеведа В. А. Цыпуштанова, оно не связано с именем Никиты Григорьевича Строганова. В начале XVII в. в районе

будущего Нового Усолья находились солеварни московского гостя Никитникова. К сожалению, не сохранились документы, отвечающие на вопрос, каким образом Строгановы вытеснили московского конкурента с новоусольских промыслов. Однако именно купец Г. Л. Никитников в 1635–1638 гг. совместно с другими гостями участвовал в попытке разорения Ивана Максимовича Строганова, в результате чего ему была заложена часть Нового Усолья. Первоначально поселение Новое Усолье имело несколько дворов и 8 варниц. Очень быстро новая слобода становится экономическим центром уральской вотчины Строгановых.

Вот как пишет историк Урала В. Н. Шишонко о причинах образования нового промысла:

«От реки Камы сделался под самый Орел-городок с соляным промыслом большой прорыв, отчего было промыслу соляному немалая остановка, во осторожность же сего, чтобы не пресечь соляного варения, положено было искать другого способного места, которое и было усмотрено выше того Орла-городка вверх по Каме в 10 верстах, где и был сыскан рассол, который оказался добротнее Орловского. Того ради приказал Никита Строганов на том новом месте варницы строить и населя при том новом промысле дворами крестьян и других работников, довольным числом варничных, назвал то место – Новое Усолье»*.

Расположение Усолья было очень удачным для промыслов. Место, на котором возникла слобода, находилось на низком берегу реки, и весь берег был прорезан старицами Камы. В. Н. Шишонко пишет:

* Шишонко В. Н. *Пермская летопись*. – Пермь, 1881. – Вып. I. – С. 173.

** Шишонко В. *История о родословии, богатстве знаменитой фамилии гг. Строгановых*. – Пермь, 1880. – С. 160.

«Во время весен варничные дрова, которые заготавливались в Чердынском уезде, плотами сплавлялись к самому промыслу, по каналам проводились к соляным варницам, что, конечно, представляло большое удобство для производства. Зимой же дрова поднимали конным возом своими крестьянами или вольными работниками»**.

В отличие от городков и острожков, слобода Новое Усолье не была обнесена крепостной стеной. После покорения Сибири ситуация на Урале изменилась, и крепостная защита уже не требовалась. Впрочем, Новое Усолье было прикрыто сверху и снизу по Каме оборонительными сооружениями Пыскорского монастыря и Орла-городка.

В 1619 г. скончался владелец имения Никита Григорьевич Строганов. Новое Усолье перешло в государеву собственность как «выморочное имение». Однако уже в 1620 г. особой царской грамотой оно было отдано в совместное владение Максиму Яковлевичу, Андрею и Петру Семеновичам Строгановым. В 1626 г. между владельцами имения произошел раздел на две равные части, и Но-

вое Усолье на протяжении 60 лет переходило от одного наследника к другому. После раздела 1629 г. А. С. Строганову досталось в нем 10 дворов, И. М. Строганову – 10 дворов и П. С. Строганову – 28 дворов. В 1639 г. Орел и приписанное к нему Новое Усолье стали владением А. С. и П. С. Строгановых, выкупивших долю Ивана и Данилы. В 1641 г. слобода перешла в руки их детей Д. А. и Ф. П. Строгановых. Эти разделы продолжались до 1688 г., когда все пермские имения собрал в одних руках Г. Д. Строганов.

В 1623 г., то есть спустя 17 лет после основания слободы, по переписи М. Кайсарова, в Новом Усолье было: «дворов – 1 господский, 15 посадских и бобыльских, 2 кельи нищих и 1 пустой. Людей разного звания 34 человека». Но слобода быстро развивается, требуются рабочие руки на солеварнях, и Строгановы активно заселяют Новое Усолье «пришлыми людьми», а также переводят жителей из других населенных пунктов: Чусовских городков, Оханского, Обвинского, Пермского и прочих округов.

В период с 1647 по 1678 г. в Усолье поселилось 163 человека. Вот список мест, из которых приходили сюда люди*:

* Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 214, оп. 1, писцовые и переписные книги, д. 443, лл. 415–430.

Название населенного пункта	Количество человек
Соль Вычегодская (Сольвычегодск)	36
Вятка	22
Чердынь	19
Устюг Великий	16
Яренск	15
Соль Камская (Соликамск)	14
Вага	7
Кай-городок	7
Юрьевец Полоцкий	4
Устьянские волости	4
Двина	3
Новгород	2
Тобольск	2
Галич	2
Каргополь	1
Москва	1
Казань	1

Как видим, больше всего людей пришло из Сольвычегодска. Неудивительно: именно там была резиденция Строгановых, и, скорее всего, именно там они вербовали людей для работы на уральских соляных промыслах.

В последующий период приток людей еще увеличился. В 1682 г. в строгановских вотчинах работало 443 пришлых человека, из них 351 – в с. Новое Усолье.

* См.: Мозель Х. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. – Ч. II. – СПб., 1864.

Среди всех уральских соляных промыслов Новоусольский считался самым лучшим. Х. Мозель в середине XIX в. напишет: «Рассолы здесь так густы, что их разбавляют водою (перед вываркой. – Авт.)»*.

Скорее всего, в этом и состоит притягательность Усолья для пришлых людей: здесь была возможность заработать. Археологические исследования, проводившиеся в вотчинах Строгановых, свидетельствуют о том, что даже обычные жители слободы были гораздо зажиточнее, чем обыватели государственных городов.

Что же представляла собой слобода Новое Усолье?

Поселение было вытянуто узкой лентой вдоль Камы. Рассольные трубы и варницы располагались на берегу реки, что позволяло без лишних трат времени и сил сгружать соль на корабли и доставлять лес.

Вероятно, в XVII в. начинает формироваться будущая структура Усолья с ее трехчастным делением: центр – сосредоточение административных строений, дома «именитых людей»; верхние и нижние промыслы, вокруг которых группируются рабочие слободки. Но эта структура только намечается (она станет ярко выраженной и четкой лишь после пожара 1753 г.). Археолог А. В. Рублев обнаружил при раскопках остатки рассолоподъемной трубы в «центральной» части Усолья, это свидетельствует о том, что соль изначально добывалась повсеместно.

Главное место в слободе занимала деревянная церковь, на месте которой в XVIII в. был построен каменный Спасо-Преображенский собор. Возле церкви существовало кладбище: его остатки были обнаружены березниковскими и пермскими археологами. А. В. Рублев, производивший работы возле каменных палат Строгановых в центре Усолья, делал вывод, что кладбище позднее и относится к XIX в. К такому заключению он пришел, основываясь на том, что погребенные не успели разложиться. Однако находки погребений под самими палатами, а также под фундаментами ча-

совни Спаса Убруса говорят о том, что кладбище существовало до начала каменного строительства в Усолье. Если на могилах начали строить здания, значит, ко времени строительства воспоминаний о старом кладбище уже не осталось.

По переписи 1647 г., в слободе было 2 двора вотчинников – владельцев, 47 крестьянских дворов и 10 варниц.

Наивысшего расцвета Новое Усолье достигает в период, когда все промыслы переходят в руки Григория Дмитриевича Строганова. В 1697 г. в Усолье было уже 44 варницы, 23 рассолоподъемные трубы и 150 дворов работных людей.

Усолье неоднократно страдало от пожаров. Первый из известных пожаров произошел в 1649 г.; в 1680 г. – второй. Усолье выгорало почти полностью.

Самым древним архитектурным памятником, сохранившимся, правда, лишь в виде живописных руин, является часовня Спаса Убруса. Точная дата ее постройки неизвестна, но ряд исследователей относят ее создание к XVII в., на что указывают особенности кладки стен, размеры кирпича. В этой часовне освящались суда, перевозившие соль.

Исследователь уральской архитектуры Г. Д. Канторович указывал на удивительные изразцы, которыми были украшены стены часовни. Он писал:

«Уникальны и не имеют себе равных в русской архитектуре изразцы часовни Спаса Убруса, построенной во второй половине XVII века. На них изображен излюбленный в народе мотив – вещая птица Сирин, полудева-полуптица, родная сестра сладкозвучных сирен классической Эллады»*.

** Канторович Г. Искусство глины и огня // Уральский следопыт. – 1970. – № 11. – С. 34.*

Таким образом, датировка часовни Спаса Убруса не вызывает сомнений.

В XVII в. формировалась экономическая мощь Нового Усоля. XVIII и XIX вв. принесут этому селу красоту, достойную даже столичного города.

*«... Да ниже Перми ж Великия
в Орловском уезде, на реке на Каме,
на усть речки Пыскорки,
на Строгановых земле монастырь
Спасской»*

ПЫСКОР В XVII В.

Подробнейшее описание Пыскорского монастыря было составлено М. Ф. Кайсаровым в 1624 г. Центральным храмом монастыря был деревянный храм Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Перепись позволяет представить богатство и убранство храма.

Он имел «образ местной Преображение Господне обложен серебром, венец и гривна сканные, а в них 4 камешка да 2 раковины, да 2 венца басменные позолочены, да в деянье 9 венцов басменных позолочены, да 17 гривен басменных золочены, да 2 гривны витых, одна золочена, пелена камка зеленая, опушена зенденью червчатою. Образ Воскресение Христово на золоте, а у него 3 венца да 3 гривны басменных золочены, в венцах и в гривнах по 3 камышка плохих, пелена выбойчатая опушена зенденью. Образ местной Живоначальная Троицы на золоте, а у него 5 венцов, да 5 гривен басменных золочены, а в них 25 камышков да 5 раковин, пелена кумачная полосата опушена гарусом желтым. Образ Пречистые Богородицы Одегитрие на золоте, венец и гривна басменные золочены, а в венцах и в гривнах 20 камышков, да семнадцатеры серги с каменьи с плохими. Образ Благовещение Пречистые Богородицы на золоте, а у него венец с коруною, цата с репы сканные, а в венце и в коруне и в репях 20 камышков розных цветов, закрепочки жемчужные, да 6 жемчужков да гривна басменная золочены, да у Архангела венец и цата с репы ж сканные, а в венце и в цате и в репях 21 камышек, да у Савоафа венец сканной золочен. Образ местной Иоанна Богослова, обложен серебром басменным, венец и гривна сканные, пелена кушак полосатой, опушена гарусом желтым. Двери царские на краске, се и столпцы и Дейсус на золоте. Образ Пречистые Богородицы запрестолной на золоте, венец сканной, а в венце 11 камешков. Крест запрестольной обложен серебром. Евангелъе печатное в десть, евангелисты серебряны позолочены, оболочено бархатом рытым зеленым; сосуды оловянные; ризы камка таусинная, оплечье отлас на золоте опушена тафтою двоеличною; ризы отлас двоеличной, оплечье отлас на золоте по червчатой земле. Да книг: апостол письменной в полдесть, книга Ефрем, а другая Исак Сирины, да Степана Великопермского, все в полдесть, служебник, да псалтирь письменные в полдесть, постригальник на харатье, соборник в полдесть, часовник печатной. Паникадило медное, да 2 кадила медные. Да перед местными образы 6 свеч поставных с краски. Да на колокольнице часы, да 4 колокола».

Существовал в монастыре и второй храм – теплый «с трапезой» Благовещения Пречистой Богородицы. Всего в монастыре насчи-

тывалось 19 келий, в которых жило 50 послушников. При монастыре были гостиный двор для паломников, конюшня и «скотей двор». Для хозяйственных нужд предназначались 9 амбаров. Упоминается также мельница на р. Пыскорке.

По переписи Кайсарова, монастырь имел слободку, деревню, 10 починков, 2 варницы, лавку и мельницу, в 44 монастырских и крестьянских дворах вели хозяйство 50 человек мужского полу, они обрабатывали 106 четей пашни, монастырю принадлежало 36 десятин «пашенного лесу» и 2135 копен сена.

В переписи Кайсарова впервые упоминается Пыскорский Введенский женский монастырь. Он находился «в посаде под горой», имел церковь Изосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев, 9 келий, в которых проживали «черные старицы». У монастыря было несколько церковных дворов.

Женский Введенский монастырь был в полной хозяйственной зависимости от мужского, некоторые исследователи называют его своеобразной «колонией» Спасо-Преображенского монастыря.

В монастырской слободке, расположенной за Пыскоркой «под горой», насчитывалось 25 дворов; кроме того, Пыскорскому монастырю принадлежало 10 деревень.

Начиная с первой половины XVII в. Пыскорский монастырь включается в колонизацию Кунгурского уезда. По переписной книге Прокопия Елизарова, в 1647 г. в вотчинах монастыря на берегах рр. Камы, Кондаса, Сырьи, Сылвы, Мячки, Шаквы и Бабки насчитывалось 365 дворов с населением 1136 человек мужского пола.

Однако уже в 1660 г. за монастырем числилось всего 98 дворов. Это связано, по всей видимости, с церковной реформой 1652 г., которая значительно сократила монастырские владения.

Но Пыскорский монастырь довольно быстро восстановил свою экономическую силу. По переписи Ф. Бельского, в 1678 г. в вотчинах его значится уже 271 тяглый двор.

На территории Пыскора в 1634 г. был построен первый на Урале медеплавильный завод.

Предыстория завода начинается с 1619 г. В это время правительством Михаила Федоровича была организована специальная экспедиция для поисков медных руд в Приуралье, которая обнаружила руду на горе Григорьевой на р. Каме. Следующая экспедиция, отправленная на поиски золотых руд, золота не нашла, но провела исследование ранее обнаруженных рудных залежей на Григорьевой горе. Руда оказалась хорошей. Была налажена ее добыча подземным способом,

а обработку руды и выплавку меди вели на вновь организованном Пыскорском медеплавильном заводе. Завод имел одну плотину и находился под монастырской горой.

Остатки плотины Пыскорского медеплавильного завода

Остатки оборудования Пыскорского медеплавильного завода – чугунная изложница, предназначенная для слива меди. Обнаружена в р. Пыскорке Н. Е. Соколовой. Фото 1993 г.

Первый этап существования этого предприятия сравнительно недолог. Завод был передан в содержание братьям Тимашевым, но вскоре они отбыли в Сибирь. После того как в 1656 г. отозвали в Москву иноземных и русских мастеров (их отправили под осажденную русскими войсками Ригу для устройства сложных подкопов, где требовались знатоки горного дела), завод был закрыт. Следующий этап его существования начинается лишь с 1723 г., когда в Пыскор прибывает капитан Василий Никитич Татищев.

Рядом с Пыскором, ниже по течению, на противоположном берегу реки, находится место, где некогда существовал «горный город» Дедюхин. Изначально его территория принадлежала Пыскорскому монастырю. В середине XVII в. место будущего поселения было расчищено от леса и использовалось под выгон: оно так и называлось – «росчистями монастырскими». Однако уже в 1674 г. здесь возникли соляные промыслы.

До 1770 г. Дедюхин назывался Рождественским Усольем, или Рождественским промыслом, и находился во владении Пыскорского монастыря. О первых годах существования промысла практически ничего не известно. В 1700 г. Дедюхин получил статус села (в нем строится деревянная церковь). В 1732 г. в селе учреждено Пермское соляное комиссарство, просуществовавшее до 1759 г., а в 1764 г. Дедюхинские промыслы с землей были отобраны у монастыря в казну.

22 июня 1645 г. в монастыре вспыхнул пожар. От молнии загорелся деревянный храм Преображения Господня. После пожара монастырю патриаршей грамотой было разрешено строить каменный храм. На одном из самых ранних изображений монастыря, датированном 1696 г., видно, что его территория имела вид правильного шестиугольника, обнесенного высоким деревянным забором – тыном. На площадке монастыря расположены пять деревянных зданий – монастырские службы – и деревянная надвратная церковь. Здесь же изображен каменный пятикупольный храм – Преображенский собор. На правом берегу р. Верхняя Пыскорка показано само село с небольшой деревянной церковью на северной окраине.

В 1696–1700 гг. в монастыре активно ведется каменное строительство, в результате чего каменным стал весь монастырский комплекс.

Из каменных зданий Пыскорского монастыря на сегодняшний день сохранилась только одна церковь, построенная во имя Святителя Николая Чудотворца в 1651 г. В Березниковском музее хранится памятная икона из этой церкви, на которой помещены изображение Николая Можайского и два изобра-

Икона «Николай Можайский с преподобными Иоаникием и Иоасафом».

жения Аникия Строганова: слева от Николая – до пострижения в монахи; справа – после принятия монашеского сана и имени Иоасаф. На иконе имеется текст:

«Пыскорский монастырь и церковь во имя Святителя Николая Чудотворца построены усердием и иждивением Иоаникия Федоровича Строганова... Монастырь Пыскорский в (1780) году разрушен и перенесен на Лысьву, а в... году переведен в губернский город Пермь; но церковь Николаевская... оставлена на прежнем месте».

Церковь во имя Святителя Николая Чудотворца в с. Пыскор. Фото 1960-х гг.

Церковь выстроена на средства Шустова. По бытующим легендам, она была переделана из монастырской трапезной. Этой же точки зрения придерживался и В. Н. Шишонко: *«От монастыря осталась с иконами и ризницею одна церковь (трапезная), что ныне единоверчес-*

* Шишонко В. Н. *Пермская летопись*. – Пермь, 1887. – Вып. III. – С. 10.

*кая»**. В основе церкви поставлен прямоугольный куб с приделами, с одной луковичной главой и одним алтарным полукружием. В XIX в. к церкви была пристроена колокольня. В колокольне четыре сквозных проема для колоколов. У Пыскорской церкви все внимание сосредоточивается на фасадах куба и алтарной апсиде. Окна расположены попарно, в два этажа, и оформлены в соответствии с древним архитектурным приемом:

окна первого этажа не имеют рельефных украшений, они прямоугольные, с арочным верхом, а окна второго украшены пышными наличниками с колонками и многоярусным кокошником.

Среднее окно на втором этаже имеет меньшие размеры, и предназначалось оно для вставки иконы.

Позднее пристроенная колокольня не нарушает композиции храма. Принцип ее конструкции – восьмерик на четверике. Она имеет дорический портик, корпус колокольни украшен небольшими пилястрами, стены гладкие, наличников нет.

Никольская церковь – один из красивейших образцов русской церковной архитектуры XVII в., и чрезвычайно удручает то обстоятельство, что сейчас она находится в аварийном, полуразрушенном состоянии.

Много тайн хранит Пыскорский монастырь. Не все из них можно раскрыть, знакомясь с древними рукописями, и тогда на помощь исследователям приходит археология.

Царские врата
из Пыскорской
Никольской церкви

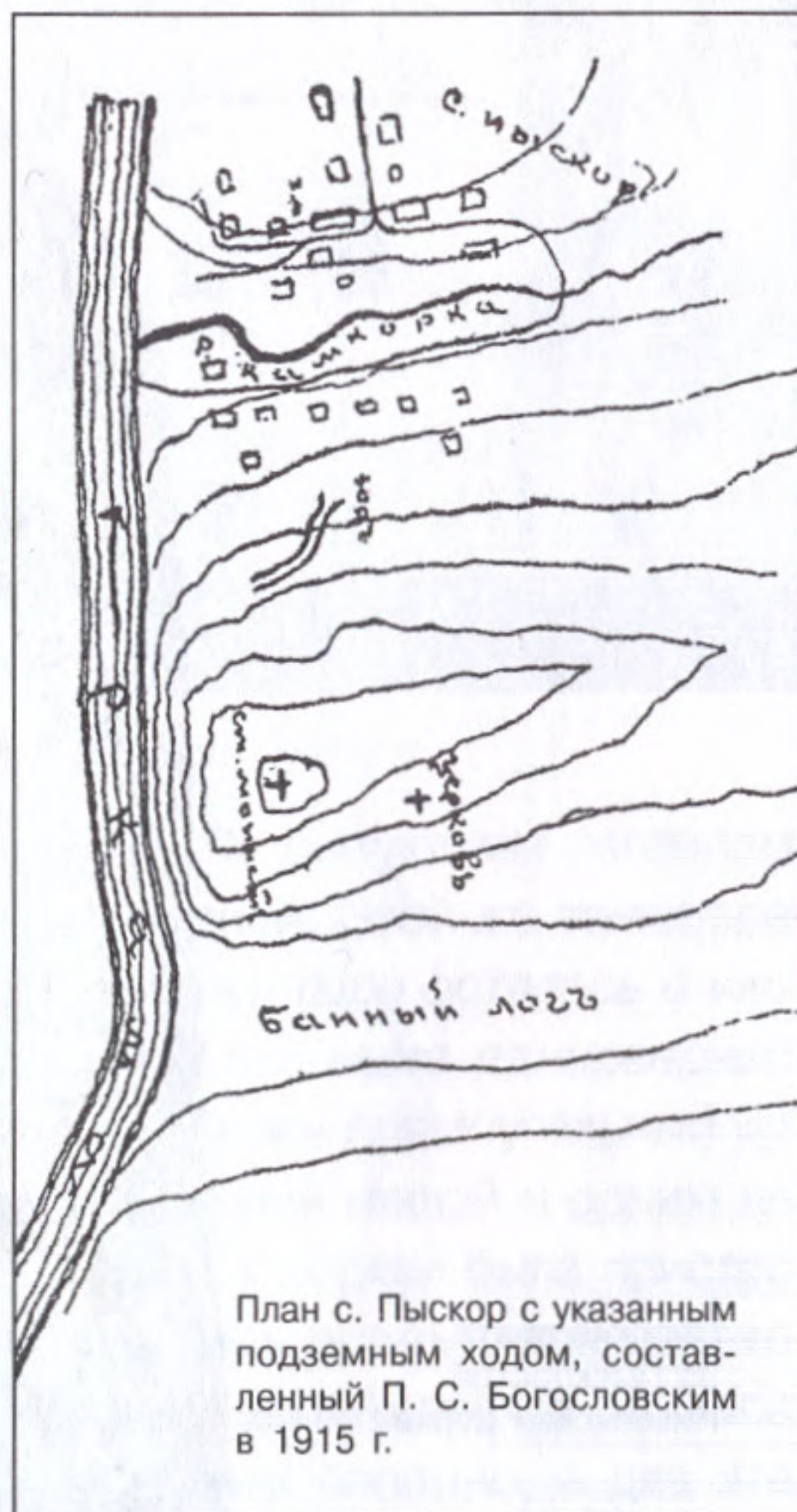
*«Вашу просьбу изложить
свои впечатления о раскопках
подземного хода в Пыскоре ...
я с большим удовольствием исполняю»*

ПОДЗЕМНЫЕ ТАЙНЫ ПЫСКОРА

Любой житель Пыскора, будь то мальчишка или убеленный сединами старик, может рассказать желающим о старинном подземном ходе. Те, кто помоложе, будут ссылаться на старших, якобы видевших подземный ход, а жители в годах поведают множество историй о том, как в детстве они ползали по извилистым подземным помещениям. Ученые обычно скептически относятся к таким сообщениям: практически в каждом населенном пункте, где были когда-то два монастыря – мужской и женский, – ходят, зачастую мало соотносящиеся с действительностью, рассказы о подземных ходах.

Подземный ход, расскажут вам одни пыскорчане, начинался на мысу возле церкви и, проложенный под Камой, уходил к Соликамску. Был он столь велик, что по нему ездили на телегах. Более рассудительные и трезвомыслящие жители села скажут, что ход соединял мужской и женский монастыри и прорыт был монахами и монахинями, чтобы сохранить в тайне их встречи.

Ни та, ни другая история не выдерживает критики. Чтобы прорыть широкий проход в несколько десятков километров, даже сейчас, с применением всей современной техники, надо затратить длительное время, да и смысла в этом не было никакого. Рассказ о ходах, соединявших монастыри, в лучшем случае романтическая байка. Подземные ходы, если они и проры-

План с. Пыскор с указанным подземным ходом, составленный П. С. Богословским в 1915 г.

вались, служили только одной цели – обеспечить выход из осажденной неприятелями крепости. Были они небольшими, максимум несколько десятков метров в длину. Очень редко их прорывали в буквальном смысле под землей – чаще накрывали канаву деревянным настилом и укладывали сверху дерн.

Однако подземный ход в Пыскоре действительно был, хоть и не столь грандиозный, каким он представляется по рассказам местных жителей.

Весной 1915 г. председатель Соликамской земской управы Антипин отправил в Пермский научно-промышленный музей телеграмму, в которой сообщал ученой общественности Перми, что в Пыскоре, в горе, был открыт подземный ход. Об этом открытии узнал также совершавший поездку в Соликамск и Чердынь Пермский епископ Андроник. В переговорах с представителями Пермского церковного археологического общества владыка признал необходимым обследование подземного хода, так как он находился на территории, некогда принадлежавшей Пыскорскому монастырю. Андроник выразил желание, чтобы общество взяло на себя обследование и организацию археологических раскопок.

Работы возглавил пермский археолог, член церковного археологического общества Павел Степанович Богословский.

Подземный ход в Пыскоре был обнаружен так. 26 апреля 1915 г. мальчишки играли на горе и заметили на южном склоне, обращенном к селению, небольшой провал, «образовавшийся вследствие стока дождевой воды и после прохода по этому месту коровы». Мальчишки стали раскапывать провал и убедились, что он уходит глубоко под землю. Дети позвали взрослых, те в поисках возможного клада пытались раскопать подземелье. Расчистили несколько метров и натолкнулись на обвал. Никакого клада, естественно, не нашли. Узнавшие о раскопках полицейские закрыли ход досками и завалили землей, после чего сообщили, как и положено, по инстанциям об открытии удивительного сооружения.

Уже 30 мая в Пыскор прибыла научная экспедиция с целью продолжить начатые местными жителями работы. П. С. Богословский составил такое описание Пыскорской горы и подземного хода*:

** Все цитаты о раскопках в Пыскоре в 1915 г. приводятся по изд.: Богословский П. Подземный ход и археологические раскопки в селе Пыскор Соликамского уезда. – Пермь, 1915.*

«Вся гора, на которой существовал монастырь, изрыта провалами, канавами, буграми, причем многие провалы имеют правильную четырехугольную форму (чаще параллелепипеда), есть провалы длинные, напоминающие рвы,

и опять-таки правильной формы и прямого направления. На самой горе щебень, сохранившийся от развалин, местами обнажен от покрывающей всю гору травы, и повсюду разбросаны холмики, грядки, валы. Никаких развалин, сохранившихся от монастырских построек, кроме ... единственной теперь церкви, на горе нет... Монастырь был разрушен, действительно, до основания.

С восточной стороны подходит Кама. Здесь гора круто опускается в Каму. Это место называется «оползино», и, по преданию, происшедший здесь в 1755 году оползень горы и вынудил архимандрита Иуста перенести монастырь на новое место во избежание обвала и разрушения монастыря.

С северной и южной сторон гора опускается, с южного круто, прямо к селению и к речке Камгорке, а с северной более полого к так называемому

* Нетрудно убедиться, что за почти 100 лет вид Пыскорской горы мало изменился. – Авт.

Банному логу, получившему свое наименование от существовавшей здесь в старину монастырской бани. В настоящее время лог весь зарос осокой и тиной. С западной стороны гора также постепенно склоняется и отчасти заполнена постройками*.

Вход в подземный коридор находится... на южном склоне горы, около огородов. Представляет он простое зияющее отверстие четвертей 6х5. Чтобы попасть в коридор, приходится сильно согнуться и так входить в отверстие, затем круто спускаться вниз, поворачивая при этом вправо, к Каме, т. е. к востоку, и потом идти по узкому коридору. Ширина коридора в том месте четверти 3¹/₂. Высота примерно увеличивается, а саженей через 14 сразу падает. Здесь первый обвал, и приходится согнуться «в три погибели», чтобы пройти его. Этот обвал длиной в две с половиной сажени. Дальше ход опять принимает первоначальную форму, но сажень через 5 начинается второй обвал, длиной около 3 сажень, за которым ход круто идет вверх, при этом сужается и вскоре оканчивается.

Порода, в которой сделан подземный коридор, представляет смесь красной глины и мелкой гальки, получившую местами вид прочной, спаянной массы, похожей на плитняк.

Результаты предварительного осмотра подземного хода сводятся к следующему:

1. Работа проводилась изнутри, из горы (это видно по следам ударов и глубоким царапинам).

2. Проход выбивался острым инструментом, вроде кайла.

3. Ход кончается не завалом, как первоначально можно было думать; дальше должен быть ход, но этот ход, по всей вероятности, пойдет вверх, уклон его градусов 45–50, так что осыпь явилась, пожалуй, вследствие опустившегося люка.

4. Налево от входа сажень через 7 есть небольшая боковая впадина с полуциркульным верхом – нишка. В ней заметны следы копоты.

5. Длина подземного коридора – от устья до вертикального места – 24,91 сажени.

6. Ход представляет узкий коридор с аркообразной крышей, с сырой, грязной подошвой. Сырость, по всей вероятности, образовалась от проникшего снаружи воздуха».

Кажется, первоначальная мысль о назначении подземного хода – служить лазом в случае осады – находит свое подтверждение. В сложной ситуации можно было нырнуть в небольшой колодец, пройти по узкому коридору и выйти за острогом крепости. Но не все так просто. Прежде чем делать выводы, необходимо проверить и другие версии.

Может быть, это не подземный ход, а старая шахта для добычи камского медистого песчаника? В Пыскоре существовал медеплавильный завод, и такое предположение вполне логично.

П. С. Богословский подробно рассматривает версию о старой шахте и отказывается от нее. Ход его рассуждений таков:

«1. Нам исторически известно, что около Пыскора не было руды, для завода привозили ее с Григорьевского рудника на Каме и с Яйвы (Кушгорта), так что за дальностью руды пришлось закрыть и самый завод.

2. Очень трудно допустить, чтобы стали подрывать гору, где стоял ставропигиальный богатый и большой монастырь. Было бы странно, если бы из-за незначительного количества руды, которое могли найти на горе, стали бы угрожать монастырю. Это раз, а затем, я думаю, монастырь решительно бы запротестовал против всяких подкопов с целью даже поиска руды; припомним, каким влиянием пользовался он в то время, особенно при поддержке Строгановых.

3. Подземный ход, как видно из сделанного нами описания, сравнительно очень узок, чтобы быть штольней. Из обследования открытой пока части подземелья можно сделать заключение, что лицо, работавшее над пробивкой хода, заботилось о том, как бы скрыть выход; поэтому и сузило коридор.

4. Серьезным препятствием считать Пыскорский подземный ход штольней, рудником является то обстоятельство, что в подземном ходе, по крайней мере в открытой части его, не найдено следов полезных ископаемых. Не думается, что и дальше можно напасть на эти следы. Косвенным подтверждением этой мысли может служить факт закрытия завода. Несомненно, руду в окрестностях Пыскора искали и искали очень серьезно.

Таким образом, эти соображения дают, на мой взгляд, полное право сказать, что предположение, будто Пыскорский подземный ход является рудником, из которого добывали медь для Пыскорского медеплавильного завода, едва ли имеет за собой достаточно оснований».

Археологические исследования на Пыскорской горе продолжались с 30 мая по 14 июня 1915 г. Принялись расчищать завалы, землю выносили из горы на носилках. Работа затруднялась тем, что в ход начали поступать удушливые газы. Пришлось построить на склоне горы вентиляционную печь. Для вентиляции пробили в земле канал, провели в него трубу. Но 4 июня количество газов стало так велико, что вентиляция перестала справляться. Рабочие жаловались на головные боли, быстро уставали. Приглашенный для работ горный техник Дм. М. Клоков отправился в Кизел за вентилятором. Вентилятор установили, и работы продолжились.

Вскоре после начала работ выяснилось, что ход был устроен сложнее, чем предполагалось ранее, – он разветвлялся на три коридора: один шел к поверхности, другой продолжался прямо, третий спускался вниз. В нижнем коридоре были найдены остатки крепи, установленной для избежания обвала.

Вид на подгорную часть с. Пыскор. Фото первой половины XX в.

В подземном ходе чувствовался запах ладана. Оказалось, что нижний коридор забит землей специально: в земле попадались кирпичи и галька. Ход, шедший на поверхность, расчистить не удалось: сверху все сыпался и сыпался новый мусор. В том месте, где предположительно должен был быть выход на поверхность, исследователи обнаружили заплывшую воронку – след когда-то засыпанного колодца.

Всего в 1915 г. было расчищено около 30 саженей хода (более 64 м). Деньги и время, отпущенные на экспедицию, подходили к концу. Нужно было возвращаться в Пермь, чтобы спланировать и подготовить новые работы в подземелье. Все инструменты, привезенные для исследований, были сложены в подземном коридоре, на выходе поставили деревянную дверь. Уряднику наказали без записки от Пермской архивной комиссии не пускать в подземелье никого.

Новых работ больше не проводилось. Настали иные времена: революция, смута, – не до раскопок. Установленная на вход в подземелье калитка простояла долго, но в конце концов, в 30-е уже годы, ее сняли, а очередной оползень закрыл вход. Материалы раскопок П. С. Богословского не сохранились, так как в 1919 г. в Перми сгорела значительная часть его личного архива.

Так что собой представляли и когда были созданы подземные сооружения древнего Пыскора?

Ясно, что подземный ход использовался во время существова-

ния Пыскорского монастыря. Об этом говорят находки кирпичей в забивке коридоров, а также то, что ход был связан с наземными постройками Спасо-Преображенского собора. Вот что пишет П. С. Богословский:

«При обследовании подземного хода, именно нижнего коридора, мы пришли к заключению, что этот коридор забит искусственно. Сопоставляя его с тем обстоятельством, что наверху собор разрушен до основания и весь щебень свален **внутри** собора, щебени навалено сажени на две, я прихожу к мысли, не старались ли монахи при разрушении монастыря уничтожить, так сказать, все следы, забить, завалить как будто что ценное... не было ли помещение тоже каким-нибудь хранилищем, не служило ли оно скитом с подземными церковками...; не служило ли это по меньшей мере усыпальницей для архимандритов и чтимых монахов?.. Весьма возможно, мне кажется, допустить мысль, что в 1755 г., при разрушении монастыря, монахи завалили подвальное помещение и забили подземный ход, чтобы предотвратить их осквернение».

(Подземный ход шел из подвалов главного пыскорского собора.)

В. А. Шмыров, знаток оборонительных укреплений Урала, увязывает строительство подземного хода с возведением крепостных стен городка Канкора в 1558 г. Он пишет: *«Канкор имел все атрибуты средневекового города: крепость, рубленную городнями, и даже подземный ход, случайно открытый в 1915 г.»* Сам П. С. Богословский и исследователь уральских подземелий В. М. Слукин не исключают, что подземелье вырыто отшельниками еще до строительства городка и представляло собой подземный скит, в котором можно было укрыться от неприятеля и посторонних глаз. Соликамский историк Г. А. Бординских обращает внимание на то, что топоним *Пыскор* переводится с коми-пермяцкого языка как *город с подземным ходом*. Быть может, подземелья вырыты еще во время существования Пыскорского городища? На Рождественском городище, еще одном поселении древних коми-пермяков, тоже был найден подземный ход.

Вырисовывается такая картина. Подземный ход на пыскорском мысу был вырыт до прихода на Урал Строгановых, отсюда пошло название самого места. Не исключено, что монахи уральского скита использовали древние подземелья для своих нужд. В момент строительства городка, возможно, подземелья были вновь обнаружены и использованы по назначению – для усиления живучести городка в случае осады. После похода Ермака и устранения угрозы нападения монахи Пыскорского монастыря продолжили использование подземелий и даже расширили их, соединив с подвалами церкви. Подземный ход был сознательно засыпан во время разборки монастырских сооружений в XVIII в.

Какие еще тайны скрывают подземелья Пыскора? Верны ли выдвинутые предположения? Только полномасштабные исследования, требующие огромных средств, могут помочь разобраться со сложными вопросами. Или Его Величество Случай – как помог он в свое время Павлу Степановичу Богословскому.

«...Но оставались центрами вотчинных округов...»

ОСТРОЖКИ В XVII В.

В 1614 г. для переписи Очерского острожка из Москвы были присланы Д. Ф. Змеев и подьячий Василий Михайлов. В дозорной книге Змеева, которую он закончил в 1615 г., об острожке говорилось:

«Острожек Очер на реке на Очере... С одной стороны с приезда сделана городовая стена, на ней три башни, а с трех сторон сделан острог. А от Камы реки тот острог семь верст. А в острожке церковь деревянная... Да в острожке же двор Микиты Строганова, живет приказник Шестой Федоров да подьячий Второй Епифанов да деловые люди... Да за острогом на посаде двор Никиты конюшенной... и церковные дворы... Да крестьянских дворов 10, бобыльских 6. Да на посаде есть дворы пищальников... пашен не пашут, имеют у Микиты жалование ... 21 двор. Да под острогом же на речке меленка»*.

* РГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 24.

Всего же в острожке было дворов столько: вотчинников двор Никиты Строганова – 1, церковных – 6, пищальников – 21, крестьянских – 10 и бобыльских – 6. Церковной пашни было 5 четей, крестьянской – 42 чети. Сена церковного 150 копен, крестьянского 2500 копен. К острожку было приписано 7 деревень и 5 починков (в них 88 дворов), 2 мельницы. Пашенной земли в Очерском округе было: церковной 5 четей, «лесной заросли» 15 четей, крестьянской 175 четей, 3560 копен сена.

Постепенно меняется социальный состав жителей Очерского острожка. Если изначально в нем селились пищальники, то теперь здесь проживают и крестьяне, а также ремесленники – кузнецы и кожевники. Более того, пищальники тоже постепенно начинают заниматься земледелием и ремеслом, среди них есть кузнец и

сапожник. Все это связано, несомненно, с тем, что военная опасность в XVII в. уходит и бывшим военным людям приходится искать новое место в жизни.

Население округа увеличивается за счет крепостных, которых переселяют сюда Строгановы, а также за счет беглых людей из Поморья. В числе первых встречаются фамилии Болотовых, Ширинкиных, Власовых, Пономаревых. Переселенцы основывают свои починки, где изначально проживают отдельно со своей семьей, постепенно починки перерастают в деревни.

Кроме того, население растет за счет обращенных в христианство коми-пермяков, коренных жителей этого края.

А вот что значит в переписи М. Кайсарова (1624 г.):

«Городок деревянный рубленой, что был Очерский острожек на реке на Очере, а у тово городка двои ворота, да две башни глухих, а меж ворот и башен городень и стоячево острогу по мере 129 сажень, а в городке храм деревянный клетски»*.

* Дмитриев А. Пермская старина. – Пермь, 1890. – Вып. 4. – С. 176.

В это время Очерскому острожку принадлежало 9 деревень, 1 починок, 7 пустошей, 40 дворов пустых, 125 четей пашни, 80 четей перелога, 1715 копен сена, мельница. В самом острожке число дворов сократилось от прежней переписи до 32, да еще 6 дворов стояло пустых. Сократилось и число жителей острожка: они переселились в округ в поисках свободной земли. Следы упадка фиксируются по разделительному акту 1629 г.:

«Очерский острожек, Никитинская вотчина Строганова, над речкою Очерою; передняя стена рубленая, по углам две башни глухие, а две стены острогом, все обвалилися; в острожке храм деревян плоской во имя Сретенье Господа нашего Иисуса Христа, а во храму образы на золоте и на красках, и книги, и на колокольне пять колоколов – строение Никиты Строганова»**.

** Дополнения к актам историческим, собранным в библиотеках и архивах Российской империи. – С. 113.

По переписи П. Елизарова, в 1647 г. в Очерском острожке были 1 вотчинников, 3 церковных, 9 крестьянских дворов. По переписи Ф. Ф. Бельского, в 1678 г. все так же значатся 1 вотчинников, 2 церковных, 7 крестьянских и 1 бобыльский дворы. Население еще сократилось. В то же время увеличивается численность жителей округа, растет количество деревень, основанных ушедшими из острожка людьми.

Постепенно острожек превращается в обычное село, заселенное крестьянами. Впрочем, нет, не совсем обычное – он остается административным центром округа, в нем по-прежнему живут приказчики, подьячие, «деловые люди». Он является и религиозным центром округа.

Затухание Очерского острожка, начавшееся в XVII в., продолжится и в XVIII в.

* * *

Яйвинский острожек в переписи М. Кайсарова описывается так:

«За Иваном же да за Максимом Максимовыми, детьми Строганова, острожек Яйвинской на реке на Яйве и на речке на Усолке; а на остроге башня с вороты, а от башни к речке к Усолке и около всего острогу 114 сажен, да полых мест возле речку Усолку 26 сажен, а в острожке двор Ивана да Максима Строгановых, а в нем живут люди их; да в острожке в стене 2 варницы с црены, а оброку с них 10 рублей, по 5 рублей с варницы, да пошлин с оброку 16 алтын 4 деньги. Да в острожной же стене место варничное пусто; да за острожком варница без црена, а оброку с нее 2 рубли, да пошлин 3 алтына 2 деньги. Да за острожком же на речке на Усолке под острогом мельница колесная, а оброку с нее 20 алтын, да пошлин с оброку 6 денег.

Да в острожке ж храм Живоначальныя Троицы деревян клетцы, а в нем образ местный Живоначальныя Троицы с деяньем, на золоте; образ Спасов Нерукотворенный большая пядница; образ Пречистыя Богородицы Неопалимая купина; образ Ник—ы Чудотворца с деяньем; образ Пречистыя Богородицы, о Тебе радуется; евангелие на престольное печатное.

Да церковь Николы Чудотворца, деревяна, клетцы, а в ней образ Николы Чудотворца; образ Живоначальныя Троицы, а книги в тех храмах и колокола Максима Строганова.

Да за острогом дв. попа Осипа Михайлова, дв. дьячка Треньки Кузмина, дв. пономаря Антонки Кучи, дв. проскурницы Марфы.

Да за острогом же на посаде посадских самых молодчих людей и поваров и подварков... всего 10 дворов крестьянских, а людей в них 14 человек; сошного письма пол-пол-трети сохи. Да бобыльских дворов... всего 5... а людей в них 9 человек, а оброку с них с двора по гривне да пошлин по деньге. Да кельи нищих: кел. Ермолка Фомин, кел. Харитонко Овдокимов, кел. Якушко Ермолин с. Ярославец, кел. Федька Иванов с. Фрюк, кел. вдова Марьица Безулепиха, кел. Огрофенка, дв. пуст Якушка Ермолина; пашни паханные Ивана да Максима Строгановых средние земли 45 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, лесу пашенного 55 десятин; сена по реке по Яйве и на речке на Усолке 2550 копен, да крестьянсково сена на Яйве ж и на Усолке 629 копен».

По переписи П. Елизарова, Яйвинский острожек называется «*слободкой Яйвой на речке Усолке*». В нем находятся вотчинников двор, 4 церковных, 22 крестьянских и «вотченников животный двор». Мы видим, что количество дворов и население Яйвинского острожка увеличилось. В отличие от Очерского острожка, у Яйвинского был еще один стимул для роста – собственные соляные промыслы, которые, видимо, повлияли на рост этого населенного пункта.

В 1668 г. Яйвинскую слободу вместе с округом получают во владение Агафья Тимофеевна Строганова с дочерью Анной Даниловной.

По переписи Ф. Бельского 1678 г., Яйвинская слободка находится во владении все тех же Агафьи Тимофеевны и Анны Даниловны. И мы вновь наблюдаем здесь пусть небольшой, но рост дворов и населения: 1 вотчинников, 4 церковных, 31 крестьянский и 2 нищих. Растет и число населенных пунктов, входивших в состав Яйвинского округа.

* * *

О Сылвенском острожке в переписи М. Кайсарова читаем:

«За Андреем же да за Петром Семеновыми детьми Строганова острожек Сылвенской на реке на Сылве, а в острожке дв. Петра Строганова, около двора острожку и что в стене изб 80 сажень, да полого места 20 сажень, да за острожком на посаде храм во имя Живоначальные Троицы деревян клетцски ветх; ...да на колокольнице два колокола, да у церкви двор попа Сергея Максимова, дв. дьячка Мартынка Осипова с братом с Елисейком, дв. пономаря Степанка Лукеянова сына Толстова, дв. просвирницы Федосьи.

Да на посаде ж дв. Андрея Строганова, а в нем живут люди ево, да крестьянских дворов... всего 8... да 8 дворов бобыльских, да дв. пищальничей; а людей в них 21 человек, да 2 двора пустых; пашни паханные крестьянские добрые земли 15 четьи с осминою, да перелогом 185 четьи с осьминою и пол-пол-третника в поле, а в дву по тому ж, лесу павшенного 56 десятин; сена 925 копен. Да на посаде ж дв. Петра Строганова, а в нем живет десятник ево Гришка Острецов, да крестьянских дворов... всего 5... да 2 двора пищальничьих, да 3 двора бобыльских, а людей в них 15 человек; пашни паханные добрые земли 23 чети, да перелогом 178 четвертей и пол-третника пашни в поле, а в дву по тому ж; лесу пашенного 56 десятин; сена 925 копен».

В Сылвенском округе в 1624 г. было 10 деревень, 4 починка, 2 пустоши; а в острожке, деревнях и починках вместе – 40 дворов пашенных крестьян, да 3 двора пищальничьих, да 17 дворов бобыльских, а людей мужского пола в них проживало 111 человек.

По переписи П. Елизарова 1647 г., Сылвенский острожек и Сылвенский округ одной половиной входили во владения Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича, а другой – во владения Федора Петровича Строгановых. В части Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича значились дворы: 1 вотчинников, 3 церковных, 13 крестьянских и 1 пустой. Всего в части Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича в острожке проживал 51 человек мужского пола.

В части Федора Петровича находились 1 вотчинников и 12 крестьянских дворов, где числилось 38 человек мужского пола.

В часть Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича входило 11 деревень, 7 починков; в часть Федора Петровича – 21 деревня, 3 починка и 1 сельцо. Мы видим, что Сылвенский острожек и его округ по темпам своего развития опережают все прочие острожки.

По переписи князя Ф. Бельского, Сылвенский острожек состоял в половинном владении Григория Дмитриевича и Анны Никитичны Строгановых.

* * *

Ко второй половине XVII в. острожки утрачивают свое военное значение. Их дальнейшее существование зависит от естественных, природных условий. Если не появляется нового экономического стимула, острожек, даже сохраняя свои административные функции, теряет население (Очерский); если же какой-либо стимул остается (соледобыча или, например, благоприятные для сельского хозяйства земли), он продолжает развиваться.

*«...И по силе данного ему полномочия,
все оные с промыслами
Шустова и Филатьева присудил отдать
Строганову...»*

ЛЕНВЕНСКИЕ И ЗЫРЯНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

Конец XVII в. ознаменовался новыми земельными приобретениями Строгановых. В состав их пермской вотчины вошли Ленвенские и Зырянские промыслы.

История приобретения Ленвенских промыслов в очередной раз ярко иллюстрирует деловую хватку Строгановых, порой не гнушавшихся ради достижения своих целей и явным подлогом.

История началась в 1610 г. Купцы Шустовы и Филатьевы купили у некоего Ивана Соколова рассолоподъемные трубы и установили их на р. Ленве. Промысел успешно развивался и в конце концов стал явно мешать Строгановым. Дело не только в том, что они воспринимали каждый рубль в кармане другого как личное оскорбление, если не могли рассматривать его как добычу, но и в том, что увеличение выварки соли неминуемо приводило к падению ее стоимости. Достаточно отметить, что шустовские и

Филатьевские промыслы давали до 2 млн. пудов соли в год. Филатьевы обладали значительными финансами и были очень уважаемы в Соликамске. Известно, что Филатьев даже имел честь пригласить к себе 2 мая 1692 г. представителей русского посольства в Китай. Вот как описывает это событие участник посольства Адам Бранд:

«2 мая господин посол и приданная ему свита получили приглашение от московского гостя по имени Алексей Астафьевич Филатов на большой банкет в его имение (Ленвенские промыслы) в 20 верстах, или 4 милях, от Соликамска, и мы там очень веселились, так как каждый старался ответить на любезность любезным дружелюбием, что пришлось очень по сердцу нашему хозяину».

Филатов с гордостью демонстрировал свое налаженное хозяйство:

«Наш хозяин велел приготовить два больших судна, грузоподъемностью 800 ластов (около 12 000 т) каждое, отправку которых он задержал до нашего приезда, и мы своими глазами видели, как много на них было народу и какая была установлена дисциплина. На каждом из судов было по пятьсот рабочих, работавших посменно, что уже говорило о порядке и дисциплине. Когда одна группа гребцов уставала и теряла силы, на весла садилась другая, потом опять прежняя. На это было приятно смотреть. Так сменяясь, они могли в короткое время достигать отдаленных пунктов. Эти суда были нагружены исключительно солью, которую отправляли в Казань. Что касается расходов по перевозке, то упомянутому гостю Филатову они составляли полкопейки за пуд, тогда как прибыль была впятеро больше, поскольку нет в продаже соли дешевле 12–13 копеек»*.

* Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). – М., 1967. – С. 68.

Таким образом, за вычетом всех издержек, Алексей Филатьев после продажи груза с двух этих судов мог получить прибыль до 16 тыс. рублей. Но на Ленвенские промыслы уже обратил свой взор Григорий Дмитриевич Строганов.

В 1696 г. он направил в Новгородский приказ челобитную, в которой говорилось, что земли по речке Ленве, принадлежавшие Строгановым, насильственно захвачены гостями Шустовыми и Филатьевыми. Новгородский приказ затребовал от обеих сторон карты с указанием границ владений. Григорий Дмитриевич такие карты представил: на них ленвенские земли были обозначены как владения Строгановых.

Историк Н. В. Устюгов в свое время доказал, что эти карты были явно сфальсифицированы. Но дело приняло выгодный для Строгановых оборот. Судебные разбирательства продолжались полтора года. Г. Д. Строганов не стал ожидать решения суда и, чтобы окончательно сломить конкурентов, начал настоящие насильственные действия против Ленвенских промыслов. Его люди совершают нападения на ленвенских солеваров, избивают их самих и их родных,

грабят имущество. Ленвенские промыслы начинают испытывать настоящую блокаду. Г. Д. Строганов распорядился перегородить Чашкинский исток – реку, вытекающую из цепи старичных озер, примыкавших в Чашкинскому бору, где шла заготовка дров для ленвенских солеварен. Кроме того, была создана блокада по р. Каме, и к конкурирующим промыслам перестали поступать продовольствие и необходимые товары. В результате этих незаконных действий ленвенские солеварни встали, Василий и Алексей Филатьевы с Василием Шустовым стали терпеть огромные убытки. Они вынуждены были обратиться за защитой к соликамскому воеводе князю Хилкову. Однако царскому воеводе Г. Д. Строганов был неподсуден, и тот мог только отправить в Москву донесение о конфликте. Жалобу в Новгородский приказ послали и ленвенские солепромышленники. В челобитной они прямо сообщали, что из-за разорения их варниц *«вашей государственной казне в пошлинном зборе от того будет недобор большой и цена /соли/ на всякий пуд прибавитца»*. Однако подкупленные Строгановыми дьяки Новгородского приказа не радели о государственной пользе. Для решения межевого спора из Москвы прибыли стольник князь Григорий Тюфякин и подьячий Поместного приказа Григорий Бирилев, была создана межевая комиссия, куда вошли 60 местных старожилов из числа зажиточных посадских людей и крестьян. Представители московского чиновничества только делали видимость объективного рассмотрения конфликта. В это же время строгановские люди, числом около 2000 человек, вооруженные дубинами и ружьями, расположились на спорных землях и подступах к ним. Эта демонстрация силы оказала воздействие на часть местных старожилов, которые освидетельствовали границы спорных владений в соответствии с притязаниями Г. Д. Строганова. Однако другие члены комиссии не испугались угроз и указывали межи, отмеченные в писцовых книгах М. Кайсарова. Подкупленный Г. Д. Строгановым князь Тюфякин оказал силовое давление на членов межевой комиссии, чтобы получить угодные ему показания. Один из членов комиссии был бит батогами, другим пригрозили наказанием кнутом. Несогласные члены межевой комиссии отказались работать в ней и ушли в посад Соли Камской, подав на действия князя Тюфякина жалобу воеводе.

Но соликамский воевода князь Хилков, явно получив денежную мзду от Г. Д. Строганова, твердо встал на его сторону. Тогда посадские жители Соликама послали в Москву челобитную на своего воеводу с просьбой снять его и назначить нового. В это вре-

мя Тюфякин и Бирилев провели границу спорных владений, используя показания строгановских и монастырских крестьян. Попытка насильно вывести соликамских посадских людей для утверждения незаконной границы не удалась. Однако московские чиновники-стяжатели пошли на откровенное нарушение. Они внесли в свои межевые книги новые границы, по которым Ленвенские промыслы, находившиеся на государственной тягловой земле Соликамского уезда, вошли в состав частного владения Г. Д. Строганова.

Результатом этой тяжбы стал указ Петра I о передаче спорных земель вместе с соляными промыслами во владение Г. Д. Строганову. Филатьевы и Шустов вынуждены были отдать Строгановым свои промыслы со всеми постройками да еще и уплатить крупную сумму штрафа «за пользование их землей» в течение 15 лет. Любопытно, что археологи Пермского университета, проводившие исследования археологических памятников на восточном берегу озера Чашкино, обнаружили огромный каменный валун с выбитым на нем знаком, который вполне мог фиксировать межевую границу земельных владений в XVII в.

Во владения Строгановых отошли «водоемных луговых мест и болот и лесных порослей» 497,5 десятины, церковь каменная во имя Живоначальной Троицы, «а в церкви святые иконы и утварь и на колокольне колокола строение Василия Шустова с братьями, да часовня каменная», 4 церковных двора, 2 двора гостей Шустовых, 2 конюшенных двора, 150 дворов «всяких чинов пришедших людей», 17 «пустых работничьих изб», «42 варницы с црены и 2 варницы без цренов», 21 рабочая рассолоподъемная труба да 2 трубы «в недоделке», 18 соляных амбаров, хлебный амбар, 2 амбара для других припасов, сушило, сарай, «мельница немецкая» с 2 амбарами и 4 жерновами*.

* Шшонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1882. – Вып. V. – С. 152.

Церковь во имя Живоначальной Троицы, упомянутая в списке, существует и по сей день, но в виде руин. Памятная плита, которая некогда была вложена в южную стену церковной паперти, хранится сейчас в Березниковском музее. На ней есть надпись, раскрывающая некоторые страницы истории этой церкви:

«Лета 7196 (1688) построена и освящена во имя Святые Живоначальныя и нераздельныя Троицы, во дни при благочестивейших великих князьях Иоанне и Петре Алексеевичах... при преосвященном Архиепископе Ионе Вятском и Великопермском, у соляного варничного промысла гостей Василия, Григория и Никиты Федоровых, гостей Шустовых по обещанию».

Ленвенская церковь замечательна еще тем, что была перестроена

из жилого каменного здания – дома Шустовых. Этот дом имел два этажа; первый, подсобный, этаж был меньше, чем второй. К дому были пристроены куб с алтарной апсидой, затем колокольня. Несмотря на свое необычное происхождение, церковь смотрелась очень гармонично. Пол был покрыт чугунными плитами, на которых сохранились клейма «Пожва, 1864» – следы поздней переделки храма.

Ленвенская церковь была украшена цветными изразцами. На изразцах – изображения сказочных птиц с многоцветным оперением. Фризы, опоясывавшие здание, были выполнены из зеленых изразцов с растительным орнаментом.

Памятная плита Ленвенской церкви

Церковь Живоначальной Троицы в с. Ленва
Фото 1950-х гг.

Под церковью находится подклет. В свое время он использовался, вероятно, для хранения церковных припасов. Судя по новейшим археологическим исследованиям, окна Свято-Троицкой церкви во второй половине XIX в. были декорированы цветными витражными стеклами.

Время строительства каменной колокольни точно неизвестно – вероятно, она была сооружена в XVIII в. Колокольня рухнула в начале 90-х гг. XX в. В 1905 г. была составлена опись Ленвенской церкви, где можно найти и описание колокольни:

«Колокольня при сей церкви каменная, высотой 13 сажень. Слухов открытых на колокольне для вешания колоколов восемь, последний верхний ярус колокольни восьмигранный...

На колокольне поставлен деревянный шпиль, высотой оный в 6 сажень и околочен листовым железом и выкрашен зеленой малахитовой краской»*.

* Березниковский музей, б/н.

Судьба церкви печальна. В 1963 г. по решению Березниковского горисполкома она была закрыта. Из церкви успели вывезти в Березниковский краеведческий музей часть икон и литературу, однако иконостас оставили на месте. Тогда посчитали, что это поможет сохранить памятник «более полно». Храм законсервировали: все входы и окна были заложены кирпичом. Но охраны не было никакой, и церковь подвергалась набегам детей, туристов, рыбаков и прочих любопытствующих. В 1964 и 1965 гг. в церкви случились два пожара. Иконостас погиб полностью, сгорели деревянные перекрытия, церковь пришла в аварийное состояние и стала интенсивно разрушаться. Местные жители растаскивали кирпич для собственных нужд, хулиганы разбивали уникальные изразцы. Непогода делала свое дело: подмывались стены, рушилась кладка. От церковных росписей XVIII–XIX вв. почти ничего не осталось.

Сейчас этот уникальный памятник еще можно спасти. Конечно, храм уже не восстановить без значительных затрат. Тогда необходимо воссоздать хотя бы светское здание второй половины XVII в. – палаты гостей Шустовых, которых так беззастенчиво ограбил Г. Д. Строганов. Если не будут предприняты действия хотя бы по консервации и охране этого уникального памятника Урала, то от него в скором времени может остаться груда битого кирпича, утопающая в болоте...

* * *

На территории нынешнего города Березники, на р. Зырянке, близ ее устья, есть с. Зырянка. Первые упоминания о нем содержатся еще в переписи Яхонтова. В переписной книге Кайсарова Зырянка значится как погост. Некогда земли, на которых находится село, принадлежали Пыскорскому монастырю, затем они ушли в казенное владение.

В 1697 г. Григорий Дмитриевич получает Зырянские промыслы, «что находятся в смежности с промыслами Строгановых, в одной версте через Каму, с остальными варницами гостя Никитникова». За это приобретение он обязывался доставлять ежегодно «в Москву и другие города» по 100 тыс. пудов соли безвозмездно. Григорий Дмитриевич был обложен своеобразным «налогом с продаж»: при получении прибыли свыше 11 тыс. рублей за торговлю он должен был вносить с этой суммы пошлину.

Поставили ему и другие условия: Григорий Дмитриевич не имел права рубить леса, растущие близ Зырянки и принадлежащие казне; «приписных крестьян работой не отягощать и тягла им сверх

оклада не прибавлять». Конечно же, реальная прибыль с промыслов в таких условиях была минимальна, и в 1700 г. Григорий Дмитриевич испрашивает у казны зырянские земли с крестьянскими угодьями себе во владение. Государственные крестьяне превращаются в крепостных Строгановых, и Григорий Дмитриевич получает право распоряжаться ими по своему усмотрению. За казенные строения на Зырянских промыслах он заплатил в казну 28 198 рублей 90 копеек.

В 1701 г. Козьма Фомич Цезырев проводит перепись Зырянских промыслов, отошедших во владение Строгановых:

«В Усольском уезде на реке Зырянке, в Зырянских промыслах, в селе Веретие и в Зырянском погосте, да на горе Григорове два села да сельцо. В селе Веретие три промысла соляных, в тех промыслах 21 труба с разсолами, 40 варниц, 22 амбара соляных; приписных крестьян 16 деревень, 18 починков и пустошь; в них: 421 двор, людей мужского пола кроме церковников 1256 человек, у них пашенной земли 212 четвертей; сенных покосов 19 627 копен»*.

* Шишонко В. Н.. Пермская летопись. – Пермь, 1882. – Вып. V. – С. 216.

Однако уже в 1712 г. Строгановы обращаются к государю, заявляя о невыгодности Зырянских промыслов. Зырянские промыслы вновь переходят в государственное управление, под ведение «особого комиссара». «Особый комиссар» в 1714 г. отправляет донесение, в котором сообщает о бесполезности промыслов для казны, и промыслы возвращаются Строгановым на прежних условиях. Но только в 1750 г., после очередной жалобы на скудность промыслов и разорение, после слушания дела в Правительствующем сенате, именным Его Императорского Величества указом повелено:

«Зырянские промыслы, как баронам Строгановым, так и потомкам их, по силе жалованных грамот, содержать в их вотчинном владении, а положенный за те промыслы в казну безденежный оброк по 100 000 пудов соли снять и выварочную на тех Зырянских промыслах соль, как и с других их собственных соляных промыслов, ставить в казну за деньги»**.

** Там же, с. 179.

Видимо, Строгановы действительно несли убытки, связавшись с Зырянскими соляными промыслами. В 1772 г., после сильного пожара, а также из-за того, что варницы и трубы пришли в ветхость, соледобычу здесь было решено прекратить и солеварение не возобновлять.

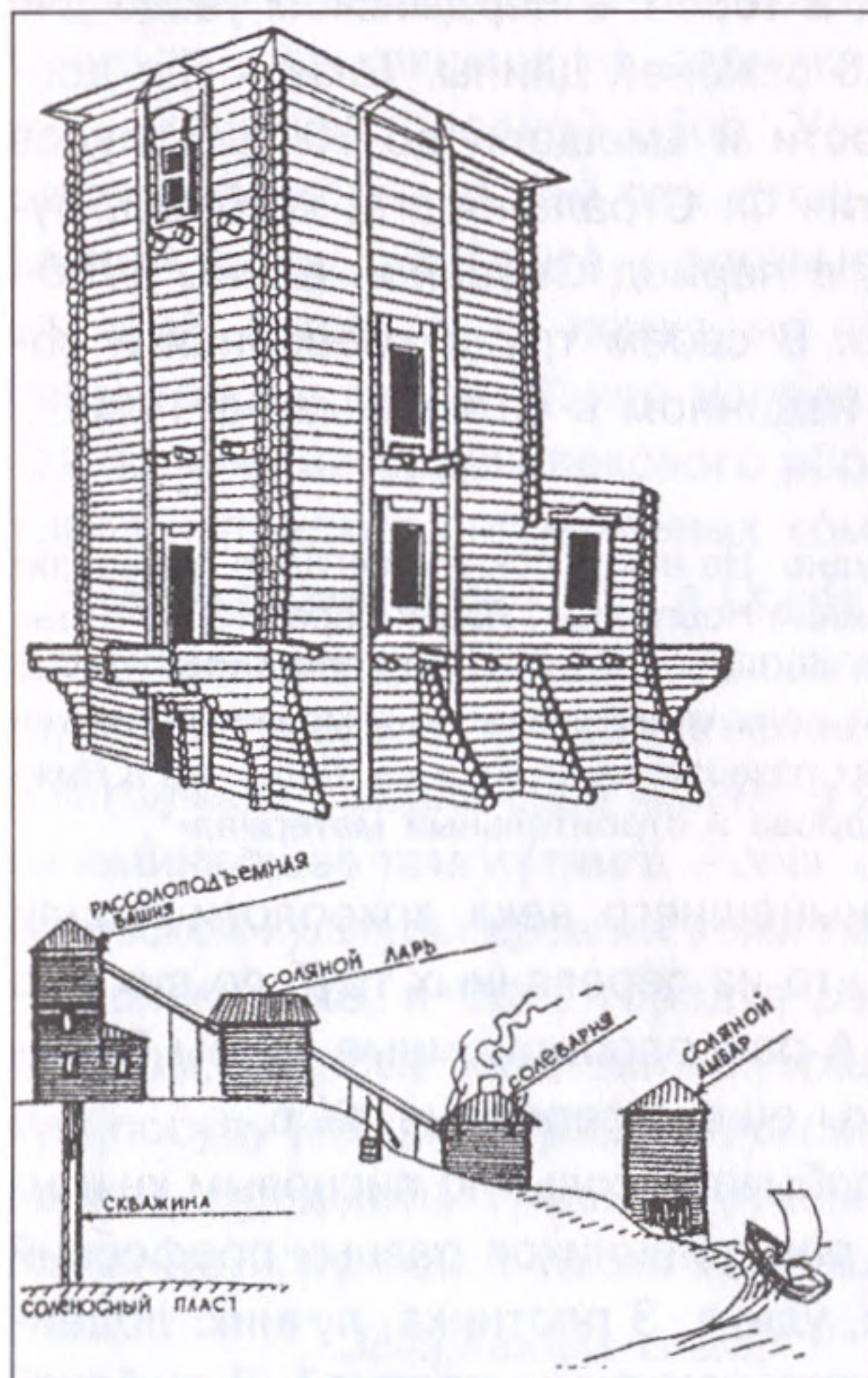
Так закончилась история Зырянских соляных промыслов.

«...Как мера и сердце подскажет...»

СТРОГАНОВСКИЕ МАСТЕРА

Основу экономического могущества Строгановых, как уже говорилось, составила соль. Вообще русская соль долгое время считалась некачественной. Ее добывали из морской и озерной воды, в которой было много примесей, и потому она горчила. Соль, добываемая из рассолов на Урале, была без примесей, ценить ее стали высоко, и она шла не только для удовлетворения собственных нужд – соль стали вывозить за границу. В 1579 г. у Строгановых в одном лишь Орле-городке «у острога» было 13 варниц. В начале XVII в. налоги с соляных промыслов Орла-городка, которые платили Строгановы в казну, составляли почти две трети всех казенных платежей!

Добывали соль следующим образом. После открытия «рассольных мест» производилось тщательное и долговременное устройство рассолоподъемных труб. Подобную работу могли выполнить только опытные и подготовленные «трубочные» мастера. Создание скважины и рассолоподъемной трубы продолжалось очень долго, от 2 до 5 лет, и требовало солидных денежных затрат. По данным историка Б. Я. Розена, стоимость обустройства одной рассолоподъемной трубы в XVII в. доходила до 800 рублей. В пробуренную скважину, достигающую соленосных пластов, ставили деревянную трубу, и по ней тек рассол – водный раствор поваренной соли, который извлекали при помощи деревянных бадей или, реже, ручных насосов.

Рассолоподъемная башня и схема добычи соли
Рис. Н. Б. Крыласовой

Далее рассол попадал в соляной ларь, где раствор отстаивался, грязь и мусор опускались на дно. Очищенный раствор подавался в солеварню. В XVII в. варницы представляли собой четырехстенные сооружения в виде сараев с двумя дверьми и квадратным отверстием на крыше вместо трубы. На середине варницы располагался крупный, сильно углубленный в землю очаг. Над очагом на толстых жердях и железных дугах подвешивали прямоугольные железные сковороды-жаровни – *црены*, или *чрены*. На этих цренах производилась «варь» соляного рассола, которая, в зависимости от его крепости, продолжалась более суток. Из перенасыщенного раствора выпадала соль, ее выгребали и бросали на деревянные настилы – *полати* – для просушки. Готовую соль отправляли в соляные амбары, а оттуда на лодках, ладьях, стругах, насадах и дощаниках развозили по назначению.

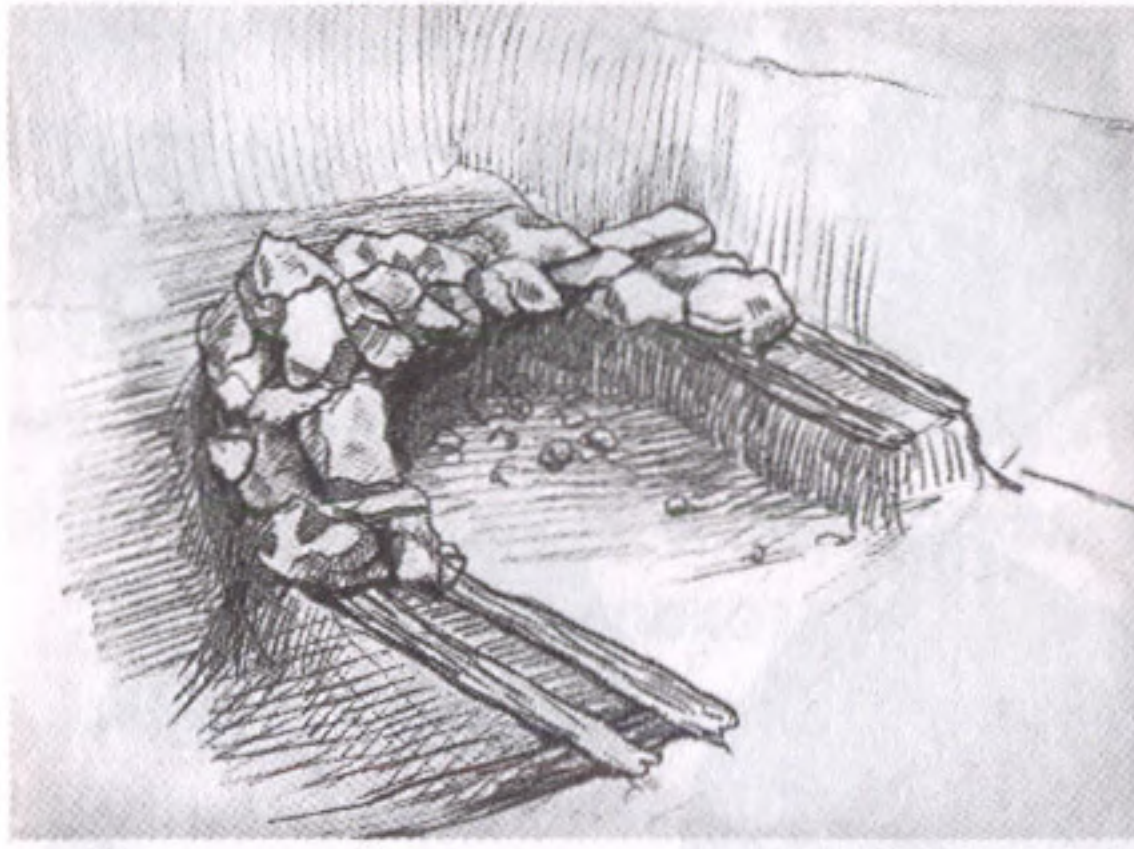
Обычно соль отправляли водным путем в Нижний Новгород. По данным историка Н. В. Устюгова, в 1685 г. в Чердынском уезде для Строгановых делали ладьи 27–35 саженой длины. Такие суда достигали солидной грузоподъемности и вмещали до 80 тыс. пудов соли. Крайне любопытны известия Ф. Страленберга, который, будучи шведским военнопленным, в период Северной войны 1700–1721 гг. проживал в Соликамске. В своем труде «Северная и восточная части Европы и Азия», изданном в Стокгольме в 1730 г., Ф. Страленберг сообщает:

* Цит. по: Идес И., Бранд А. *Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695)*. – М., 1967. – С. 297.

«Ладья – большое плоскодонное судно. На них русские ежегодно перевозят соль из Перми в Нижний Новгород... Ладья берет 130–140 тысяч пудов соли при 400–500 рабочих, управляющих ею. По прибытии в Нижний соль упаковывается в мешки и рогожи и на маленьких судах развозится по России. Ладьи же в Нижнем разбивают на дрова и строительный материал»*.

Когда в конце XX – начале нынешнего века археологи нашли Яйвинский острожек, оказалось, что из деревянных труб до сих пор бьют насыщенные солью ручьи. А рассолоподъемные трубы Орлогородка были видны в воде Камы еще в середине XX в.

Но в Орле-городке не только добывали соль. По писцовым книгам 1579 г., в нем насчитывалось 29 ремесленников разных профессий (не считая солеваров): 3 кузнеца, удник, 3 плотника, лучник, лодейщик, сапожник, кожевник, овчинник, хомутник, портной, 3 рыболова-рыбника, 4 мясника, хлебник, 5 калачников, гусельник да зелейник. В Соликамске в то же время их было только 17. Масштабные археологические исследования, проведенные историком В. А. Обо-

Орел-городок. Остатки кузнечного горна
(по материалам раскопок В. А. Оборина)

риным на месте Орла-городка в середине XX в., еще до его затопления водами Камского водохранилища, дали многочисленные и разнообразные материалы, ярко характеризующие культуру и быт его населения.

Как уже отмечалось, среди обитателей Орла-городка значились и представители коми-пермяцкого населения. На террито-

рии слободы были обнаружены остатки усадьбы ремесленника коми-пермяка. В состав усадьбы входили бревенчатая изба с двускатной крышей, покрытой, как и на жилищах родановской культуры древних коми, берестой, маленькая баня, сарай и хлев. На полу избы археологи нашли скопление синего и белого стеклянного бисера, точно такого, каким коми-пермяки еще в XIX в. украшали *шамшуру* – женский головной убор. Усадьба принадлежала мастеру – резчику по кости, о чем свидетельствуют находки археологов: железный резец, костяные и роговые заготовки, несколько костяных изделий, в том числе ложка, на навершии украшенная изображением головы птицы. Такие изображения встречались при раскопках поселений средневекового аборигенного населения Западного Урала – предков современных коми-пермяков.

Кроме резчиков по кости, в Орле-городке жили коми-пермяцкие гончары. Посуду они делали на гончарном круге, освоив русскую гончарную технику. На днищах сосудов гончары ставили свое клеймо в виде птичьей лапы, напоминающее *тамгу* (*тамга* – знак собственности) родановской культуры древних коми-пермяков.

Конечно же, в Орле-городке работали и русские гончары, которые изготавливали традиционную столовую посуду (горшки, кувшины, сковородки, миски, тарелки), предметы туалета (рукомойники-водолеи), глиняные игрушки, а также изразцы.

Клейма на дне
гончарных сосудов
из Орла-городка

...Затуманила слеза,
соль веков,
изумрудные глаза
изразцов...

А. Вознесенский

Впервые на Урале, благодаря Строгановым, во второй половине XVI в. начинает развиваться производство декоративной керамики – *изразцов*, которые служили для облицовки печей, церквей и жилых зданий. По мнению О. Н. Бадера и В. А. Оборина, Строгановыми в Прикамье были специально приглашены московские мастера – для обустройства резиденции Строгановых в Орле-городке и Нижнем Чусовском городке. Именно здесь археологами обнаружены самые ранние на сегодняшний день изразцы на Урале.

Производство изразцов было сложным и трудоемким процессом, в котором переплетались навыки ремесленника и тонкое видение мира художника. Для изготовления изразцов бралась нежирная глина, в нее добавлялось немного песка. Потом глина «отмучивалась»: из нее при перемешивании удалялись камешки и мусор, ремесленник добивался однородности глиняного теста. Художник изготавливал сложную форму с рельефным рисунком, который в дальнейшем должен был украсить изразец. Форму вырезали из дерева или лепили из глины, а потом обжигали. Затем ее ставили на гончарный круг, закладывали в нее подготовленную глину и, медленно вращая круг, утрамбовывали: на лицевой стороне изразца получалось рельефное изображение. Готовый изразец похож на открытую коробку. Для того чтобы потом можно было крепить его к кирпичной кладке, у коробки делали специальные бортики, которые назывались *румпой*. Полученный изразец сушили на воздухе, а потом обжигали в горне...

Ранние красноглиняные терракотовые изразцы украшались рельефными сюжетными композициями в виде военных сцен из жизни Александра Македонского (в XVI–XVII вв. на Руси был популярен роман «Александрия», приписываемый Калисфену, о походе Алек-

Изразцы Орла-городка

сандра Македонского в Египет; ученые полагают, что именно этот роман мог послужить основой ряда сюжетов русских печных изразцов), птиц, клюющих виноград, коней, барса под пальмой и т. д. Большое количество изразцов из Орле-городка украшено изображением орлов с хищно раскрытыми клювами – тут, по всей видимости, есть связь с названием поселения.

Сюжетные терракотовые красные изразцы найдены в Прикамье только в Орле-городке и Нижнем Чусовском городке, при обследовании предполагаемых хором Строгановых. Именно местоположение красных терракотовых изразцов на самых ранних центральных строгановских поселениях свидетельствует о их датировке концом XVI – началом XVII в. Это подтверждается и монетным материалом. Наряду с сюжетными терракотовыми изразцами археологи непременно находили как в Орле-городке, так и в Нижнем Чусовском городке мелкие серебряные монеты с изображением всадника с обнаженной саблей – «сабляницы». Эти монеты чеканились в период правления Ивана Грозного. Находили также и серебряные копейки времен царя Михаила Федоровича.

По сюжетам строгановские изразцы близки к московским. Мастера, выписанные Строгановыми из центра России, принесли с собой не только приемы и способы изготовления изразцовой продукции, но и основные, популярные в то время сюжеты. Однако очень скоро в Орле-городке и Нижнем Чусовском городке появились собственные школы изготовления изразцов. При этом орлинские и чусовские изразцы стали отличаться друг от друга. Чусовские более тонки и миниатюрны, чем орлинские, среди них преобладает печной обжиг; орлинские же изразцы обжигались в гончарном горне. Орлинские изразцы по сюжетам и технике рисунка наиболее близки к московским XVI в., чусовские – XVII в. Это может свидетельствовать о том, что в Орле-городке изразцовое производство появилось раньше, чем в Чусовских городках.

Позднее, во второй половине XVII в., в Орле-городке и Нижнем Чусовском городке начинает развиваться производство поливных (покрытых специальной краской – *поливой*) многоцветных рельефных изразцов, которые украшались изображениями птиц и цветов. Традиция их изготовления привнесена в Московское государство белорусскими мастерами в середине XVI в. Такие изразцы были более опрятны и эстетически привлекательны, нежели красноглиняные. Их легче содержать в чистоте: печная сажа не въедалась в поры глины, ее можно было легко стереть с глазури.

Технологически изготовление поливного изразца сложнее, чем красноглиняного. Получение одной только поливы требовало больших знаний и умений: мастеру надлежало быть одновременно художником, гончаром и даже химиком-технологом. В исторических источниках второй половины XVII в. человека, который создавал «солнечные плитки», называли «ценинных дел мастером», от немецкого слова *ценина*, означающего *олово*: олово было важнейшим компонентом при изготовлении поливы. Здесь применяли особые рецепты, например такой:

«Как изрядную белую поливу для изразцов делать. Возьми 8 фунтов свинцового пеплу да 4 фунта оловянного пеплу, к которым примешай 6 фунтов намелки истертого венецианского стекла, да две горсти простой соли, и после оные вещи стопи вместе».

Таким образом, для получения поливы брали в равной пропорции олово и свинец, пережигали их в пепел. Получившуюся массу заливали водой, кипятили. Воду несколько раз сливали, удаляя легкие примеси, затем выпаривали. Хорошо просушенный порошок смешивали с поташем и мелко толченым стеклом и спекали в однородную массу, потом вновь толкли в порошок. Для получения различных цветов в порошок добавляли металлические окислы. Получившийся состав вновь разводили водой и разливали на покрываемую поверхность, тщательно следя, чтобы различные цвета не смешивались. Предотвратить смешение цветов можно было только одним способом: увеличивая размер рельефных рисунков. Поэтому на полихромных изразцах практически не встречается мелких деталей, постепенно исчезают привычные сюжетные изразцы, им на смену приходят изразцы с изображением крупного растительного орнамента (сюжетные полихромные изразцы встречаются в Орле-городке, но их не обнаружили в Чусовских городках).

Полихромные изразцы Орла-городка имеют пять цветов: белый, синий, желтый, ярко-зеленый и коричневый. Такие же цвета встречаются на изразцах в Соликамске и других уральских городах. В то же время в Чусовском городке использовался ярко-голубой цвет. Это одна из особенностей чусовских изразцов.

Сложная технология изготовления изразцов, естественно, сказывалась на их стоимости. Высококачественные изразцы и ценились высоко. Это видно из царского указа от 24 октября 1668 г.:

«...По указу Великого государя подряжены ценинных дел мастера Степашка Иванов с товарищи к церковному строению церкви Григорий Неокесарийского сделать две тысячи образцов разных поясовых и ценинных в длину осми вершков и больше и меньше, а попереk семи вершков... А дать им со ста образцов по десяти рублев и наперед сто рублев».

Стоимость 10 изразцов равнялась 1 рублю.

Изразцами облицовывались печи в хоромах Строгановых, в домах строгановских приказчиков и зажиточных ремесленников. Шли изразцы и на облицовку каменных церквей. Крыши своих домов богатые люди покрывали черепицей, украшенной чаще всего зеленой поливой.

Наличие значительного числа изразцовых печей в Орле-городке, Нижнем Чусовском городке и Усолье говорит о зажиточности привилегированного населения, так как в XVII в. за один изразец платили столько же, сколько за полпуда соли. Простым солеварам, имевшим годовой доход от 3 до 4 рублей, конечно, такое роскошное убранство печей было недоступно.

По тому, насколько широко распространены изразцы, можно судить о богатстве уральской вотчины Строгановых. Недалеко от Орла-городка археологами было исследовано небольшое сельское поселение XVII–XVIII вв., также некогда принадлежавшее Строгановым, – так называемое Старое Огурдино. Здесь тоже были найдены красноглиняные и разноцветные изразцы. Значит, не только вотчинники могли позволить себе дорогостоящее оформление печей?

Сейчас ясно, что именно изразцовое производство Орла-городка заложило основу для развития этого ремесла в других городах Западного Урала. В середине XVII в. часть мастеров-«изразечников» переселяется в Соликамск. Появляется изразцовое производство в Кунгуре.

В Орле-городке и Нижнем Чусовском городке, а также в Пыскоре была обнаружена редкая для Урала чернолощенная посуда конца XVI и XVII в., которая производилась в Гончарной слободе Москвы.

В остатках богатых домов строгановских городков археологами найдено много пластин слюды, вставлявшихся в железные оконные переплеты. Окна в домах бедного населения, очевидно, затягивались бычьим пузырем и закрывались ставнями. На территории богатых усадеб обнаружены медные светильники, а в бедных употреблялись обычно железные светцы для укрепления лучины, чаще всего одной. Найдено много мелких украшений: бронзовые бляшки, медные и серебряные перстни, бусы и сережки из стекла или полудрагоценных камней. Часто в строгановских городках археологи находят изделия, выполненные в технике соль-вычегодской (ее еще называют «строгановской») перегородчатой эмали. Обычно подобной эмалью декорировались рукояти ножей, навершия нагаек, а также перстни и кольца.

Население, помимо промышленной добычи соли, занималось и сельским хозяйством. Об этом говорят найденные археологами железные оковки деревянных лопат, мотыги, серпы, косы-горбуши, сечки для рубки капусты. Большое значение в хозяйстве жителей имело разведение домашнего скота, находящегося на стойловом содержании. Во время раскопок археологи обнаруживают много костей домашних животных и птиц, а также остатки хлебов.

Дополнительным промыслом для жителей являлись охота и рыболовство. Рыбу ловили главным образом сетями с глиняными грузилами. В культурном слое Орла-городка и Пыскора обнаруживали кости стерляди, леща, язя, плотвы, сома и, особенно часто, щуки.

Остатки кузниц, судя по современным данным, располагались «для бережения от огня» за пределами посада. Кузницы обслуживали нужды как вотчинного хозяйства Строгановых, так и местного населения. Ковались ножи, косы и серпы, делались гвозди, подковывались лошади. Кузни были практически во всех крупных населенных пунктах Строгановых.

Ремесло строгановских мастеров достигло высочайшего уровня и зачастую поднималось до уровня искусства. Полученные навыки, ремесленные приемы передавались ученикам, ими делились с соседями – все это способствовало расцвету не только уральской вотчины Строгановых, но и других русских уральских городов.

«Сий образ писан слово в слово...»

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ВОТЧИН СТРОГАНОВЫХ

Очень важно выяснить, какую роль в духовной жизни Урала играли пермские вотчины Строгановых.

Владельцы вотчин на протяжении нескольких веков собирали различные исторические раритеты (иконы, книги, предметы прикладного искусства). И сегодня нас поражают коллекции «строгановской иконописи» и «строгановского золотого шитья».

Со времени образования первых городков в пермские вотчины Строгановых проникает новое направление в иконописи, которое

формировалось на основе постоянных и значительных заказов солепромышленников и получило наименование «строгановская школа иконописи». На обширных территориях Урала продолжается процесс христианизации, строятся новые церкви, их необходимо обустроить, икона входит в церковный быт местного и пришлого населения. Иконы могли создавать в Пыскоре, Орле-городке, в Чусовских городках, но основными центрами строгановской иконописи в это время оставались Сольвычегодск и Москва. Изначально мастера иконного письма, вывезенные в Сольвычегодск из Новгорода, берут за образец новгородскую школу иконописи. На иконе начала XVII в. мастера Семена Хромого есть надпись:

«Сий образ писан слово в слово с Чюдотворного образа Знамения Пречистой Богородицы Новгородской. Поставление Никиты Григорьевича Строганова»*.

Затем в качестве примера используются устюжские иконы.

Иконы строгановского письма отражали определенные художественные вкусы Строгановых, о чем свидетельствуют фамильные метки на многих образах. Основными заказчиками были Никита Григорьевич, Максим Яковлевич и позднее Даниил Андреевич. Первые иконы были большого размера, изображаемые на них лики имели удлинённую пропорцию фигур, исследователи отмечают особую «несколько преувеличенную грацию поз и поворотов»**, а также яркость красок. По краскам отличаются иконы строгановской школы от московских: в них нет тусклых оттенков, коричневого цвета. Используются зеленая, розовая, алая краски.

Чуть позднее – в начале XVII в. – появляются иконы небольшого размера. Такие иконы были удобны для применения в маленьких отдаленных церквях и часовнях, в частных домах. Искусствовед М. В. Алпатов в своей «Всеобщей истории искусств» так объясняет изменения, произошедшие в XVII в. в отношении к иконам:

«...Иконопись теряла свой первоначальный смысл. Прежде иконы служили для украшения стен или иконостаса, теперь они были рассчитаны на то, чтобы держать их в руках или рассматривать лежащими на аналое. В прошлом даже самая искусная икона прежде всего имела значение предмета поклонения. Теперь на первый план выступила возможность любоваться тем, как хитро придуман сюжет, как затейливо выписаны подробности, сколько сноровки в передаче деталей проявил тот или иной мастер»***.

* Серебренников Н. Каталог экспонатов в зале № 39 (Иконопись «строгановской школы»). Пермская государственная художественная галерея: Путеводитель. – Вып. 2. – Пермь, б/г. – С. 32.

** Муратов П. Русская живопись до середины XVII в. // Габарь И. Э. История русского искусства. – М., 1911. – Т. VII. – С. 358.

*** Алпатов М. Всеобщая история искусств. – М., 1955. – Т. 3. – С. 281.

Строгановские иконы XVII в. выполнены «мелочным» письмом, они напоминают миниатюру. Иконы украшаются золотом и серебром, драгоценными камнями, закрываются металлическими окладами.

Изображение божества и святых на иконах – прежде всего изображение некоего идеала, свойственного той или иной эпохе. Каков же был идеал человека в строгановской иконописной школе?

«По сравнению с внутренним сосредоточенным образом человека первой половины XVI века, с его спокойными движениями и сдержанными жестами, люди, изображенные этими (строгановскими. – Авт.) мастерами, кажутся суетными и суетливыми... У изображаемых ими людей небольшие головы, тонкий торс, тонкие руки с маленькими кистями и такие же тонкие ноги, согнутые в коленях и едва касающиеся земли. Тело кажется изнеженным и слабым.

** Дмитриев Ю. Н. Строгановская школа живописи // История русского искусства. – Т. 3 – М., 1955. – С. 652-653.*

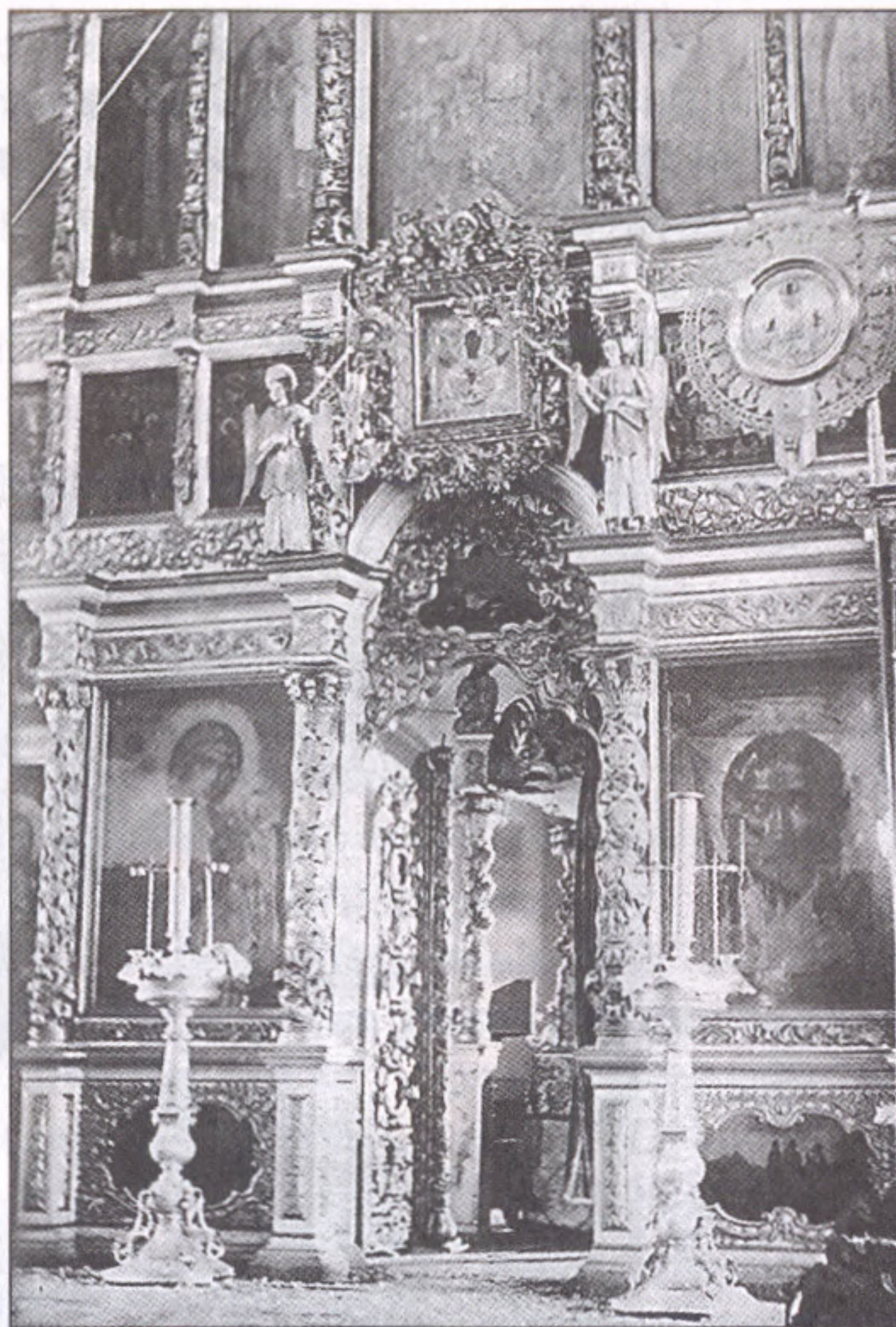
Движения изящны и часто манерны... Люди ходят как бы танцуя. Головы наклонены с особой грацией... Лица стали писать светлыми, придавая им неизвестную прежде бледность, соответствующую тем хрупким телам. Фигуры облекают в богато украшенные одежды...»*.

Основная часть икон пишется в Сольвычегодске. После смерти Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича Строгановы заказывают иконы в Москве, их пишут в Оружейной палате «государевы иконописцы». В первой половине XVII в. иконы строгановской школы пользуются большой популярностью не только в вотчинах Строгановых – их заказывают представители аристократических родов, проживающие в Москве и других русских городах.

В Пермском Прикамье образы строгановского круга собраны в различных населенных пунктах бывших вотчин Строгановых – это села Новое Усолье, Орел, Васильевское и Слудка Ильинского района. Наиболее полная коллекция драгоценной иконописи происходит из убранства церкви Похвалы Богородице (с. Орел). Эти иконы ранее явно находились в одноименном деревянном храме Орла-городка.

Настоящим шедевром строгановской иконописи является образ Богоматери Владимирской с 18 клеймами работы «государева иконописца» Истома Савина. Он выполнен в технике чернения по золоту. Очень выразительны и редки клейма: в них отображены не библейские сюжеты о Богоматери, а яркие исторические сцены о нашествии 1395 г. на Северо-Восточную Русь великого среднеазиатского полководца Тимура (Тамерлана) с изображениями вражеского стана, московского войска и гибели хана. На самом деле Тимур после уничтожения золотоордынского

хана Тохтамыша разрушил Елец и затем неожиданно повернул обратно в степи. Это событие было воспринято как чудо, связанное с перенесением иконы Богородицы Владимирской из Владимира в Москву, что красочно отображено в памятнике средневековой русской литературы «Повесть о Темир Аксаке». По данным искусствоведа О. М. Власовой, существует предположение, что «Владимирская Богоматерь» Истома Савина была создана специально для церкви Похвалы Богородице в Орле-городке и посвящена «победе Строгановых над войском хана Едигея в 1581 году». Однако золотоордынский хан Едигей совершил сокрушительный

Иконостас церкви Похвалы Богородице в пос. Орел
Фото 1946–1948 гг.

набег на Русь в 1408 г. Он осадил Москву и взял с великого князя Василия I значительную дань. Существовал еще один татарский хан Сибирской орды Едигер, современник Строгановых, но он был лоялен Московскому государству и умерщвлен ханом Кучумом в 1563 г., до возникновения Орла-городка. Икона Владимирской Богоматери, скорее всего, посвящена победе Строгановых над отрядом вогульского мурзы Бегбелея Ахтакова, который летом 1581 г. был разбит на р. Чусовой и взят в плен.

Строгановская иконописная школа оказала влияние на развитие других школ: московской, ярославской, сибирской.

С красивейшими образцами строгановской иконописной школы можно познакомиться в залах Пермской художественной галереи. Образцы иконописных шедевров находятся сегодня в Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Сольвычегодском историко-художественном музее. Историк А. А. Введенский описывает иконный фонд Строгановых XVI–XVII вв. в 500 единиц...

* * *

Стоит сказать о роли Строгановых в распространении грамотности на Урале. В клане Строгановых все мужчины были грамотны. Доподлинно известно, что, по крайней мере, была грамотна и Татьяна Никитична, дочь Никиты Григорьевича Строганова: в 1604 г. она поднесла церкви Похвалы Богородице собственноручно подписанное Евангелие.

Рукописные и старопечатные книги из строгановской библиотеки

В XVI–XVII вв. Строгановы обладали крупными для того времени частными библиотеками. Аника Федорович Строганов, судя по описи 1578 г., имел 214 книг (при 85 названиях). Среди них такие раритеты, как первопечатные Евангелия Ивана Федорова и Петра Мстиславца 1569 г. У внука Аники Максима Яковлевича в первой четверти XVII в. было более 300 книг, а в собрании другого внука, Никиты Григорьевича, по описи 1620 г. насчитывалось 357 книг. По данным екатеринбургского историка-архивиста Н. А. Мудровой, если учитывать все книги, которые передавались Н. Г. Строгановым в церкви и монастыри, то число книг в его библиотеке доходило до 500 экземпляров. В церкви и монастыри Строгановы вкладывали книги на помин души усопших родственников:

«Лета 7125 (1616) декабря в 1 день во общей монастырь Боголепного и все-ленского апостола и евангелиста Иоанна Богослова над Камою рекою, на речке Пыскорке, в свое строение положили в дом сию книгу Соборник Максим Яковлевичь да Ондрей да Петро Семеновичи по приказу брата своего Никиты Григорьевича Строганова по его душе в вечный помянок и по всех родителях своих».

Сегодня часть раритетов из этого великолепного книжного собрания хранится в Государственном историческом музее (Москва), Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), Российской государственной библиотеке (Москва). В Березниковском историко-художественном музее имени И. Ф. Коновалова хранится старопечатная книга «Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий апостола Павла», изданная в типографии Киево-Печерской лавры в 1623 г. В ней скорописью, характерной для XVII в., записано о «вкладе» этой книги именитым человеком Григорием Дмитриевичем Строгановым (1656–1715) «в вотчину свою на Орел-городок к церкви владичицы наша Богородицы и присно Девы Марии». В этом же музее хранится и другая редкая книга – «Симеон Полоцкий. Обед душевный», – изданная в Московской типографии в 1681 г. На ней также скорописью XVII в. записано о том, что она была пожертвована в церковь Похвалы Богородице Г. Д. Строгановым.

Были в библиотеке Строгановых и совершенно уникальные книги, такие как знаменитая «Азбука первопечатника Ивана Федорова», изданная во Львове в 1574 г., которая сейчас, к сожалению, хранится в библиотеке Гарвардского университета (США).

В пределах Орла-городка, судя по письменным источникам, находились «церковь строения деревянного соборнея во имя Похвалы Пресвятой Богородице с приделами, церковь Воздвижения Святого Животворящего Креста Господня, церковь Успения Пресвятой Богородицы». В каменной соборной церкви Похвалы Богородице современного поселка Орел, выстроенной в 30-х гг. XVIII в., имеется уникальный резной деревянный золоченый иконостас конца XVIII в., который, по преданию, был перенесен из старого деревянного собора Орла-городка. Этот иконостас выполнен в традициях парадных иконостасов Оружейной палаты Московского Кремля, подтверждением чего могут служить иконы царского изографа И. Максимова.

Со строгановскими вотчинами, а точнее, с Орлом-городком связана первая русская попытка написания светского романа «Повесть о Савве Грудцыне». Роман датируется историками-архивистами 1666–1668 гг. Большая часть действия его происходит в Орле-городке: герой романа Савва Грудцын, отправленный отцом по купеческой надобности в Соликамск, остановился в Орле-городке, где с ним приключается несчастная любовь к замужней женщине. Есть в романе и страшная месть, и колдовские силы, и приворотное зелье, и даже сделка с дьяволом, царство которого находилось не-

подалеку. И хотя, по мнению историка Е. Н. Шумилова, автор никогда не был в Орле-городке, выбор места действия романа весьма примечателен.

Являясь центром духовной культуры Прикамья в XVII в., Орел-городок стал родиной редкого и уникального сборника поучений – «Статира», который является ярким памятником ораторского искусства XVII в. Ныне единственный список этого сборника хранится в Российской государственной библиотеке. По мнению екатеринбургского историка Н. А. Мудровой, «рукопись по праву можно отнести к «золотому фонду» древнерусской письменности». Сборник был составлен священником соборной церкви Похвалы Богородице Орла-городка Потапом Прокофьевым.

Написать это произведение автора «Статира», скорее всего, побудила удручающая окружающая действительность: богатство и роскошь одних, бедность и нищета других. Он видит и обличает алчность, невежество, другие человеческие пороки. Потап Прокофьев был необыкновенно начитанным, эрудированным для того времени человеком. Он использовал для создания своего труда произведения византийских, русских, белорусских и украинских писателей, материалы астрологического, естественно-исторического характера, а также сведения, заимствованные из греческой мифологии. В целом же «Статир» представляет собой исключительно объемный труд, насчитывающий 1624 страницы. По нашему мнению, столь глубокие знания провинциальный автор мог почерпнуть лишь из библиотеки Строгановых, находившейся в то время в Орле-городке.

В 30-х гг. XVII в. составляется так называемая Строгановская Сибирская летопись. Ее полное название – «О взятии сибирской земли, како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси подарова Бог Сибирское государство обладати ему государю и победити Муртазелиева сына Кучума салтана сибирского и сына его царевича Маметкула взяти жива, и како просвети Бог ту сибирскую землю Святым крещением и Святыми Божиими церквами и утверди в ней святительский престол архиепископию». Отдельные главы летописи, большей частью посвященные походу Ермака, описывают историю строгановских поселений на Урале.

Образцы русской духовной культуры, привносимые на Урал Строгановыми, быстро укоренялись и распространялись не только в границах их вотчины, но и за ее пределами. Историки неоднократно

отмечали, что многие культурные новшества, пришедшие на Урал, имели центром своего распространения строгановские городки. Так было вплоть до начала XIX в. Перенос новшеств был стремителен. Один пример. Едва только в Санкт-Петербурге и Москве возникла новая мода на псевдоантичные вещи, они тут же появились во владениях Строгановых. В слоях строгановских поселений начала XIX в. археологи обнаружили новомодные и тогда редкие даже в столицах псевдоантики – геммы – и медные украшения каминов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

План владений Строгановых
на Урале. 1734 г.

СТРОГАНОВСКИЕ ЗЕМЛИ В XVIII В.

«Земные богатства отечеству – себе имя»

СТРОГАНОВЫ В XVIII В.

В 1722 г. Петр I утвердил в Российской империи Герольдмейстерскую контору, и Александр Григорьевич Строганов вместе с двумя другими сыновьями Григория Дмитриевича за заслуги перед отечеством получает баронский титул.

Дворянское звание в свое время было обещано еще Григорию Дмитриевичу: тот активно участвовал в реформах Петра, был пожалован портретом императора, украшенным бриллиантами. Поводом для обращения Александра Григорьевича к Петру I послужила женитьба его на Доминике Васильевне Шереметьевой.

Вместе с титулом Строгановы, как полагается, были пожалованы родовым гербом:

«Щит горизонтально разделенный имеет две части, из которых в верхней в красном поле изображена серебряная медвежья голова с продолговатою шеею, обращенная в правую сторону. В нижней части белый мех, и в оном же щите с правого угла к левому видна золотая волнистая перевязь, имеющая три железа копейных. На щите наложена графам свойственная корона и на ней три увенчанные шлема, украшенные клейнодами*; из них на среднем изображен черный орел с распростертыми крыльями; на крайних: с правой стороны медвежья голова серебряная, а с левой стороны соболя голова черного цвета. Намет на щите красной и золотой, подложен серебром и лазоревым цветом. Щит держат два соболя. Сии соболи, равно и медвежья голова, изображенная в щите и на поверхности шлема, означают, что предки баронов Строгановых способствовали к приобретению Сибири и оказали важные службы и помощь к сохранению городов княжества Пермского»**.

Александр Григорьевич Строганов

* К л е й н о д (от нем. Kleinod – драгоценность) – войсковые знаки отличия и символы власти.

** Цит. по: Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 214.

Начиная со времен Петра, Строгановы все большее внимание уделяют государственной службе, перекладывая дела по соледобыче и торговле на своих управляющих. Алексей Григорьевич, например, добился должности камергера* императорского двора.

* Камергер – придворное звание старшего ранга, стоявшее выше звания камер-юнкера в придворной иерархии. Отличительным знаком камергера был ключ на голубой ленте.

В период правления Анны Иоанновны была попытка притеснить Строгановых (и не последнюю роль в этой попытке сыграл печально известный фаворит Анны Иоанновны – Бирон), перевести их промышленные предприятия в собственность двора, но эта попытка не увенчалась успехом.

В 1761 г. Строгановы стали графами Священной Римской империи (Александр Сергеевич Строганов был одним из самых влиятельных людей своей эпохи: первой его женой была дальняя родственница императрицы Елизаветы Петровны графиня Анна Михайловна, урожденная Воронцова; он был посланником при австрийском дворе, где и получил титул из рук императора Франца I), а в 1798 г. – графами Российской империи (тот же Александр Сергеевич за заслуги перед отечеством получил этот титул уже из рук императора Павла I).

Есть описание гербов графов Строгановых:

Александр Сергеевич Строганов

«Герб первого графа Строганова представляет щит, разделенный горизонтально на две части. В верхней – в красном поле серебряная медвежья голова, обращенная вправо. В нижней части – белый мех, от левого нижнего к верхнему правому углу – диагональная золотая волнистая полоса и на ней два копийных железных наконечника. Посреди герба золотой малый щиток с русским двуглавым орлом, имеющим на груди вензелевое изображение имени Павла I. На гербе графская корона и на ней три серебряных шлема. Нашлемники: средний – графская корона с двуглавым орлом на ней; по бокам дворянские короны, из которых на правой – серебряная медвежья голова, а на левой – голова черного соболя. Намет справа – красный, подложенный серебром, слева – голубой, подложенный золотом. Щитодержатели – черные соболя»**.

* Цит. по: Андреев А. Строгановы. – М., 2000. – С. 217.

**.

Девиз, столь же необходимый дворянам, как и герб, у графов Строгановых звучал на латыни так: «Terram opes patriae – sibi pomem», – что в переводе на русский язык значило: «Земные богатства отечеству – себе имя».

Говоря об Александре Сергеевиче Строганове, нельзя не вспомнить о роли, которую он сыграл не только в политике, но и в развитии культуры Российской империи. Блестяще образованный, он был президентом Академии художеств, главным директором императорских библиотек. Тонкий ценитель искусства, он собрал коллекцию картин известнейших художников, других произведений искусства, собранная им библиотека была одной из крупнейших и ценнейших в Европе.

Как вы помните, строгановские владения на Урале были объединены Григорием Дмитриевичем. После его смерти в 1715 г. имения некоторое время находились под общим управлением сыновей – Александра, Николая и Сергея Григорьевичей. Это продолжалось до 1740 г., когда братья решили разделить московские владения. Раздел пермского имения Строгановых состоялся в 1747 г. По данным историка Е. Д. Харитоновой, к середине XVIII в. солеваренное хозяйство Строгановых переживало упадок, и братья, чтобы поднять производственный уровень соляных промыслов, решили их разделить и каждому «стать ближе к делу».

В части Александра Григорьевича оказались села: в бассейне Камы – Полазненское (ныне пос. Полазна) с Усть-Чусовским приказом, Верхнемуллинское и Нижнемуллинское (ныне оба эти села входят в состав г. Перми), Табарское, Беляевское, Крыловское и Паинское; в бассейне Чусовой – Калининское и Камасинское; по Сылве – Троицкое, Насадское (ныне Насадка), Сергинское, Кишертское; по Косьве – Пермское; по Яйве – Яйвинский острожек «да треть» в Романовском и Булатовском селах; половина в с. Ростесском, что существовало на сибирской Бабиновской дороге, шедшей из Соликамска в Верхотурье.

Николаю Григорьевичу достались села: на Каме – Орел-городок и Усть-Косвинское; по Иньве – Кыласово, Майкор и Купросское; по Обве – Рождественское, Дмитриевское, Усть-Нердвинское, Юрическое, Кокшаровское, Козмодемьяновское, Кызвенское, Зюкайское; треть сел Романовского и Булатовского.

Сергей Григорьевич получил по разделу села: на Каме – Слудское; по Иньве – Кудымкарское, Юсьвинское, Отевское, Верх-Иньвенское и Егвинское; по Обве – Ильинское, Васильевское, Сретенское, Кривецкое; по Косьве – Никулинское; треть сел Романовского и Булатовского; Карагай, Очерский острожек, Дальнедубровское.

Проходил раздел медных и железоделательных заводов с принадлежащими им рудниками. Таманский завод достался Николаю Григорьевичу, Юго-Камский – Александру Григорьевичу, Билимбаевский – Сергею Григорьевичу.

Через два года после этого раздела, в 1749 г., состоится так называемый Соляной раздел строгановских вотчин. Шло перераспределение соляных промыслов – Новоусольских, Ленвенских, Зырянских (вместе они носили название Орловских промыслов) и Чусовских. Для того чтобы соблюсти справедливость при разделе, из труб брались пробы рассола, делались пробные выпарки соли. Расписывались между братьями лесные угодья, сенные покосы, приготовленные дрова и т. д.

В XVIII в. на Урале появляются фамилии новых владельцев: Голицыны, Шаховские, Всеволожские, Лазаревы. Попробуем проследить этапы формирования их имений.

Александр Григорьевич Строганов был женат три раза. Первая его супруга – Татьяна (Доминика) Васильевна, в девичестве Шереметьева; вторая – Елена Васильевна, в девичестве Дмитриева-Мамонова; третья – Марья Артемьевна, в девичестве Загряжская. Сыновей у него не было. После смерти Александра Григорьевича в 1754 г. владелицами его части имения стали три женщины: последняя супруга Марья Артемьевна и дочери Анна и Варвара.

Раздел наследства Александра Григорьевича происходит в 1757 г. Дочери получают по этому разделу по $\frac{3}{7}$ от всей части имения, Марья Артемьевна – $\frac{1}{7}$.

Анна Александровна выходит замуж за князя Михаила Михайловича Голицына, Варвара Александровна – за князя Бориса Григорьевича Шаховского.

1 мая 1771 г. выходец из Персии Лазарь Назарович Лазарев взял в аренду некоторые промыслы и заводы у Строгановых на срок 6 лет за 40 тыс. рублей в год. 20 апреля 1778 г. Иван Лазаревич Лазарев за 450 тыс. рублей покупает Чермозский завод, промыслы и вотчинные владения умершего барона Григория Николаевича Строганова. В 1784 г. он приобретает у баронессы Марьи Артемьевны Строгановой все ее пермское имение за 160 тыс. рублей.

Второй участник раздела 1749 г., барон Николай Григорьевич Строганов, скончался в 1758 г., оставив шесть сыновей и пять дочерей. В 1762–1763 гг. последовал раздел части Николая Григорьевича, причем участниками этого раздела стали только трое старших сыновей: Григорий, Сергей и Александр.

Барон Григорий Николаевич скончался бездетным в 1777 г. Опекунами его имения были назначены брат Александр Николаевич и племянник Александр Сергеевич. Его часть владений, как уже говорилось, в 1778 г. была продана И. Л. Лазареву.

Барон Сергей Николаевич умер в 1772 г. Прямым наследником его части имения был малолетний Александр Сергеевич. В силу малого возраста наследника (ему тогда было около двух лет) опекуном назначили сенатора Всеволода Алексеевича Всеволожского. Очень скоро (в 1773 г.) мать Александра Сергеевича, Наталья Михайловна, всю часть владений Сергея Николаевича за 300 тыс. рублей продает Всеволожскому.

Барон Александр Николаевич Строганов почил в 1789 г., оставив свою часть сыну Григорию.

Третий участник раздела 1749 г., барон Сергей Григорьевич Строганов, скончался в 1756 г. Наследником его имения стал сын Александр Сергеевич. Он и его наследники сумели сохранить доставшуюся им часть бывшего огромного пермского имения.

Таким образом, в XVIII в. пермское владение Строгановых дробится и уменьшается, частично переходя во владения других знатных фамилий. Обратные процессы пойдут в следующем, XIX веке.

*«...Погост Обва на реке Обве,
а в нем церковь священного Ильи»*

СЕЛО ИЛЬИНСКОЕ — НОВЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР УРАЛЬСКОЙ ВОТЧИНЫ СТРОГАНОВЫХ

Первое упоминание о будущем селе Ильинском – погосте Обва – мы находим в переписной книге Ивана Яхонтова 1579 г. Это был небольшой административный центр округа, в котором проживало 14 крестьян мужского пола. На погосте была выстроена деревянная церковь, освященная во имя пророка Ильи, находилось

кладбище*. По имени церкви пошло название Ильинское, закрепившееся впоследствии за селом.

Остатки древнего кладбища, расположенного в центральной части современного поселка Ильинского, в 1994 г. были случайно обнаружены при строительстве жилого дома и обследованы археологами. Исследователи столкнулись с удивительным фактом: оказывается, в XVI–XVII вв. среди населения Обвинского погоста, принявшего христианство, были сильны еще языческие верования.

Захороненные люди были христианами: в погребениях находили бронзовые нательные кресты. В то же время сама ориентация ряда могил не была христианской: вместо четкого положения умершего головой на запад археологи увидели могилы, ориентированные по разным сторонам света. Обнаружено погребение одной головы, без тела. Все это свидетельствует о том, что у населения Обвинского погоста и ближайшей округи сильны были еще дохристианские традиции. Подобное явление не отмечено на близком по времени существованию Пыскорском могильнике. Это понятно: если Пыскорский могильник находился на территории одного из крупнейших православных монастырей, в котором, естественно, соблюдались все обряды и традиции, то Обвинский был затерян в малоосвоенных землях, где плотность русского населения была сравнительно небольшой и не было крупных христианских религиозных центров.

Погост Обва входил в состав поселения Отхожий Стан Чердынского уезда. Вот как описывает историк А. Дмитриев ситуацию в Отхожем Стане в XVI в.:

«В Отхожем Стане – 3 погоста, 20 деревень, 3 починка, а в них 178 дворов, а в них 232 человека. Стан с коренным пермяцким населением, среди которого в XVI в. лишь кое-где разбросаны были, как острова в море, русские деревни и починки. Видимо, русская колонизация здесь только начиналась»**.

* Можно заметить, что в современном русском языке слово «погост» является синонимом слова «кладбище». В XVI–XVII вв. значение слова было несколько шире: оно указывало на небольшой населенный пункт с церковью и, естественно, с кладбищем, объединяющий в церковную общину близлежащие деревни и починки.

** Дмитриев А. *Пермская старина*. – Пермь, 1881. – Вып. 1. – С. 107.

По переписи М. Кайсарова (1624 г.), в округе Ильинского погоста значатся деревни Ушакова, Пепеляева, Нердва, Звягина и 2 починка – Тупицын и Горелук. Всего в то время в Ильинском погосте со всеми деревнями и починками было 108 дворов, в них проживало 183 человека мужского пола. В самом же Ильинском значилось 37 дворов пашенных крестьян, 1 беспашенного, 4 бобыльских, 4 нищенских келий и 2 пустых двора. Была кузня, а на р. Масляне, что и сейчас впадает в Обвинский залив на окраине села, указана мельница. В Иль-

инской церкви находились иконы в серебряных окладах, книги Священного Писания*.

В районе Обвы не было выходов соляных рассолов, однако здесь было нечто, способное привлечь население, а именно относительно плодородная земля. Если большинство освоенных земель Прикамья назывались в различных документах XVI–XVII вв. «худыми», то земли Обвинского поречья в тех же документах относили к «средним», «хорошим» и «добрым». В 1639 г. жители Чердыни писали об обвинцах:

«А в сошном де письме они (обвинцы. – Авт.) перед нами, чердынцами, живут в великой льготе, потому к ним на Обву... крестьяне селятся многие, и пашни у них великие, и место теплое, и земли родимые, и хлеб, и мед, и хмель у них родится во всякие годы. А у них де (чердынцев. – Авт.) ... место подкаменное студеное, хлеб не родится, побивает мороз по всякие годы»**.

* Шшонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1887. – Вып II. – С. 244.

** Цит. по.: Вологдин А. Село Ильинское Пермского округа // Пермский краеведческий сборник. – Вып. 2. – Пермь, 1926. – С. 68.

На Обву переселяется народ, население погоста увеличивается.

В 1640 г. обвинские земли отходят к Соликамску, который после открытия Бабиновской дороги, проходящей через этот город и Верхотурье в Сибирь, становится не только крупным солепромышленным, но и крупным транзитным центром. Значение его растет, в то время как значение Чердыни падает, и поэтому новое административное деление, по которому увеличивается количество земель, подчиненных Соликамску, было вполне логичным.

А округ Ильинского погоста продолжает расти. К концу XVII в. район Обвы становится плотно заселенным и освоенным: по темпам заселения этот район можно сравнить только с Кунгурским уездом. В Обвинское поречье стекается народ из Чердыни, Кай-городка, Соликамска, Великого Устюга, Сольвычегодска, Вятки, Тотьмы.

Пророко-Ильинская церковь в с. Ильинском
Фото начала XX в.

Естественно стремление Строгановых включить в свои владения столь перспективные земли. Кунгурский уезд был для них недоступен: он был уже освоен государством, – а вот за земли Обвинского поречья стоило побороться.

В 1702 г. государь Петр Алексеевич пишет именной указ, по которому за Григорием Дмитриевичем Строгановым утверждаются «пожалованные по Обве, Иньве и Косьве» погосты, в том числе и Обвинский.

В 1715 г. была составлена «Ландратская книга», в которой есть описание с. Ильинского. В селе находились 47 крестьянских жилых дворов и 37 пустых. Проживало в них взрослых 251 человек, детей – 161.

В том же 1715 г. умер Григорий Дмитриевич. Некоторое время Ильинское было в совместном управлении Александра, Николая и Сергея Строгановых, но после раздела 1747 г. оно отходит барону Сергею Григорьевичу Строганову.

В мае 1771 г. Новоусольские соляные промыслы Александр Сергеевич Строганов отдает в аренду дворянину Лазареву. В том же году он переносит административный центр имения в Ильинское. Ильинское становится новой столицей уральских имений Строгановых. Здесь обосновывается Главное правление имений, получавшее распоряжения из Главной Санкт-Петербургской конторы. В 1775 г. завершается строительство каменной Пророко-Ильинской церкви. Главноуправляющим имением становится Я. М. Волегов, предок историка строгановских вотчин Ф. А. Волегова.

«...А рассолы стали бедны...»

ЧУСОВСКИЕ ГОРОДКИ В XVIII В.

После раздела 1747 г. Чусовские соляные промыслы остались в общем владении. В Нижнем Чусовском городке с деревнями в то время проживало 1318 человек, в Верхнем с деревнями и починками – 1864 человека. По разделу 1749 г., в управлении Сергея Григорьевича Строганова в Чусовских промыслах было 48 слуг и 1048 мастеровых и крестьян. Кто владел остальными и

в какой пропорции – по документам неясно. Известно, что к 1763 г. семь труб Чусовских соляных промыслов находились в общем владении Строгановых.

В 1773 г. часть Чусовских промыслов, принадлежащая по завещанию сыну Николая Григорьевича Сергею Николаевичу, была продана сенатору Всеволожскому. Часть другого сына – Григория Николаевича – после смерти последнего перешла промышленнику Лазареву. Так к концу XVIII в. Чусовские городки оказались во владении Строгановых, Лазаревых, Всеволожских, Шуваловых и Голицыных.

Соляные промыслы в Чусовских городках продолжают существовать весь XVIII век, но их производительность постепенно сокращается. В 1703 г. «десятью варницами соль варили без простоя» и было выварено не менее 180 360 пудов соли; но уже в 1729 г. произведено всего 81 776 пудов.

А вот строки из данных за 1761 г.:

«Ныне же в Нижнем городке, по нынешнему соли уменьшению, выварка не производится; в Верхнем городке Чусовские рассолы пред Новоусольских гораздо плоше, – что ради и соль в выварке выходит не суточная, но в полторы и в двои сутки, с немалым уменьшением числа варниц не великую пропорцию соли вываривают, ибо в год более 20 тысяч пудов в обоих городках не вываривалось»*.

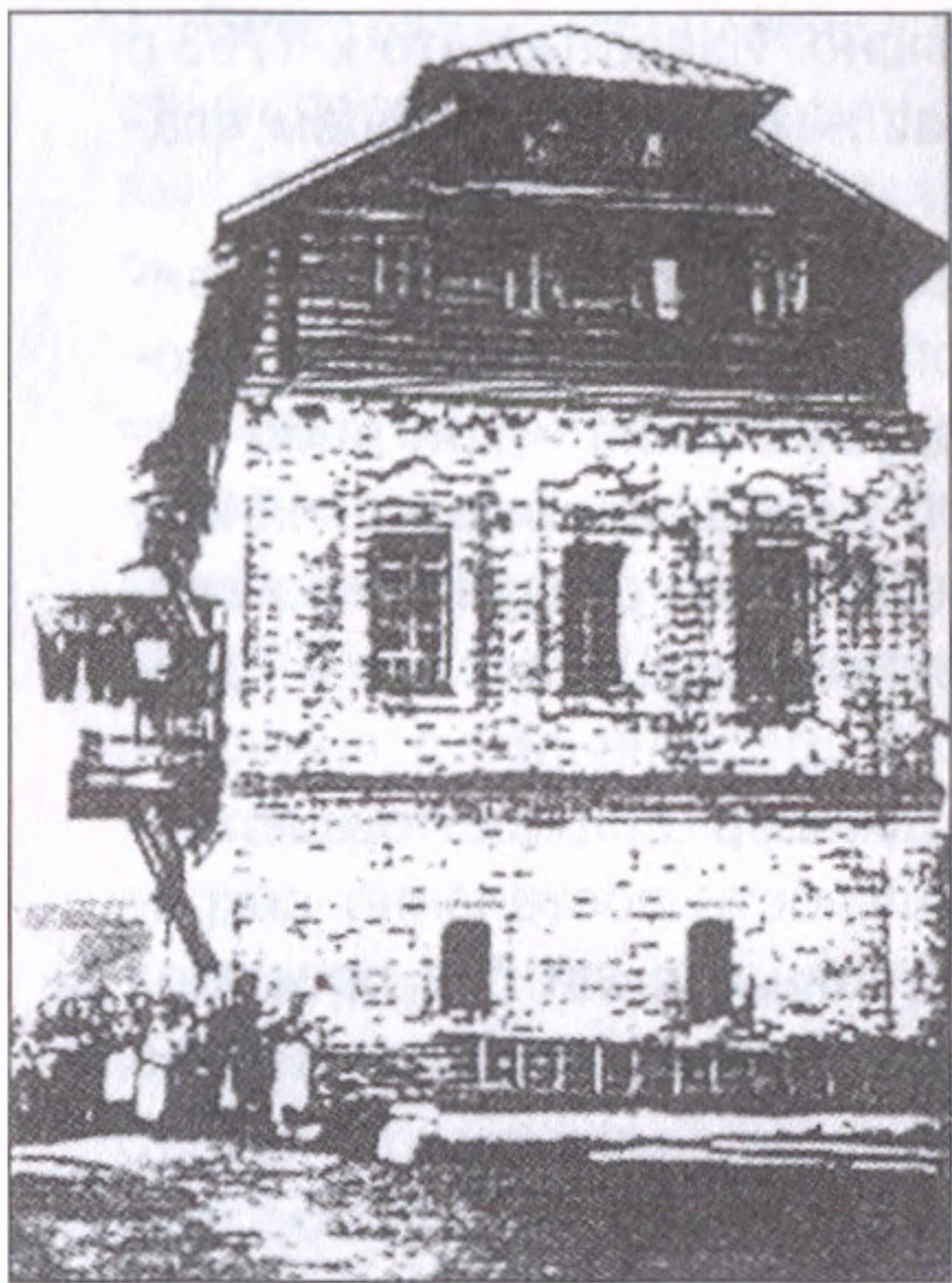
* *Шшонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1882. – Вып II. – С. 65.*

Чусовские соляные промыслы стали постепенно закрываться и к 1783 г. были брошены вовсе. Однако рассолоподъемные трубы продолжали существовать. Один из авторов этой книги, проводя археологическую разведку в районе Чусовских городков в 1994 г., беседовал со старожилами. Ему рассказали, что еще в годы Великой Отечественной войны, когда соль вошла в ряд дефицитных товаров, ее выпаривали из местных рассолов кустарным способом.

Причины затухания Чусовских промыслов понятны: это, прежде всего, падение содержания соли в водных рассолах, затем износ оборудования, вырубка леса, в связи с чем повысилась цена на дрова, и, наконец, общее падение цены на соль в России.

После того как начали закрываться соляные промыслы, стало уменьшаться население городков. Мастерские, рабочие промыслов уходили в те места, где могли применить свои знания, навыки и опыт.

При археологических раскопках, проводимых пермским археологом В. А. Обориным в Нижнем Чусовском городке, были вскрыты остатки усадьбы Строгановых. Вот как описывает раскопанное сооружение сам ученый:

Каменные палаты Строгановых в Нижнем Чусовском городке
Фото конца XIX в.

«В Нижнем Чусовском городке в центре площадки кремля раскопаны остатки большой жилой постройки XVIII века. Фундамент ее был сложен из каменных плит, а поверх его находилась кирпичная кладка... На фундамент был поставлен сруб из толстых бревен. Сохранились доски полового настила и развал изразцовой печи с красноглиняными и полихромными изразцами... В постройке найдена чернолощенная московская керамика, бронзовые украшения. Вероятно, это строение входило в состав хором Строгановых»*.

Деревянная усадьба не удовлетворяла запросам Строгановых, и в 1724 г. в Нижнем Чусовском городке строятся каменные палаты. Они просуществовали до середины XX в. Приведем описание Строгановских палат, составленное В. Н. Шишонко в конце XIX в.:

«К числу уцелевших от времени в Чусовском городке древностей еще относится каменный дом, который, судя по преданию, был построен во время существования солеваренных промыслов одного из братьев Строгановых, управлявшим тем промыслом. Дом этот находится на берегу реки на видном и сухом месте села; сооружен он из кирпича в два этажа, самой простой архитектуры; окон в нем соразмерно величине здания мало и все они очень длинные

* Оборин В. А. *Культура и быт городских поселений Урала XVI–XVIII веков (по археологическим данным)* // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. – Пермь, 1995. – С. 22.

** Шишонко В. Н. *Пермская летопись*. – Пермь, 1884. – Вып. IV. – С. 600.

и узкие; комнаты в доме 5: 3 в верхнем этаже и 2 – в нижнем. Здание это еще так прочно, что время не коснулось его ни с одной стороны своим разрушительным действием. Верхний этаж, как передают жители, был занят вотчинником Строгановым, а в нижнем помещалась его контора. Со времени закрытия Чусовских промыслов... дом же тот оставался более пустым и без всякого назначения и применения. Ныне он находится в распоряжении одного из крестьян и служит временным приютом на случай прибытия богомольцев в церковный праздник 12 сентября**.

В 1742 г. в Нижнем Чусовском городке строится каменная церковь в честь Богоявления Господня и Святых апостолов Петра и Павла, которая, судя по сохранившимся изображениям, напоминала орлинский храм Похвалы Богородице. Строительство ее затягивается на несколько лет. В 1760 г. проходит освящение теплого придела; в 1765 г. в церкви устанавливается вновь писанный иконостас. Мы знаем его автора: на иконе Богоявления Господня сохранилась надпись: «1765 года написал Иван Казаринов во весь ико-

Верхний Чусовской городок. Фото начала XX в.

ностас». Несколько работ этого художника находятся в фондах Пермской художественной галереи. Сама церковь просуществовала до затопления Нижнего Чусовского городка водами Камского водохранилища и была безжалостно взорвана во время его строительства.

В 1773 г. в Верхнем Чусовском городке строится каменная церковь во имя Рождества Христова, с колокольной и пятью куполами. В 1927 г. она будет закрыта, превращена в клуб, а потом и вовсе разрушена.

Материалы о Чусовских городках XVIII в. скудны. В основном это документы, связанные с существованием соляных промыслов. В 1748 г. в Верхнем Чусовском городке вспыхнул пожар, в котором сгорел архив строгановских документов. Есть сведения, что в пожаре погибли уникальные грамоты о походе Ермака в Сибирь.

*«В знак усердия к Богу
и в благодарность государю...»*

КАМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В УСОЛЬЕ

По описи 1715 г. имения Григория Дмитриевича Строганова можно узнать, что к этому времени представляло собой с. Новое Усолье:

«Село Новое Усолье. В нем церковь деревянная во имя Казанской Пресвятой Богородицы, а при ней 2 священника, диакон и 4 причетника. Два соляные промыслы, верхний и нижний, в коих варниц действующих 35, да пустых 8; итого 43. Вотченников скотный двор. Таможенного и питейного сборов голова. По заморским отпускам купеческих товаров приказчик. Дворов вотченников 7, в них домовых людей муж. 62, жен. 57, итого 119. Дворов и изб варничных 170; в них людей муж. 370, жен. 361, итого 731. А всего в Новом Усолье с деревнею Каменем дворов и изб церковничьих, вотченниковых, крестьянских и варничных работников 327, а жителей обоего полу 1635 душ»*.

* *Шишонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1889. – Вып V. – С. 589–590.*

Описание это, скорее всего, неполное: в нем, например, не сообщается о каменной часовне Спаса Убруса и, возможно, не говорится о других деревянных церквях Нового Усоляя.

Первая половина XVIII в. – эпоха бурного строительства каменных зданий во всей Российской империи. Строится Санкт-Петербург, отстраивается Москва, традиции каменного строительства зарождаются на окраинах, в том числе на Урале и в Сибири.

В это время закладывается неповторимый архитектурный ансамбль Усоляя.

Каменное строительство в Усолье начинает разворачиваться тогда, когда строится Санкт-Петербург. Петр, стараясь привлечь для постройки новой столицы все ресурсы (в том числе и людские), указом запрещает каменное строительство на всей территории России. Поэтому новые каменные здания появляются в Усолье лишь после смерти Петра.

Позднее, уже в XIX в., появится поговорка: «Усолье-град – Петербургу брат». Многие будут отмечать некое сходство, существующее в облике новой столицы Российской империи и строгановского вотчинного села. Основы этого сходства были заложены как природой, так и талантом архитекторов и каменщиков.

Торговые ряды и часовня Спаса Убруса. Фото 2003 г.

Усолье, как и Санкт-Петербург, строилось «на болоте», в местности, изрезанной естественными водными протоками, у широкой реки. Вероятно, его строители взяли за образец многие архитектурные приемы, использованные в столице. Размещение домов вдоль проток – «каналов», общая планировка и застройка создают ощущение некой общности между двумя такими разными на первый взгляд населенными пунктами.

Вы помните, что первым каменным зданием в Усолье, построенным еще в XVII в., была часовня Спаса Убруса. В 1724–1731 гг. недалеко от этой часовни строится каменный Спасо-Преображенский собор, а чуть ниже по течению Камы – каменные Строгановские палаты (1724).

В. Н. Шишонко в «Пермской летописи» приводит извлечение из «Летописи о церквях села Нового Усолья»:

«Именитые гг. Александр, Николай и Сергей Григорьевичи Строгановы, отдаленные предки нынешних усольских владельцев, в 1722 г. императором Петром были пожалованы в бароны. В знак усердия к Богу и в благодарность к государю они дали обещание соорудить три святые храма: Александр – в Великом Устюге, Николай – в Нижнем Новгороде и Сергей – в Пермских вотчинах.

Во исполнение данного обещания, в 1724 г. иждивением барона Сергея Грча Строганова основана в селе Новом Усолье каменная церковь с фигурными вырезками и колоннами... неподалеку от старой каменной и теперь существующей часовни на берегу Камы.

Первоначально в сей церкви отстроен был зимний придел и по окончании

оного во всех его частях в 1727 г., в понедельник января 15 дня, в память преподобных отец наших Павла Фивейского и Иоанна Кущника и в честь Казанской иконы Божьей Матери освящен преосвященным Алексеем, епископом вятским и великопермским. Летний же храм во имя Нерукотворного Спаса образа окончен постройкою уже в седьмой год после основания, т. е. в 1731. Первая колокольня при сей церкви устроена была временно на четырех толстых столбах против церковной паперти с западной стороны; на ней повешаны были колокола и производился благовест. А в 1730 г. начата строением на полдневой стороне храма каменная колокольня, которая и теперь существует.

* Шишонко В. Н. *Пермская летопись*. – Пермь, 1887. – Вып. V. – С. 180.

Эту колокольню строили по подряду соликамские каменщики Рязанцев, Котельников и Кожин с товарищами и за сию с основания кладку взяли 120 рублей»*.

После пожара, случившегося в 1737 г., церковь была восстановлена. С 1752 г. она стала именоваться собором: по прошению Александра, Николая и Сергея Григорьевичей Строгановых существовавший в Орле-городке собор был закрыт, и преосвященный Антоний велел перенести его функции в Преображенский собор.

В 1763 г. иждивением управителя Григория Цывилина был сооружен и освящен 24 июня в честь Крестителя Иоанна новый придел к каменному храму. При этом у епископа Вятского и Великопермского Амвросия было испрошено разрешение устраивать 24 июня ежегодно крестный ход. Крестный ход в этот день проводился вплоть до революции 1917 г.

Спaso-Преображенский собор и колокольня в Усолье. Фото начала XX в.

Спасо-Преображенский собор Усоля начал реставрироваться в конце XX в., и теперь уже каждый может оценить по достоинству его красоту. Пять голубых куполов, расписанных золотыми звездами, тянутся к небу. Удивительного изящества фигурные вырезки украшают его стены и окна. Некоторые колонны храма вырезаны в виде виноградных лоз. Стены и своды собора были расписаны во второй половине XIX в. местным художником И. С. Доценниковым.

Несомненно, центром архитектурного ансамбля Усоля является 46-метровая колокольня. В свое время она пострадала от пожара, и ее внешний вид изменился. Раньше колокольня венчалась шпилем. Сейчас она увенчана маковкой из листового железа. Колокольня находится в аварийном состоянии, стены ее выветрены, и каждый может заметить, что она не устремлена вертикально вверх, а находится под некоторым наклоном в сторону от Преображенского собора.

По поводу этого наклона существует предание, услышанное одним из авторов от усольского историка архитектуры В. А. Цыпуштанова.

Постепенно, с течением времени, колокольня стала угрожающе крениться к храму. Чтобы не дать колокольне упасть и выправить ее, в 1832 г. к ней было пристроено одноэтажное здание торговых рядов, выполняющее в том числе роль своеобразного контрфорса*. Колокольня выправилась, но потом начала крениться в противоположную сторону.

Главное светское здание Нового Усоля – Строгановские палаты (в них сейчас обустраивается Усольский краеведческий музей) – сочетает в своем облике элементы московского барокко и черты, свойственные деревянному уральскому зодчеству XVII в. Верхний, парадный, этаж включал в себя четыре просторные комнаты. Нижний, подклет, использовался для хозяйственных нужд. В нем были устроены склады, кухня, каретная. Для въезда карет были сделаны широкие ворота. Толстые стены здания (до 2 м шириной) создают уникальный микроклимат, позволявший длительное время сохранять пригодными пищевые продукты – рыбу, мясо.

Палаты Строгановых. Фото начала XX в.

* К о н т р ф о р с (от франц. *contreforce* – противодействующая сила) – устой, поперечная стенка, укрепляющая стены сооружения и предотвращающая их падение.

Нижний этаж здания выглядит нарочито упрощенным. Второй этаж выполнен с особым изыском: расположенные отдельными группами, в легкой асимметрии, окна оформлены растительным узором, массивное каменное крыльцо создает ощущение мощи и уверенности.

В. А. Цыпуштанов сумел передать впечатление, которое производит это здание:

«Дом настолько красив и гармоничен, что кажется, будто он звучит. Это застывший аккорд, воплощенный в камне. Но вот вы начинаете смотреть на детали целого, следить за затейливой игрой колонок, карнизов, наличников, и тут оказывается, что каменные «кружева» звучат совсем по-другому – не торжественно, а весело и грациозно. Вот тогда вы и поймете, что это не просто дом, а симфония»*.

** Цыпуштанов В. А. О чем рассказывают памятники // Красное знамя (Усолье). – 1968. – 2 марта.*

Интересна предыстория создания этого уникального памятника, реконструированная уже на основе археологических источников. В 90-х гг. XX в. археологи Пермского государственного университета проводили раскопки в г. Усолье. В ходе работ были обнаружены остатки крупной богатой усадьбы между двумя памятниками усольской архитектуры – палатами Строгановых и домом Абамелек-Лазаревых. Раскопки показали, что дом стоял на высоком подклете и был двухэтажным. В доме располагалась печь, богато украшенная полихромными изразцами второй половины XVIII в. с изображениями растений и птиц. Под печью археологи нашли остатки подпола, а там – фрагменты сундука с металлическими оковками, корзин, деревянных туесов и бочонков. В одном из туесов найдены пластинки слюды трапециевидной формы, которые вставлялись в своеобразные решетки – *окончины*. Археологи неожиданно обнаружили в пределах усадьбы куски зеленоватого оконного стекла, такие же трапециевидные, как слюдяные пластинки. Видимо, нижний этаж здания имел слюдяные окна, а в верхнем, где располагалась хозяйская горница, окна были застеклены. На сегодняшний день это самая ранняя на Урале находка оконного стекла. Позволить себе застекленные окна в жилом здании мог только очень обеспеченный и влиятельный человек, каким в начале XVIII в. и был Г. Д. Строганов. О богатстве хозяина свидетельствует не только печь с изразцовым убранством, но и фрагменты декоративной стеклянной посуды.

Интересно, что в пределах здания найдена голландская трубка, которую мог раскуривать сам Григорий Дмитриевич Строганов, часто бывавший на ассамблеях Петра I. Судя по монетному материалу, дом возведен в конце XVII в. и погиб в пожаре 1753 г. Именно из

этого дома Г. Д. Строганов мог давать указание о захвате Ленвенских промыслов у купцов Филатьевых и Шустова.

В Новое Усолье Григорий Дмитриевич прибыл из Орла-городка, видимо, в конце 80-х – начале 90-х гг. XVII в., оставив усадьбу, где стояла *«горница с комнатаю на подклетах и с сенми и с двумя сенными чюланами, каменный дымоволок»*. Постройку каменных палат в 1724 г. завершил сын Григория Дмитриевича Сергей Григорьевич Строганов. Ранней же усольской резиденцией Г. Д. Строганова, в которой он жил до своей смерти, был двор в с. Веретия на р. Зырянке (территория современного города Березники). Вот описание этого двора 1697 г.:

«Хоромное строение горница с перерубом о трех житьях с подклетами... в шести окошках красных шесть окончин слюдных, в волоковых окошках восемь окончин слюдных же, в одной горнице обращатая (изразцовая) печь».

Обретение Усольем современной планировочной структуры началось после пожара 1737 г. Тесная нерегулярная застройка постепенно ликвидировалась, возникали четко разграниченные части села: Посад, Пихтовая слобода, Покча, Капустная слобода, Богомолка, Рубеж. На Посаде находились основные здания строгановского имения – «знатные строения», дальше располагались менее богатые жилища усольских обывателей, затем шли уж совсем бедные избы. Посад тянулся вдоль Камы, все здания фасадами были обращены на реку.

В XVIII в. в Усолье строятся и новые каменные церкви. В 1752 г. в рубежской части была возведена деревянная церковь в честь Владимирской Божьей Матери, но спустя четыре года, 20 февра-

Церковь Владимирской Божьей Матери в Усолье

ля 1756 г. («во вторник на сырной неделе»), она сгорела. На ее месте в 1757 г. «заложена по благославлению Ионы епископа вятского и великопермского, каменная церковь, которая и построена иждиве-

* Шишонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1887. – Вып. V. – С. 181.

нием... приказчиков Дьячкова и Коровина»* (мы еще поговорим об этих приказчиках в главе, посвященной пожарам Усолья). Зимний придел Владимирской церкви был освящен 21 января 1760 г. Деревянная колокольня, выстроенная «на столбах против паперти», в 1791 г. была заменена каменной.

XIX век окончательно завершит формирование облика Усолья, небольшого, но удивительно красивого поселения, волнующего и радующего нас до сих пор.

*«...И к вечеру все посадское строение
обращено в пепел...»*

ПОЖАРЫ В УСОЛЬЕ

Пожары в древности случались часто и повсеместно. Практически все города, села, деревни время от времени занимались огнем. Деревянные здания загораются легко, а тушить такой пожар очень трудно. Ветер разносит пламя, превращая в пепелище людские постройки.

На Руси издревле существовало своеобразное «противопожарное» законодательство. Запрещалось баловаться с огнем, лучинное и свечное освещение устраивалось специальным образом, предохраняющим от пожара, а иногда и вовсе запрещалось пользоваться огнем кроме как для печи. Но это не всегда помогало.

Как все населенные пункты, где дома были построены из дерева, Усолье неоднократно горело. В документах есть упоминания о пожарах 1649 и 1680 гг., но наиболее полные сведения мы имеем о разрушительных пожарах XVIII и XIX вв.

Первый пожар XVIII в. полыхнул 7 октября 1737 г. «в 10 часу вечера». Церковный сторож по прозвищу Соннуха в своем доме «курил вино», то есть, проще говоря, гнал самогонку. Случились ли какие-то неполадки с аппаратом, или незадачливый хозяин задремал, продегустировав получившийся напиток, но сперва загорелся

его дом, а потом пламя перекинулось на соседние строения. К утру сгорело 700 домов на Посаде, погорело внутреннее убранство Спасо-Преображенской церкви. Именно после этого пожара Усолье стало быстро перестраиваться и избавилось от кучной, пожароопасной застройки.

Второй крупный пожар произошел в 1753 г. «в июне месяце, в Петров пост, когда наступили сильные жары». В этот пожар, видимо, и погибли деревянные хоромы Строгановых, остатки которых были найдены в ходе археологических раскопок.

Проживал в то время в Усолье достаточно зажиточный крестьянин Иван Судейкин. И не поладил он с приказчиками Дьячковым и Коровиным. Неизвестно, что послужило предметом ссоры, только Дьячков и Коровин пытались Ивана Судейкина «притеснять». Но Судейкин был крепок хозяйством, «притеснения» его почти не задевали. Тогда Дьячков и Коровин решили действовать по-другому.

На постое у Судейкина стоял солдат. Дьячков и Коровин сговорили его поджечь дом хозяина, посулив за это 5 рублей. Служивый, не раздумывая, согласился.

Дом Ивана Судейкина был подожжен рано утром. Следом загорелись другие усадьбы, и вскоре пылал весь Посад. Вновь пострадал Спасо-Преображенский собор. Сгорела деревянная Владимирская церковь. А кто будет финансировать строительство каменного Владимирского храма? Все те же Дьячков и Коровин, замазывая свои грехи. Судя по всему, эти горе-приказчики обладали значительными денежными средствами, которые они сумели не только обрести, но и утаить от своих хозяев, сменивших место проживания с Усожья на Санкт-Петербург.

Третий пожар случился 23 апреля 1768 г. Загорелась усадьба посадского жителя Григория Сереброва. Выгорели Свято-Преображенский храм, Посад и Капустная слобода. Обстоятельства этого пожара неведомы.

Спустя семь лет, в 1775 г. 13 июня – «в самый благовест к обедни», – произошел четвертый пожар, последний в XVIII в. Вот что говорится о нем в «Летописи о церквях села Нового Усожья»:

«...Виною... была жена подьячего Недубровского, жившего на квартире у Ботыгина, неосторожно обращавшаяся с головнями. Первоначально загорелся дом Ботыгина, а потом при сильном северном ветре и другие дома, и к вечеру все посадское строение и нижние соляные промыслы, бывшие тогда у гг. Лазаревых на аренде, обращены были в пепел; пострадал и собор от огненной стихии, – тогда большой колокол на колокольне треснул и был дважды переливан»*.

* Шишонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1887. – Вып V. – С. 182.

Любопытно, что в ходе раскопок археолога А. Рублева у часовни Спаса Убруса был найден небольшой осколок колокола, побывавший в пожаре.

Коли речь зашла об усольских пожарах, нельзя не вспомнить еще два, случившихся уже в XIX в.

6 июля 1809 г. произошел пожар, «сильнейший всех прежде бывших и почти всеобщий». Начался он с пьяного развлечения некой вдовы Каменьчихи.

Эта вдова, как гласят документы, в три часа пополудни «пировала да из пистолета стреляла». От выстрелов загорелся сенник, а оттуда при восточном ветре огонь распространился на все Усолье. В результате пожара сгорели Спасо-Преображенская, Владимирская и деревянная Покровская церкви (последняя была выстроена в 1778 г. в Капустной слободе иждивением барона Александра Николаевича Строганова и «старанием управителя его» Ивана Седова). Пострадали верхние соляные промыслы с варницами, соляными и хлебными магазинами, конюшнями, мастерскими и другими строениями. В огне погибло более 1200 домов «обывательского строения». От всего Усолья остались только Пихтовка, Камская слобода и Нижние промыслы.

В документах приводятся суммы убытков, что нанесла поселению веселая вдова:

«...В Спасском каменном соборе и в двух его приделах иконостасов и церковного имущества погорело на 30 000 рублей; церковнослужительских 4 дома на 2105 рублей; в Покровской деревянной церкви церковного имущества на 4950 рублей

* *Шишонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1887. – Вып. V. – С. 183.*

и священноцерковнослужительских домов 3 на 671 рубль. Промыслового и обывательского строения у разных гг. владельцев погорело на 480 993 рубля; а всего на 522 829 рублей»*.

Последний крупный пожар произошел 9–11 мая 1842 г. Огонь пошел гулять по Усолью от дома мастерового Ивана Варанкина. Иван в доме отсутствовал, были там его больная жена и малолетняя дочь. Хозяева дома потом говорили, что пожар мог произойти от свечки, а вероятнее всего – от неисправности печи или трубы. Вот как описывали этот пожар современники:

«При теплой весенней погоде, при усилившемся ветре в 11 часу утра, сделалась жертвой пламени соборная церковь с наружной стороны и колокольня, – сгорели в этот... пожар кресты, главы и шпиль, колоколов растопилось 9, весом 871 пуд, церковных каменных лавок, крытых железом, сгорело 16 и домов священнослужительских 5. Тогда же сгорело множество промысловых строений, соловаренных дров, промыслового провианта, обывательских домов каменных 3 и деревянных 365. Убыток, понесенный Усольем от этого пожара,

** *Там же, с. 184–185.*

исчислен в 1 762 102 рубля 77 копеек. В этой цифре не заключается убыток, понесенный собором»**.

Интересно, что в этом же году катастрофический пожар возник в губернском центре Перми, в результате чего почти весь город выгорел.

Березниковский историк В. В. Шилов отыскал в Государственном архиве Пермской области документы, в которых Ф. А. Волегов как очевидец описывает усольский пожар 1842 г.:

«Жители едва успевали выбираться из своих домов. Теснота строений была страшная, усольцы пытались ломать соседние дома, но не успевали, пламя охватило почти все Усолье, и пожар кончился только на третий день к вечеру... В тушении пожара участвовало не менее 2000 человек с 15 пожарными машинами... Пьянство черни во время этого несчастья было непомерное, или лучше сказать – отчаянное: вместо того, чтобы тушить пожар, мужики пошли на кабаки и занялись не пожаром, а пьянством... Сами управители и приказчики являлись не распорядителями, а работниками; сами качали машины с помощью слуг, а мужики между тем пили вино и кричали: за здоровье Степана Павловича (винного управляющего)!.. Самому мне случилось быть очевидцем, как мужики, сбегавшиеся к кабаку, кричали: когда ты, наша радость, загорись? Уж мы бы тебе помогли! И когда радость их загорала, то менее пяти минут прошло, как все штофы и косушки были растащены и выпиты – за здоровье Степана Павловича... При этом несчастном происшествии не обошлось без воровства: много было жалоб и слез от погоревших Усольцев на окрестных жителей и особенно на Дедюхинцев и Пыскорцев... Людей погибло 4 человека, в том числе 3 мужчины сгорели от вина и одну женщину убило бревном. Да через месяц после пожара найдено мертвое тело неизвестного человека на лугах ниже Усоля. Полагать можно, что это был утопший из числа опившихся вином во время пожара... Повиновение к начальству исчезло: на всякое приказание пьяный мужик отвечал грубостью. Прошла тревога – мужики проспались и явились на работу по-прежнему смирны и послушны»*.

По словам винного управляющего Степана Павловича, во время пожара из его запасов было выпито вина, спирта и водки 8 бочек и 13 тыс. штофов и полуштофов**. Вот уж воистину погуляли усольцы!

* Цит. по: Шилов В. Рассказы по истории для молодежи Верхнекамья. – Березники, 2000. – С. 38–40.

** Там же, с. 39.

Как видим, причины пожаров в Усолье были самыми разнообразными, в том числе и такими, которые не делают чести жителям этого вотчинного села. Но здесь, наверное, нужно обращать внимание не столько на причины пожаров – в конце концов в каждом стаде найдется дурная овца, – а на то, с каким упорством, сноровкой и мастерством усольцы вновь и вновь отстраивали свое село.

«Открылась ложбина, и там небольшое село с каменной небольшой церковью...»

ОРЕЛ В XVIII в. КАМЕННАЯ ЦЕРКОВЬ ПОХВАЛЫ БОГОРОДИЦЕ

Вид на пос. Орел со стороны Камы

«Село Орел-городок, главное селение Орлинского присуда и в древности местопребывание гг. владельцев Строгановых, – при реке Каме. В нем три церкви деревянные: 1-я соборная, во имя Похвалы Пресвятой Богородице, с приделами; 2-я во имя Воздвижения св. Животворящего Креста Господня и 3-я во имя Успения Пресвятой Богородицы. Дворов поповых и причетников 21. В них людей: протопопов 1, священников 3, причетников и их собственных и работников мужчин 71, женщин 87; итого 158. Вотченников дворов 3, изб 2; в них людей мужского полу 72, женского – 70, итого 142.

* *Шишонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1889. – Вып. V. – С. 589.*

Всего в селе Орле-городке и принадлежащих к оному деревнях церковничьих, вотченниковых, крестьянских и других дворов и изб 197, а в них жителей обоего полу 1466»*.

Ясно, что в «Ландратской переписи» 1715 г., откуда приведен этот отрывок, значится **старый, угасающий** Орел-городок. В ней же указывается, что к 1715 г. все церкви были перенесены на новое место.

После переноса основных строений Орла-городка на противоположный берег Камы, после основания нового поселка Орел было решено выстроить в нем и новый храм. Это считалось даже не

строительством – *переносом*, – хотя прежняя церковь была деревянная, а возводить было решено каменную.

Церковь была построена к 1735 г. и освящена в честь Похвалы Пресвятой Богородице. Она действует и по сей день. От церковной ограды открывается вид на полузатопленные острова – все, что осталось от того места, на котором некогда был основан древний Орел-городок.

Церковь одноглавая, украшенная *лекальным** и простым кирпичом. Первоначально состояла из алтаря, центральной части, трапезной и притвора с деревянной колокольней. Затем, в конце 30-х гг. XVIII в., внутри трапезной был построен придел Александра Невского. Выстроена церковь в канонах русского барокко. На четверике стоит несколько удлиненный с востока на запад восьмерик, увенчанный куполом и небольшим барабаном-восьмериком тоже с куполом и небольшим барабаном. Удлиненная трапезная соединяет основной объем храма с колокольней. Каменная колокольня, которая и сейчас украшает церковь, была построена уже в XIX в. в стиле классицизма. Колокольня завершается башенкой на граненом куполе (такой же купол украшает и саму церковь), фонариком и шпилем.

По поводу иконостаса церкви Похвалы Богородице среди исследователей существуют два мнения. Одни считают, что он был выполнен специально для новой каменной церкви в XVIII в., другие – среди них искусствовед В. А. Цыпуштанов – полагают, что его создавали мастера-резчики Оружейной палаты Московского Кремля в конце XVII в. еще для деревянной церкви. Многоярусный, со всеми чинами, украшенный великолепной деревянной резьбой и скульптурой, иконостас весьма красив и примечателен.

Церковь Похвалы Богородице в пос. Орел

* *Л е к а л ь н ы й* кирпич применялся для создания декоративных украшений, имеет форму, отличную от прямоугольной.

Некоторые из икон церкви Похвалы Богородице можно сейчас увидеть в собрании Пермской художественной галереи, в том числе икону Иверской Божьей Матери, написанную в 1677 г. царским изографом Иваном Максимовым.

Спас Полуношный
Деревянная скульптура
Пос. Орел, XVIII в.

Церковь Похвалы Богородице неоднократно фигурировала в книгах русских писателей-путешественников. Ее упоминания и описания можно встретить в «Дорожных записках по пути из Тамбовской губернии в Сибирь» П. И. Мельникова-Печерского, в очерке «Старая Пермь» Д. Н. Мамина-Сибиряка, в книге «Кама и Урал» В. И. Немировича-Данченко.

У П. И. Мельникова-Печерского читаем:

«Открылась ложбина, и там небольшое село с каменной небольшой церковью.

Так вот Орел! Сколько исторических воспоминаний! Так вот это селение, триста лет тому назад построенное в стране лесов и болот. Вот прежде бывшая столица Строгановых. Здесь жил Аника до своего пострижения; здесь жили потомки его. Сюда пришел Ермак, отсюда он отправился на покорение Царства Сибирского»*.

Простим писателю небольшую историческую неточность – то, что он принял новый Орел за старый легендарный

городок, – и вместе с ним предадимся восхищению краем. В конце концов, путались в исторических реалиях и более подкованные в истории люди.

20 августа 1925 г. в пос. Орел прибыл известный искусствовед, основатель собственной школы реставрации древних икон И. Э. Грабарь. Отсюда он писал жене:

«Поехал на лошадях из Нового Усолья назад, вниз по Каме верст за 12 в Орел-городок. Это первое селение Строгановых на Урале. Аника Строганов

* Мельников-Печерский П. И. *Дорожные записки по пути из Тамбовской губернии в Сибирь*. – СПб. – М., 1898. – С. 302.

** Грабарь И. *О древнерусском искусстве*. – М., 1966. – С. 251.

подъехал к Ивану Грозному с докладной запиской, прося дать ему в собственность три млн. десятин на Урале, будто никем не заселенных. Из Сольвычегодска сыновья его переехали в Орел-городок, где строили церкви и жертвовали иконы. Я нашел здесь целый ряд подписных строгановских 1604, 1606 и других годов и ряд более древних больших икон»**.

Недалеко от церкви Похвалы Богородице археологи раскопали остатки еще одной усадьбы, существовавшей в XVIII в. Усадьба погибла в пожаре начала XIX в., о чем свидетельствуют найденные монеты – около 30 штук. Самые ранние монеты относятся ко времени правления Анны Иоанновны, а наиболее поздняя датируется началом правления Александра I. Интерес представляет небольшой «клад» из четырех пятак на месте разрушенной печи. Два пятака чеканены в 1775 и 1781 гг., два других – в 1803 г.

Рядом с «кладом» археологов ждала еще одна уникальная находка – небольшой фрагмент бумаги (?), наклеенный на кору какого-то дерева. На бумагу были нанесены китайские иероглифы XIV–XVI вв. Откуда взялась эта «китайская грамота»? Возможно, она хранилась еще в вотчинном городке в XVII в. и использовалась ввиду ее необычности как культовое кабалистическое письмо для связи с домовым. Потом вместе с хозяевами она переехала на другой берег Камы и была положена за печь – туда, где, по поверьям, домовый и жил. А появление этой грамоты в Орле-городке, возможно, связано с посольством Алексея Михайловича во главе с Н. Спафари, которое отправилось в Китай по Бабиновской дороге. Бабиновская же дорога в Сибирь начиналась недалеко от Орла-городка – в г. Соликамске. Впрочем, попасть в Орел-городок эта грамота могла и с торговыми людьми из Нерчинска. К сожалению, расшифровать надпись на ней практически невозможно.

«Китайская грамота», найденная во время раскопок в пос. Орел

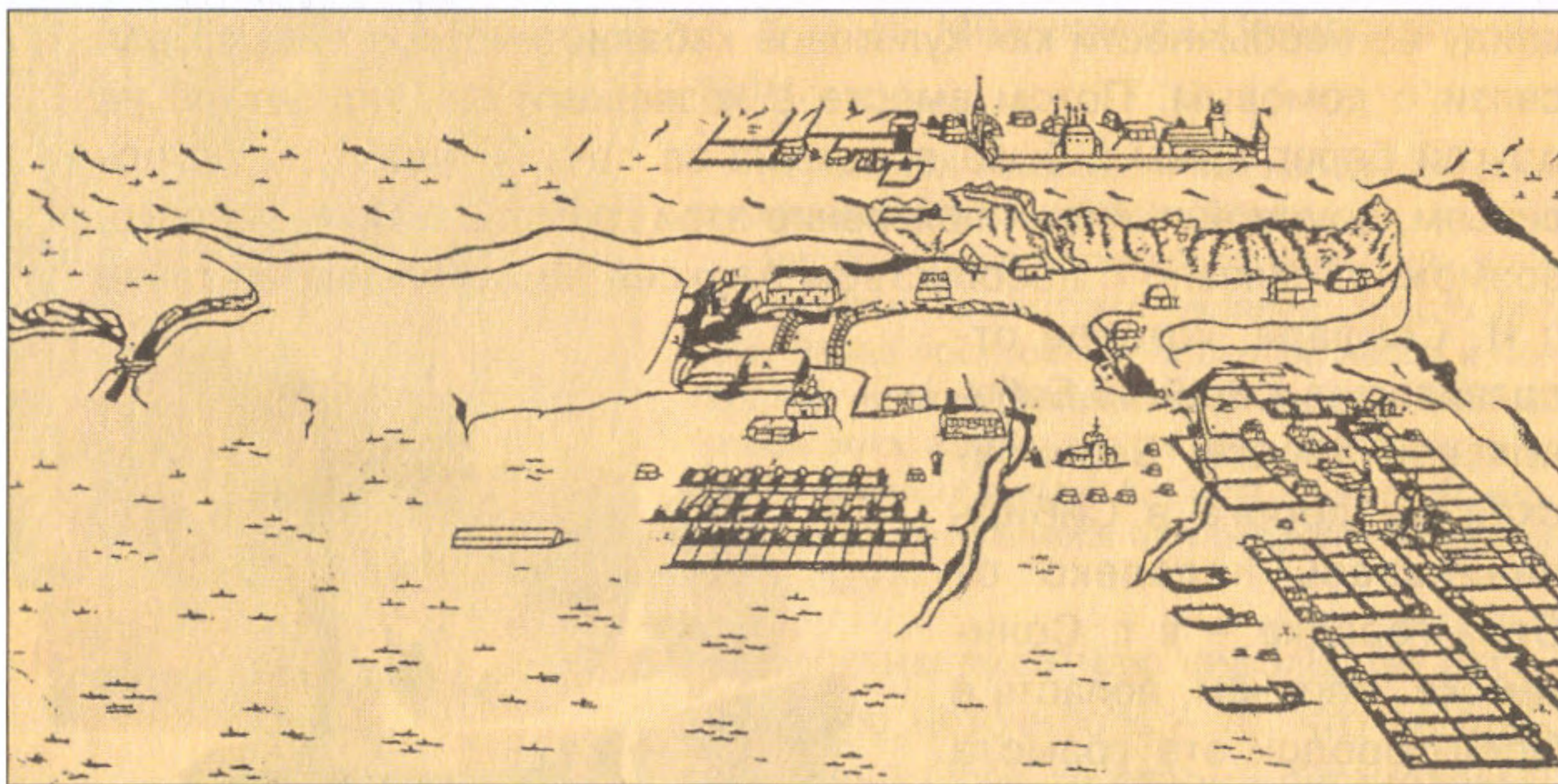
XVIII век принес размеренность и покой. Население занималось корабельным промыслом, рыбной ловлей и сельским хозяйством. Будни сменялись праздниками, однако в с. Орел уже не будет бурлить жизнь так, как бурлила она в домах и на улицах его прародителя – Орла-городка.

*«Архимандрит Иуст
сделал монастырь пуст»*

ПЫСКОРСКИЕ МОНАСТЫРИ В XVIII В.

Основным источником доходов, начиная с XVII в., для Спасо-Преображенского Пыскорского монастыря было солеварение.

В 1670–1674 гг. в семи верстах вниз по течению Камы от Пыскорского монастыря, в месте, где потом будет образован «горный город» Дедюхин, основывается солеваренный промысел. На острове функционировали две рассолоподъемные трубы. Сколько было построено в то время варниц – неизвестно, предположительно около шести.

План Пыскара 60-х гг. XVIII в.

В 1700 г. между архимандритом Евфимием и Григорием Дмитриевичем Строгановым была заключена «уговорная запись», по которой Пыскорскому монастырю «на Дедюхине и Березовом острове» разрешалось «вновь соляные трубы делать и варницы ставить в удобных местах, где пристойно и вольно и теми варницами на всякий год соли варить по девяносту тысяч сапец*, и дров к тем варницам покупать на всякой же год по пятидесяти тысяч сажень**.

* С а п е ц равен шести пудам, т. е. 96 кг.

** Цит. по: Словцов И. Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь. – Пермь, 1869. – С. 16.

Быть может, монастырю не хватало управителей и квалифицированных рабочих или возникли еще какие-то сложности, но уже спустя два десятилетия, в 1720 г., выварка соли сильно упала, а варницы и трубы пришли в ветхость. Со всех мо-

настырских соляных промыслов в том году для продажи было поставлено только 340 тыс. пудов соли. За этим последовали приговоры Камер-коллегии от 29 апреля и 10 мая 1721 г.: выпаривать и поставлять соли Пыскорскому монастырю в 1722 г. 526 552 пуда, а в 1723-м – 600 тыс. пудов.

Приговор Камер-коллегии был проведен в жизнь со всей тщательностью, и доходы монастыря от выварки соли увеличились. В 1755 г. монастырь поставлял 1 млн. 300 тыс. пудов соли и получал от этого 58 тыс. 500 рублей дохода.

Монастырь рос, строились новые здания, больницы, гостиницы для паломников. Но тот же 1755 год стал для него если не роковым, то переломным: архимандрит Спасо-Преображенского монастыря Иуст решил перенести его на речку Лысьву.

В исторической литературе существуют две версии о причинах переноса монастыря.

По первой версии, незадолго до принятия такого решения, весной, в половодье, у камского мыса, на котором стоял монастырь, оторвало значительную часть, и мыс стал ступенькой съезжать в воду (такая ступенька и сейчас наблюдается в строении пыскорского мыса). Возникла реальная опасность того, что при дальнейшем размыве берега монастырские постройки в конце концов окажутся опрокинутыми в реку. Именно эта опасность привела к мысли о переносе построек в другое место.

По второй версии, настоятель монастыря, переноса постройки на Лысьву, надеялся устроить на более подходящем для торговли месте ярмарку. Впрочем, ярмарка на новом месте так и не возникнет.

Финансовым обеспечением переноса монастырских построек послужат, видимо, доходы, получаемые с соляных промыслов.

В Пыскор были созваны рабочие, которые начали разбирать каменные и деревянные постройки. Перенос монастыря вызвал негодование местных жителей: известно, что в Пыскоре и Дедюхине вспыхнули бунты, целью которых было предотвратить разрушение церквей. В Дедюхине такой бунт окончился успешно: церковь там уцелела, с нее только сняли колокола. Быть может, следствием подобного возмущения было и то, что в Пыскоре сохранилась больничная Никольская церковь.

Постройки Пыскорского монастыря вскоре были разобраны. На месте его церквей остались только горы щебня и битого кирпича – жители еще долго будут использовать их для своих хозяйствен-

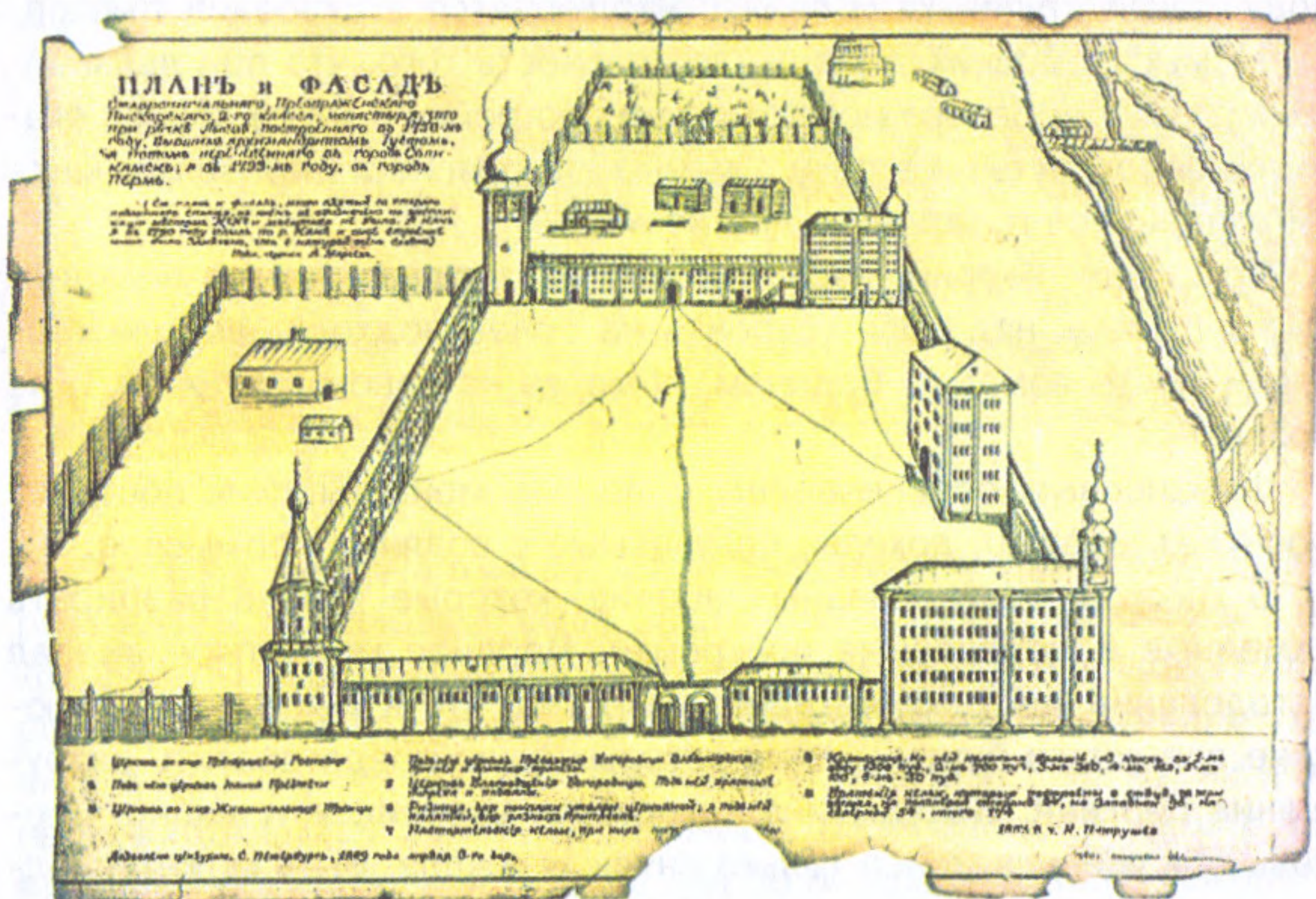

Архимандрит Иуст

ных нужд. С середины XVIII в. пошла гулять в народе поговорка: «Архимандрит Иуст сделал монастырь пуст».

Перенос монастыря на Лысьву происходил быстро. В 1755 г. на новом месте уже возвышались церкви и кельи, а в 1756 г. монастырь был полностью отстроен. В «Соликамском летописце» по поводу переноса монастыря говорится:

«Оной Пыскорский монастырь застроен вновь по переносе с прежнего места бывшим наперед сего архимандритом Иустом квадратно четырьмя каменными стенами в замок при портовой реке Каме, при устье речки Лысьвы, от города Соликамска расстоянием в 10-ти верстах, от города Кунгура 270 верстах».

План и фасад Пыскарскаго Преображенскаго монастыря на р. Лысьвѣ

В перенесенном монастыре были выстроены церкви во имя Преображения Господня, во имя Иоанна Предтечи, во имя Живоначальной Троицы, во имя Пресвятой Богородицы Владимирской и Бла-

Пыскор. Преображенская церковь. Фото 1808 г.

говещения, была возведена также колокольня. Священник И. Словцов в своей истории Пыскорского Преображенского монастыря писал:

«В монастыре на Лысьве... обширнейшие кельи настоятельские, с погребами и подвалами, особенный корпус для трапезы, особенный корпус для ризницы с палатками для разных припасов; стены монастырские служили вместе и помещением для братских келий, которых было всего 174. В числе сих зданий некоторые были столь высоки, что имели окна в пять ярусов, исключая нижний этаж, как, например, церковь Живоначальной Троицы; некоторые, как церковь Преображения, окна в пять ярусов, но только с включением нижнего этажа; некоторые здания были пятиэтажные, каковые настоятельские кельи; братские кельи были трехэтажными... Здания монастырские имели на себе отпечаток какого-то дикого величия, смешанного с простодушным безвкусием, громадность с непрочностью»*.

В 1764 г. в соответствии с церковной реформой, проводимой в Российской империи, Пыскорский монастырь лишился основной экономической базы своего существования: все угодья, вотчины и солезаводы, а также все приписанные крестьяне были отобраны в казну. Монастырю было положено денежное довольствие «по штату 2-го класса ставропигиальных монастырей».

Пыскорский монастырь начинает приходить в упадок. Стремительно ветшают недавно отстроенные здания: вероятно, строились они без особого усердия, да еще неразумными темпами. Уже в 1775 г. (то есть всего двадцать лет спустя после строительства) архимандрит Симон сообщает в Святейший синод, что «здание монастырское не прочно, и к падению склонно, и что ему с монашествующими совсем жить невозможно».

Николай Можайский
Деревянная скульптура
из Пыскорской Никольской
церкви, XVIII в.

* Словцов И. Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь. – Пермь, 1869. – С. 19.

Каменные постройки покрылись трещинами, оседали фундаменты. Существует легенда о том, что в одном монастырском здании рухнула келья и погребла под собой заживо несколько монахов. В 1775 г. из Святейшего синода поступило распоряжение перенести Пыскорский монастырь с р. Лысьвы в Соликамск, в заштатный Вознесенский монастырь.

В «Соликамском летописце» есть сведения об очередном переводе Пыскорского монастыря:

«В Соликамскую в 1775 году августа 2 числа в воскресный день переход был из новостроющагося Пыскорского монастыря в город Соликамск (в Вознесенский прежде именованный монастырь) с церковною церемонией из старого монастыря крестный ход, с местными всеми образами, и во входе шествовал архимандрит тогдашний Симон с братиею, с Лысьвы до Соликамской також, и встреча была из города в половине дороги с церковною церемонией, из собору протопоп с братиею в облачении, и по приходе в реченный Вознесенский монастырь, а переименованный Ставропигиальный Соликамский Пыскорский Преображенский монастырь, по святой литургии благодарный молебен был со звоном и пушечной пальбой».

Но и в Соликамске монастырь пробыл недолго. В 1781 г. архимандрит Иоакимф шлет в Пермь генерал-губернатору Пермскому и Тобольскому, генерал-поручику Кашкину просьбу перенести монастырь в новую губернскую столицу. Кашкин обращается в Святейший синод и получает разрешение. Пыскорский монастырь переводят в Пермь, и отныне он должен был именоваться Пермским Преображенским монастырем.

Перевод в Пермь не был столь стремительным, как, скажем, перевод на Лысьву. До 1790 г. каменные монастырские постройки разбирались и перевозились водой в Пермь. Там был построен небольшой деревянный флигель, где разместили нескольких монахов, которые должны были следить за строительными работами.

Наконец строительство Преображенского монастыря взял под свой контроль генерал-поручик Волков. В 1794 г. здания на Лысьве были окончательно разобраны, иконы и утварь перевезены в Пермь, здесь закончилось обустройство монахов, и монастырь обрел свое последнее прибежище.

* * *

Как мы уже говорили, Пыскорский Введенский подгорный девичий монастырь был всецело зависим от мужского Спасо-Преображенского, и на его судьбе не могла не отразиться судьба Преображенского монастыря.

В начале XVIII в. в монастыре еще идет строительство: возводится храм (по другим данным, придел) в честь иконы Пресвятой Богородицы – Одигитрии. В 1709 г. в монастыре существовали две церкви: Введенская и Одигитрии.

Мужской монастырь делает в женский книжные вклады. Известна запись архимандрита Евфимия Свирепова на одном из Евангелий:

«1709 году марта в 6-й день Преображения Спасова Пыскорского монастыря архимандрит Евфимий Свирепов купил сие св. Евангелие в царствующем граде Москве на печатном дворе, и по обещанию своему приложил сие св. Евангелие в подгорный Владычной девичь монастырь в церковь Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и присно-девы Марии честнаго Ея Одигитрия в вечное поминовение по родителех своих на свое келейные деньги, а буде кто сие святое Евангелие из той Владычной церкви возьмет или продаст, и за сие судит ему Бог»*.

* Словцов И. Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь. – Пермь, 1869. – С. 48.

История Введенского Пыскорского девичьего монастыря, судя по всему, заканчивается в 1755 г. После переноса мужского монастыря у женского не осталось средств к существованию. Священник И. Словцов находит следы женского монастыря в предместьях Вятки: там некоторое время существовал девичий Григорьевско-Пыскорский монастырь.

Утварь, оставшаяся после упразднения Введенского монастыря, указом Синода от 22 февраля 1830 г. была перенесена в пыскорскую Никольскую церковь.

«...И называется ныне сельцом...»

ОСТРОЖКИ В XVIII В.

В XVIII в., утратив первоначальные функции крепостей, строгановские острожки, хотя и оставались центрами округов, практически не развивались и теряли свое население.

По переписи 1715 г., в Яйвинском острожке имелась одна деревянная церковь – во имя Николая Чудотворца. Службы вел поп Потап Аврамов Борченинов. Ему помогали дьячок, пономарь, сторож церковный и просвирня.

Деревянная церковь сгорела в пожаре 1792 г. Князя Голицыны и Бутеро, получившие земли, которые ранее принадлежали Строгановым, в 1797 г. строят «своим иждивением» в острожке новую церковь. Сохранилось ее описание конца XIX в.:

«Церковь... зданием деревянная, на каменном фундаменте с таковою же колокольнею, крепка, снаружи обита тесом и выкрашена; купола покрыты железом, а крыша тесом; ограда вокруг оной деревянная. Престолов в ней два: в настоящей холодной во имя святителя чудотворца Николая, в теплом приделе – во имя архистратига Михаила.

Из икон, имеющих в сей церкви, замечательна древней живописи икона Живоначальной Троицы, на большой доске. На задней стороне доски едва заметна следующая надпись: «сей образ в церковь Живоначальная Троицы

* Шишонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1889. – Вып. V. – С. 597.

приложение Максима Яковлевича Строганова и жены его Марьи и детей их Ивана и Максима Максимовичей вотчинских на Яйве на Усолке»*.

Просуществовала эта церковь до первой половины XX в.

Еще в 1715 г. в Яйвинском острожке жил приказчик. По переписи, здесь значатся 2 скотных двора, мельница, 53 двора и 437 жителей (дворы и население острожка посчитаны вместе с дворами и населением близлежащих деревень).

На более поздних планах термин «острожек» исчезает, вместо него появляется обозначение «село». Яйвинский острожек будут называть Яйвинским, или Нижнеяйвинским, селом.

На западной оконечности небольшого островка, образованного речкой Усолкой и соляными ручьями, в том месте, где некогда стоял Яйвинский острожек, еще сейчас можно увидеть вбитые в грунт деревянные сваи и лежащие в воде обтесанные бревна. Один из авторов этой книги записал со слов старожила в с. Усть-Игум, что находится в 2 км от места существования Яйвинского острожка, такой рассказ:

«Те бревна обтесанные, что вы в ручье видели, не варница. В XVIII веке один умелец нарастил рассолоподъемные трубы, чтобы напор воды вращал водяное колесо. Мельницу хотел сделать. Желоба провел. А силы воды не хватило. Так что бревна эти – сваи от мельницы. А сохранность у них хорошая – соль дерево сохраняет, топор отскакивает, поэтому на дрова никто не берет».

Очерский острожек в первой половине XVIII в. хотя и оставался вотчинным центром, но как населенный пункт не получил дальнейшего развития. Только в 1775 г., когда начинается строительство Сибирского тракта – короткой дороги в Сибирь, – постепенно возрастает его значение как торгового центра.

По Сибирскому тракту осуществлялась связь с восточными рай-

онами империи, шли возы с товарами. Очерский острожек (он к тому времени уже называется селом) стал одним из немногих перевалочных пунктов, где проходила торговля, шел обмен. Вновь увеличивается в нем число крестьянских дворов. Острожек становится торговым центром волости.

В 1810 г. прихожане построили новую каменную церковь с каменной колокольней, покрытой железом. Вокруг церкви строится ограда из каменных же столбов и железной решетки. Эта церковь сохранилась до наших дней.

К концу XVIII в. старое название этого населенного пункта начинает забываться, в обиход входит новое – село Острожка.

К XVIII в. прекращает свое существование Сылвенский острожек. Есть предположение, что он сохранился где-то в районе с. Троицкого Кунгурского района; однако это предположение до сих пор не подтверждено и не опровергнуто. Археологи в течение многих десятилетий пытаются отыскать древний острожек, чтобы пролить свет на его историю, но этот поиск на сегодняшний день, к сожалению, не закончен.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СТРОГАНОВСКИЕ ЗЕМЛИ

В XIX-XX вв.

«Нераздельное заповедное имение...»

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА СТРОГАНОВСКИХ ВЛАДЕНИЙ

Итак, только одна часть некогда огромного пермского имения Строгановых остается нераздельной и продолжает принадлежать фамилии.

В 1774 г. у Александра Сергеевича Строганова от второго брака с Екатериной Петровной (в девичестве Трубецкой) рождается сын Павел Александрович. Так же, как его отец, он сумел сделать блестящую карьеру: был одним из ближайших друзей и соратников императора Александра I, участвовал в наполеоновских войнах, как боевой генерал сражался под Аустерлицем и в «битве народов» под Лейпцигом.

В 1811 г., после смерти Александра Сергеевича, Павел Александрович становится владельцем нераздельного имения Строгановых. Он был женат на Софье Владимировне Голицыной, женщине незаурядной. В то время, пока муж занимался государственными делами, продвигался по службе, Софья Владимировна была всецело поглощена делами управления нераздельным имением.

К трем существующим заводам, Билимбаевскому, Добрянскому и Очерскому, в 1817 г. ее стараниями присоединяется четвертый – Павловский, основанный возле Очерского.

11 августа 1817 г. император утверждает Акт о нераздельности заповедного имения. Отныне имение запрещалось дробить между наследниками. Эта система наследования называлась *майорат* и была распространена в Западной Европе еще с эпохи раннего

Павел Александрович Строганов
(1774–1817)

Софья Владимировна Строганова
(Голицына)

феодализма. В России подобная форма наследования законодательно так и не утвердилась, несмотря на все усилия Петра I.

Павел Александрович назначил пожизненной владелицей пермского имения Софью Владимировну (владелицей она стала в том же 1817 г. – после смерти супруга), затем оно должно было переходить старшему в роду.

В 1834 г. Софья Владимировна разделяет имение на пять округов: Ильинский, Очерский, Инвенский, Усольский и Билимбаевский. В каждом округе назначается свое окружное правление. Для решения особо важных вопросов в с. Ильинском создается Общее присутствие ок-

ружных управляющих. Для того чтобы придать системе управления более четкую структуру, в 1837 г. Софья Владимировна издает «Положение об управлении Пермского нераздельного имения».

Софья Владимировна умерла в 1845 г. в возрасте 69 лет. В соответствии с положениями Акта о нераздельности заповедного имения, владение перешло к ее дочери, Наталье Павловне Строгановой.

У Павла Александровича и Софьи Владимировны не стало сыновей. Существовала вероятность, что имение после замужества дочери окажется в руках другой фамилии. Однако этого не произошло. Наталья Павловна вышла замуж за своего родственника, графа Сергея Григорьевича Строганова. После смерти Софьи Владимировны Сергею Григорьевичу дается доверенность на пожизненное управление всем нераздельным имением Строгановых.

Кроме имения Строгановы владели на Урале землями, оставшимися после продаж, и эти земли находились в совместном управлении Сергея, Александра и Алексея Григорьевичей. Сергей Григорьевич, естественно, был заинтересован в том, чтобы присоединить свою часть земель общего управления к нераздельному имению.

В 1871 г. состоялся последний раздел строгановских вотчин.

Алексей Григорьевич не получал земель, но вместо этого имел пожизненную ренту. Бывшие земли Григория Александровича делились между Сергеем и Александром Григорьевичами.

После смерти в 1872 г. супруги Натальи Павловны Сергей Григорьевич вступает в полное владение нераздельным имением и присоединяет к нему полученные в 1871 г. земли. Приведем текст Высочайшего указа от 15 октября 1872 г. о соединении владений Строгановых:

«К составу заповедного имения присоединяются: 1) Пермской губернии: а) Соликамского уезда села: Купросское, Козьмодемьянское, Богоявленское, Сергиевское с принадлежащими к ним деревнями, лесами и всякого рода угодьями, Кокшаровское и Воскресенское с бывшим Елизавето-Нердвинским заводом и Мухинскими деревнями, Таманское с Верх-Кондасскими деревнями, за исключением принадлежащих к этому селу и деревням дачи Пожевских лесов в количестве 6115 десят. 256 саж. – всего по уезду 322 825 десят. 1457 саж.; б) Оханского уезда: село Григорьевское с дачею земель и лесов в количестве 33 601 десят. 1633 саж.; в) Кунгурского уезда: Кыновский чугуноплавильный и железоделательный завод с принадлежащими к нему землею и лесною дачею в количестве 11 4709 десят. 1398 саж.; прилегающий к этому заводу и причисленный от Лысвинского наследников княгини Бутеро-Радали завода участок земель и лесов, в количестве 21 300 десят.; при деревнях: Северной и Черемной – 2682 десят. 1837 саж., Бабенки и Мысовской, состоящих внутри лесов, прилегающих к казенному Серебрянскому заводу, 320 десят. 808 саж. Земли; г) Верхотурского уезда: дача Баранчинских рудников в количестве 52 десят. 200 саж.; д) Пермского уезда: дачи сел Чусовских городков, деревень: Антыборской, Борисовой и Борсуна, состоящих внутри дач князей Голицыных, наследников княгини Бутеро-Радали, сел Калина и Камасина; сенные покосы по речке Кутамыш и из дачи князей Голицыных и наследников княгини Бутеро-Радали деревень Баских – всего 98 471 д. 1815 $\frac{1}{2}$ с.; в том числе в единственном владении его, графа Строганова, 10 997 десят. 2055 $\frac{1}{3}$ саж. 2) Нижегородской губернии: Балахинского – деревня Монастырка с канатною фабрикой и принадлежащими к ней домами и фабриками. 3) состоящий в С.-Петербурге Литейной части 3 участка по Саперному переулку под № 17 дом со всем при нем строением и землею»*.

Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882)

* Шшонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1884. – Вып. IV. – С. 229–230.

В 1877 г. брат Сергея Григорьевича Александр решит присоединить к нераздельному имению и свои земли:

в «1) Пермской губернии: в Соликамском и Чердынском уездах: Усольский округ с Ленвенскими соляными промыслами, к которому принадлежат: а) состоящие в единственном гр. Строгановых владении: дача Огурдинского лесопильного завода, Позевские леса в поступившей, на основании раздельной записи 8 января 1871 г. в собственность графа Сергея Строганова даче села Таманского и Верх-Кондасских деревень: дача Лекмартовских деревень, Волимский лесопильный завод и б) состоящая в общих гр. Строгановых владении с князьями Голицыными, княгиней Бутеро-Радали, тайным советником Лазаревым и наследниками Всеволожскими: дачи Новоусольских и Ленвенских промыслов, Ситовских промысловых лесов, Верх-Яйвинская, принадлежащая к соляным промыслам села Булатовского, Зуева – Гремячевская, Иковская, села Орла-городка, Веслянских деревень,

* Шишонко В. Н. Пермская летопись. – Пермь, 1884. – Вып. IV. – С. 230–231.

острова Толстинского и Лологская. 2) Вятской губернии: в Слободском уезде часть дачи по реке Лологу и 3) в городе Нижнем Новгороде дом с флигелями и амбарами и пустопорожные места Бельское и Сергиевское»*.

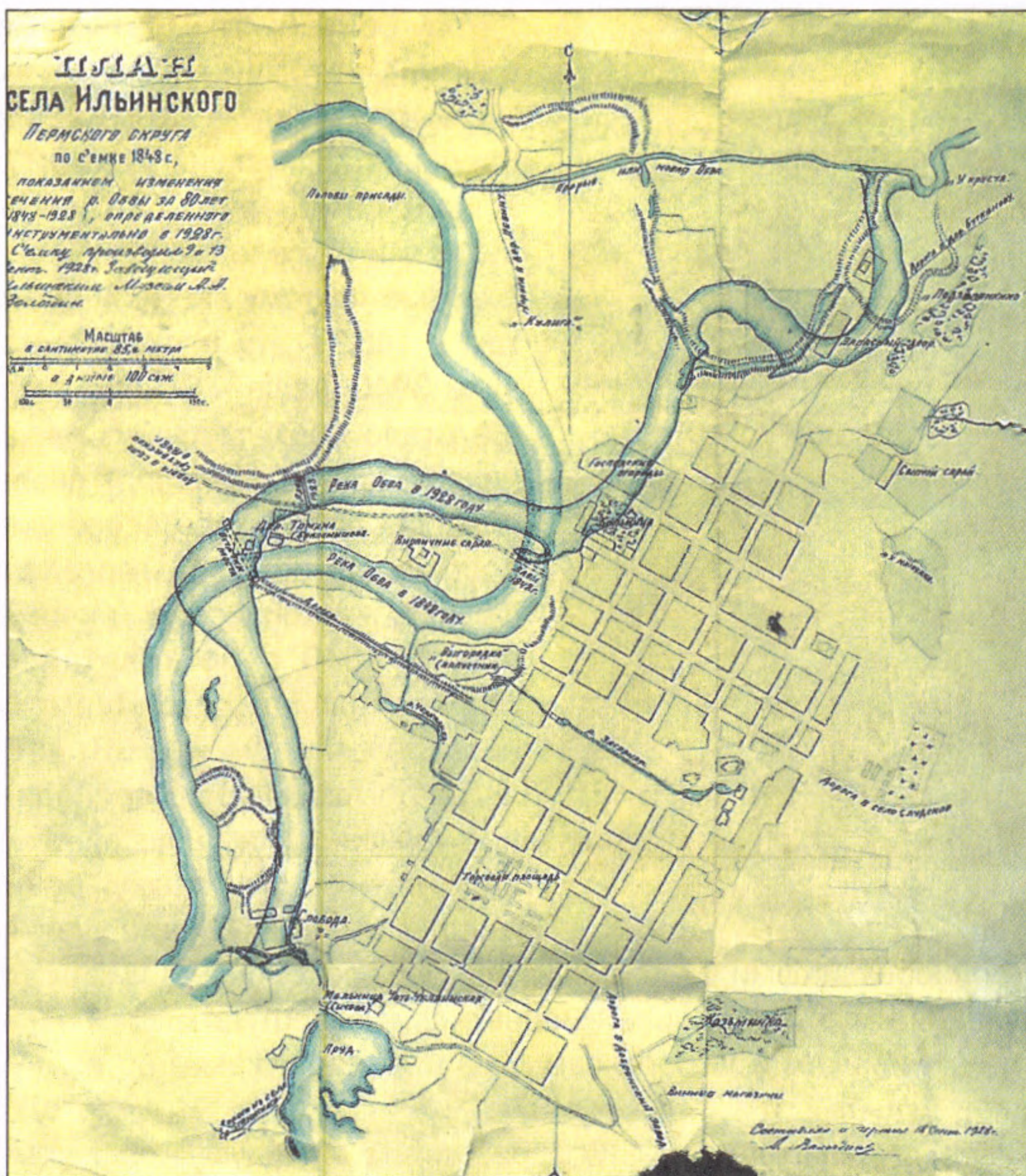
Строгановские земли, потерявшие целостность в XVIII в., стараниями новых владельцев вновь собираются. Но никогда уже им не быть столь обширными, какими они были во времена Григория Дмитриевича Строганова. Историки посчитали, что новое нераздельное заповедное имение, раскинувшееся на уральских землях, составило лишь около трети бывшего строгановского владения! Остальные земли перешли в собственность Голицыных, Шуваловых, Лазаревых, Всеволожских и других владельцев, а также изрядная часть была передана государственной казне.

*«Крестьяне в селе Ильинском —
народ предприимчивый»*

СЕЛО ИЛЬИНСКОЕ

Как уже говорилось, после передачи в аренду Лазаревым Новоусольских соляных промыслов в с. Ильинском в 1771 г. обособляется Главное правление имений. Возглавляет его главный поверенный, или управляющий, у него в подчинении было три помощника, которые назывались членами Ильинского правления.

В 1801 г. в Ильинском строится дом управляющего, в 1805-м – здание конторы управления.

План села Ильинского 1848–1928 гг.

Ильинское постепенно начинает менять свой облик. Строгановские архитекторы создают, выражаясь современным языком, генеральный план застройки, и новые здания возводятся в соответствии с этим планом.

Для управления крупным владением, а особенно для руководства предприятиями, заводами, лесничествами нужны были квалифицированные специалисты. 24 июня 1794 г. в селе открывается Ильинское двухклассное приходское училище, в котором обучаются дети служащих. Это было первое учебное заведение в уральских вотчинных хозяйствах. Оно создавалось в соответствии с «Уставом народным училищам в Российской империи», утвержденным императрицей Екатериной II. Обучали детей четырем предметам:

Пос. Ильинский. Дом конторы управления

Пос. Ильинский. Дом управляющего

Закону Божьему, грамматике, Священной истории, арифметике. Первым учителем был Василий Васнецов, выпускник Вятской духовной семинарии. Строгановы выделяли на содержание училища большие по тому времени суммы: так, в 1832 г. эти расходы составили 3940 рублей. Вскоре училище стало трехклассным, расширился и круг предметов: к первым четырем добавились всеобщая и российская история, география, физика, чистописание и геометрия. В 1840 г. по ходатайству главноуправляющего Пермским нераздельным имением В. А. Волегова было введено преподавание черчения. Часть детей обучались латинскому языку, пению, живописи. Успеваемость учеников

контролировали сами Строгановы: каждую треть года из Ильинского правления им отправлялись именные списки с отметками и замечаниями об учениках, а Строгановы давали распоряжения об их дальнейшей судьбе.

Отбор в училище шел таким образом, что в первую очередь смотрели на способности будущего ученика. Если у родителей не было средств на содержание отпрыска, пока он проходит обучение, ученика определяли в господский столовый дом, где он находился на полном пансионе.

В 1860 г. только в первом классе училища значилось 30 учеников. Это было немало.

В первом Ильинском училище обучались только мальчики. Но вскоре – и это был передовой опыт в масштабах всей Российской империи – в Ильинском созданы учебные заведения для девочек: единоверческая и православная женские школы.

Единоверческая женская школа была своеобразным приютом, в ней девочки находились на полном пансионе. В православной же школе обучались вольноприходящие девочки. На 1 января 1850 г. в единоверческом училище насчитывались 34, в православном – 22 ученицы.

Обучение девочек было направлено в первую очередь на воспитание нравственности. Их учили молитвам, церковным заповедям, канонам. Ученицы должны были знать наизусть катехизис и псалтырь. Девочки слушали также «нравственные наставления» и рассказы по истории.

Это были не единственные, хотя и первые, учебные заведения Строгановых. В 1856 г. в селениях Ильинского округа насчитывалось уже 17 училищ.

Наиболее талантливых ждало дальнейшее обучение. Показательна в этом смысле судьба Александра Ефимовича Теплоухова. Он родился в 1811 г. в семье крепостного в с. Карагай. В 1824 г. окончил Ильинское двухклассное училище и был отправлен в Санкт-Петербург. Там в 1830 г. окончил строгановскую Петербургскую школу сельскохозяйственных и горных наук. Затем был отправлен

Интерьер зала в доме управляющего. Фото 1904 г.

в Германию, где с 1833 по 1838 г. обучался в Тарандской лесной академии. По возвращении в Россию Теплоухов получил от Строгановых вольную и до 1847 г. преподавал лесоводство в Санкт-Петербурге. Затем он стал главным лесничим, а с 1864 по 1875 г. был главным управляющим пермским имением Строгановых.

Такая судьба, конечно, ждала только незаурядную личность.

Александр Ефимович Теплоухов разработал классификацию лесов, создал первое руководство по лесоустройству, прославился как выдающийся археолог. Он опубликовал более 50 научных работ по

Церковь Благовещения в с. Ильинском
Фото начала XX в.

лесоводству и археологии, изучил множество археологических памятников, что позволило пролить свет на прошлое Урала, собрал богатейшую археологическую коллекцию. Его научную деятельность продолжил сын – Федор Александрович Теплоухов.

В селе была превосходная библиотека, насчитывавшая до 700 томов. Ею пользовались жители не только Ильинского, но и губернского города Перми.

Из Усолья в Ильинское переводится иконописная мастерская. В этой мастерской обучался будущий известный архитектор, прославившийся не только на Урале, но и в столице империи Санкт-Петербурге, А. Н. Воронихин.

Примерно с середины 20-х гг. XIX в. в Ильинском существовал свой театр. Спектакли устраивали служащие графини Строгановой: П. Шорин, В. Пономарев, П. Малых, Д. Падугев, крестьяне А. Кузнецов, Е. Субботин, В. Мельников и др.

Вот что писал об Ильинском театре известный русский писатель П. И. Мельников-Печерский:

«Шутите, Ильинский! В самой Перми до сих пор не видывали комедий, а в Ильинском есть театр. Да, театр... особое здание со сценою, оркестром, с партером и креслами. И на нем играют не странствующие сыны Мельпомены, нет, актеры имеют в Ильинском постоянное жительство и служат писчиками в вотчинном правлении.

Мы вошли в театр, освещенный 20-ю сальными свечами... Народу было мно-

** Мельников (Печерский) П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. – СПб., 1841. – Т. 18. – С. 315–316.*

жество, потому что пускали в театр даром. Мы разложили носовые платки на креслах и сели. Спектакль начался. Женские роли исполняли мужчины с усами, с небритой бородой, в чепцах, сарафанах и платках. Чудесно! Жители Ильинского восхищались и не жалели рук для аплодисментов... Спектакль удивительный. Хоть бы и в Перми такой»*.

Театр в Ильинском просуществовал до 1874 г., когда в пожаре сгорели все декорации. В 1888 г. он был восстановлен. Ставились пьесы Островского, Гоголя, ранние водевили Чехова. Несколько раз представления проводились с благотворительной целью – на нужды ильинских школ.

С начала XIX в. в селе существует своя больница. С 1816 по 1820 г. ею заведовал инспектор Пермской врачебной управы доктор Ф. Граль. После него был назначен новый лекарь – Ф. П. Ламони. Ламони прослужил три года, его сменил Н. Р. Лейхтвельд, выпускник Дерптского университета. Лейхтвельд подготовил несколько учеников, которые работали лекарями в заводских больницах.

На содержание больницы в с. Ильинском тратилось 8170 рублей в год. Состояла она из двух корпусов – мужского и женского. В 1842 г. на смену деревянному зданию больницы строят каменное, двухэтажное.

Члены Ильинского окружного вотчинного правления
Фото 1900 г.

В социальной сфере, устраивая свою вотчину, Строгановы во многом опередили время, в котором жили. Служащим, в том числе и крепостным, предоставлялось бесплатное лечение, по выслуге лет им начислялась пенсия, давались отпуска. Для XIX в. звучит фантастично, но это было так.

Престольный праздник в с. Ильинском. Фото начала XX в.

В с. Ильинском с 1790 г. работала ткацкая фабрика, где изготавливали скатерти, салфетки, полотенца. Изделия отправляли в Санкт-Петербург, ко двору Строгановых. На содержание этой фабрики в 1820 г. было потрачено 6378 рублей.

Важной чертой в экономическом облике с. Ильинского были ярмарки. Они проводились два раза в год: 22–27 марта (Благовещенская ярмарка) и с пятницы Великого поста до четверга второй недели (Сборная ярмарка). Особым богатством отличалась Сборная ярмарка. На ней бывало более пяти тысяч человек. Привоз на эти ярмарки год от года увеличивался. Продавали и покупали хмель, ткани, лошадей, хлеб, льняное семя, посуду, мясо, рыбу, молоко, мед, воск, пушнину. Оборот ярмарок составлял десятки, а то и сотни тысяч рублей. Товары завозили из Перми, Кунгура, Вятки, Глазова, Казани. Кроме ярмарок в Ильинском проводили еще и торжки – Николаевский (8–9 мая) и Ильинский (19–20 июля). Обороты этих торжков доходили до полусотни тысяч рублей.

Развитию торговли в Ильинском способствовало и то, что Строгановы раньше, чем где-либо, отменили барщину и натуральный оброк, заменив их денежным оброком. Крестьянину нужно было развивать хозяйство, откупаться деньгами от своих хозяев.

Магазин И. Е. Серебренникова в с. Ильинском. Фото начала XX в.

Отмена крепостного права в России еще сильнее подстегнула развитие частного крестьянского производства. Крестьяне начали заводить свои маленькие предприятия. Развивались ремесла: кожевенное, кузнечное, гончарное, маслобойное и др. В 1876 г. крестьянин с. Ильинского Лука Климов построил свечной и мыловаренный заводики. Через несколько лет его хозяйство включало уже и маслобойню, и небольшой заводик по производству льняного масла. За год на предприятиях Климова производилось до 100 пудов свечей, 500 пудов мыла, 200 пудов льняного масла. На его предприятиях трудилось шесть наемных рабочих. Другой житель села, крестьянин П. Симонов, построил медно-литейное заведение для отлива почтовых колокольников и других изделий из меди.

К концу XIX в. в Ильинском стали появляться и более крупные предприятия. На них уже значительно шире использовались машины, для труда привлекались вольнонаемные рабочие. Примером такого предприятия служит заводик крестьян В. И. Рукавицына и В. А. Горохова, где использовались паровой двигатель и генераторы, было проведено электрическое освещение. Заводик начал с выпуска масла, затем стал изготавливать шерстяную вату. В. И. Рукавицын и В. А. Горохов устроили также мельницу-вальцовку.

Площадь Ильинского. Фото начала XX в.

Годовая производительность некоторых частных заведений Ильинского, принадлежавших крестьянам, составляла до 47,3 тыс. рублей.

Реформа 1861 г. в значительной мере повлияла и на другие стороны развития села. Ильинское строится, расширяется. Уже не только Строгановы, но и другие силы, в том числе государство, влияют на его становление.

По переписи 1897 г., в Ильинском проживало 1460 человек, а во всем округе – более 60 тыс.

В 1913–1914 гг. в Ильинском было выстроено за счет казны двухэтажное здание высшего начального училища. В 1914 г. недалеко от него на средства Пермского уездного земства строится каменное, также двухэтажное, здание начального земского училища.

В 1908 г. в Ильинском появляется новое здание больницы. В больнице работали два врача, один аптекарский помощник, две фельдшерицы и акушерки, одна смотрительница, семь сиделок и еще три человека персонала.

Мирную жизнь села нарушила Октябрьская революция, грянула Гражданская война.

Закладка здания высшего начального училища

Советская власть в Ильинском была провозглашена 31 января 1918 г. Летом того же года здесь формируется 10-й красный кавалерийский полк, но уже в декабре этот полк поднимает мятеж против советов. Затем Ильинское занимают части Колчака. В июне 1919 г. их выбивает из села Красная армия.

Гражданская война принесла разорение и смерть многим. Репрессиям подвергались как противники новой власти, так и ее сторонники. После Гражданской войны репрессии продолжались – теперь они были направлены против так называемых кулаков. По сообщению знатока истории Ильинского О. Отавина, секретарь Дмитриевского сельсовета вспоминал:

«Сверху приходила разнарядка: какое количество плотников, каменщиков раскулачить и отправить на строительство Березниковского калийного комбината...»

Точное количество жертв до сих пор неизвестно.

В годы Великой Отечественной войны на фронт ушло 18,5 тыс. жителей Ильинского, из них 10 тыс. пали смертью храбрых. Среди погибших два Героя Советского Союза – Виктор Егорович Ершов и Иван Ульянович Бутырин. В годы войны село давало стране зер-

но, мясо, картофель, молоко. В Ильинском разместились сотни эвакуированных людей, работал госпиталь.

В 1955–1956 гг. с образованием Камского водохранилища значительная часть села оказалась в зоне затопления, и его перенесли на возвышенное место.

В 1962 г. недалеко от Ильинского было открыто Васильевское месторождение нефти. Решением сельского облисполкома от 13 апреля 1964 г. Ильинское и слившиеся с ним деревни Семина и Сучкина преобразованы в рабочий поселок Ильинский.

Ильинский во многом утратил облик административного и культурного центра строгановских владений, но и поныне остается привлекательным для туристов и любителей старины. Из наиболее выдающихся памятников прошлого здесь в разной степени сохранности пребывают Ильинская церковь, дом управляющего и дом правления пермскими имениями Строгановых. Интересен парк Кузьминка, основанный в свое время А. Е. Теплоуховым. В доме управляющего и доме правления разместился Ильинский музей, собравший в своих коллекциях уникальнейшие экспонаты, относящиеся как к истории села, так и к истории края в целом.

*«Ряд красивых каменных домов, которые
не были бы лишними даже в столице,
тянулся по берегам Камы»*

РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ УСОЛЬЯ

После пожара 1809 г. начинает меняться вид Нового Усолья. Утверждающийся в это время в России новый архитектурный стиль «классицизм» повлиял на облик многих каменных зданий.

Одним из ярких памятников эпохи классицизма в Новом Усолье является каменный храм во имя Святителя Николая Чудотворца. Этот храм был заложен в 1813 г. и освящен в 1820-м в память о победе над Наполеоном, о чем сохранилась надпись на бронзовой доске, установленной в алтаре. Собор был построен «усердием и ижди-

вением барона Григория Александровича Строганова». Строительство храма наверняка было связано с памятью о героях войны с Наполеоном – Павле Александровиче Строганове и его сыне Александре. Павел Александрович, умерший в 1817 г., был свидетелем гибели своего юного сына в битве при Краоне близ Парижа, где русским войскам противостоял сам Наполеон. Потрясенный смертью единственного сына, Строганов не стремился претендовать на лавры победителя Наполеона, и слава победы при Краоне досталась графу Воронцову, который впоследствии стал губернатором Новороссии и был осмеян А. С. Пушкиным в известной эпиграмме «Полумилорд, полупропойска...». Поэт, с большим уважением относившийся к Строгановым, отразил эту трагедию в стихах:

*О страх, о горькое мгновенье...
О Строганов, когда твой сын
Упал сражен, и ты один...
И предал славе ты чужой
Успех, достигнутый тобой.*

Чрезвычайно интересно, что уже в наше время дети, игравшие в развалинах Никольской церкви, нашли прекрасно сохранившийся офицерский палаш, который был заложен в каменное основание церкви, скорее всего, при ее освящении в 1820 г.

Можно предположить, что палаш принадлежал офицеру, участвовавшему в наполеоновских войнах. Но кому... Это загадка истории.

Есть предположение, что церковь была выстроена по проекту архитектора А. Н. Воронихина. Возводили храм, по мнению исследо-

Никольский храм в с. Усолье
Фото начала XX в.

Александр Павлович Строганов (1794–1814)

Андрей Никифорович Воронихин

вателей архитектуры Усожья, его ученики, возможно П. А. Шаров или И. Ф. Колодин.

Андрей Никифорович Воронихин родился 17 (28) октября 1759 г. в семье крепостных в с. Новое Усолье. Начальное художественное образование он получил в Ильинском, в иконописных мастерских. Его талант был замечен, и юношу отправляют в Москву, где он обучается архитектуре сначала у В. И. Баженова, затем у М. Ф. Казакова. В 1786 г. он получает освобождение от крепостной зависимости.

В 1797 г. Совет Академии художеств присуждает ему звание академика перспективной живописи за картину, изображавшую построенную А. Н. Воронихиным дачу Строгановых на Черной речке в Санкт-Петербурге. Звание архитектора он получает в марте 1800 г. в связи со строительством Казанского собора в столице. В конце 1802 г. Воронихин утвержден в должности профессора Академии художеств.

Кроме Казанского собора по проектам А. Н. Воронихина выстроены Горный институт в Санкт-Петербурге, решетка у Казанского собора. Велика вероятность, что и проект Никольской церкви принадлежит ему: в последние годы жизни зодчий много работал над храмами-памятниками, посвященными войне 1812 г. Следует отметить, что судьба А. Н. Воронихина неразрывно связана с жизнью Павла Александровича Строганова. В 1787 г. он вместе с графом А. С. Строгановым и его сыном Павлом побывал в Новом Усолье. После этой поездки Воронихин длительное время путешествовал с Павлом Александровичем по южным районам Российской империи и странам Западной Европы. Таким образом, в создании проекта храма в Новом Усолье, посвященного победе над Наполеоном, могла отразиться память А. Н. Воронихина о П. А. Строганове.

Многие исследователи отмечают некую общность в обликах Казанского собора и Никольской церкви.

Никольская церковь в плане представляет собой крестовокупольный храм с дорическими четырехколонными портиками по сторонам горизонта, кроме восточной стороны, где портик заменен пилястрами. Широкий купол и портики придают зданию мощь и ве-

личие. Окна храма оформлены традиционными для Усолья наличниками.

Композицию дополняла частично разрушившаяся сейчас колокольня, находившаяся на западной стороне церкви. Она была увенчана куполом с часами и шпилем и напоминала башню петербургского Адмиралтейства.

Вокруг Никольской церкви были поставлены изготовленные на местных заводах решетки-ограды; здесь же рядом, у северного фасада здания, находились солнечные часы, отлитые из чугуна. На крыше Никольской церкви были установлены орудия, из которых по большим праздникам во время колокольного звона производились выстрелы.

В. А. Боровиковский. «Благовещение»

В створки царских врат Никольской церкви были вставлены две иконки с авторской копией «Благовещения» художника В. А. Боровиковского. Такие же иконы находились в Петербурге, в Казанском соборе. Г. А. Строганов заказал художнику копию и в 1812 г. прислал ее в Усолье из Санкт-Петербурга. Сейчас «Благовещение» из Никольской церкви хранится в Березниковском историко-художественном музее.

Икона написана на известный сюжет христианской истории – явление Деве Марии архангела Гавриила с благой вестью о предстоящем рождении Христа. Икона с изображением Благовещения была одной из самых любимых в народе. В православном храме ей традиционно отводилось почетное место – на створках царских

врат. Именно поэтому «Благовещение» В. А. Боровиковского состоит из двух половинок.

Никольская церковь была особо почитаема в Усолье. Рядом с ней были захоронены особо выдающиеся люди, в том числе историк Ф. А. Волегов.

Федот Алексеевич Волегов (1790–1856) в течение 30 лет был управляющим пермскими имениями Строгановых. Он оставил после себя работы, которые послужили – и еще послужат – опорой для реконструкции истории Строгановых. О его трудах с благодарностью отзывались такие крупные исследователи уральской древности, как А. А. Дмитриев и В. Н. Шишонко. Есть свидетельство, что на могиле Ф. А. Волегова лежала чугунная плита, но в годы советской власти она была вынута и отправлена на переплавку.

Сейчас Никольская церковь реставрируется, в ней вновь идут службы.

Еще один дом, авторство которого приписывают А. Н. Воронихину, – дом Голицыных, где ныне находится филиал Березниковского историко-художественного музея. При закладке этого дома была установлена памятная чугунная плита с надписью:

«Дом каменный с флигелем заложен в 1815, а строением кончен в 1818 г. при управлении Г. К(остарева) и М. Ч(иркова)».

Дом, а точнее сказать, усадьба Голицыных занимает видное место в ансамбле прибрежных построек Усожья, является одним из выдающихся образцов русского классицизма.

Композиция дома выстроена на контрасте тяжелого нижнего этажа и облегченного второго. Первый этаж выглядит как очень устойчивое и основательное подножие. В средней части восточного фасада установлен фронто́н, западный фасад увенчан мезони́ном.

В усадьбу Голицыных входит также здание каменных конюшен. В усадьбу, которая огорожена кованой решеткой, можно попасть через ворота, имеющие боковые входы. В ограждении присутствуют каменные столбы с вазонами.

Усадьба Голицыных представляет собой законченную композицию, но в то же время является неотъемлемой частью архитектурного комплекса Усожья.

В усадьбу Строгановых входят дом, два въездных флигеля и баня.

Двухэтажный каменный господский дом был выстроен в 1832 г. Вход в него располагался не со стороны фасада, а со стороны внутреннего дворика.

Усадьба Голицыных

Палаты Строгановых и соборная колокольня в Усолье

Дом прямоугольный в плане, с мезонином. Южный фасад выходит к Соборной площади. Самая интересная часть дома – восточный, выходящий на улицу фасад. Окна нижнего этажа здесь оформлены чередующимися масками в виде львиных морд и женских личин. Дом украшали большие балконы с чугунными решетками. В центре нижнего этажа размещалась большая кладовая, жилые комнаты находились на втором этаже.

В 1833 г. в Усолье, по типовому проекту из «собрания фасадов Его Императорского Величества высочайше апробированного для

Господский дом

Дом-контора строгановских солеваренных заводов

ных выступа – лопатки. Полукруглые окна третьего этажа украшены лепными медальонами с розетками.

частных строений в городах Российской империи» 1809 г., с помощью архитектора Трефила Тудвасева, бывшего крепостного Строгановых, был построен каменный Архив строгановских солеваренных заводов (до сих пор в обиходе его называют «дом-контора»).

Архив представляет собой двухэтажный особняк с надстроенным в виде мезонина («мезимента», как говорили на Урале) третьим этажом. Главный восточный фасад здания как бы разделен на три части. Среднюю часть как раз и составляет третий этаж – мезонин, поставленный на четыре колонны. Со стороны двора под мезонином роль колонн выполняют четыре плоских вертикаль-

Дом Абамелек-Лазаревых
Фото середины – второй половины XX в.

Дом Абамелек-Лазаревых. Фото 1994 г.

Рядом с «домом-конторой» на берегу Камы в 30-е гг. XIX в. поставили свой дом Абамелек-Лазаревы. Он был построен по проекту архитектора Чермозского завода И. Подъячева и внешне повторяет формы чермозского заводского правления Абамелек-Лазаревых. Это двухэтажное кирпичное, прямоугольное в плане здание. Западный и восточный фасады одинаковы. В центре этих фасадов находится портик с четырьмя колоннами дорического ордера. Первый этаж дома отделен от второго профилированным карнизом.

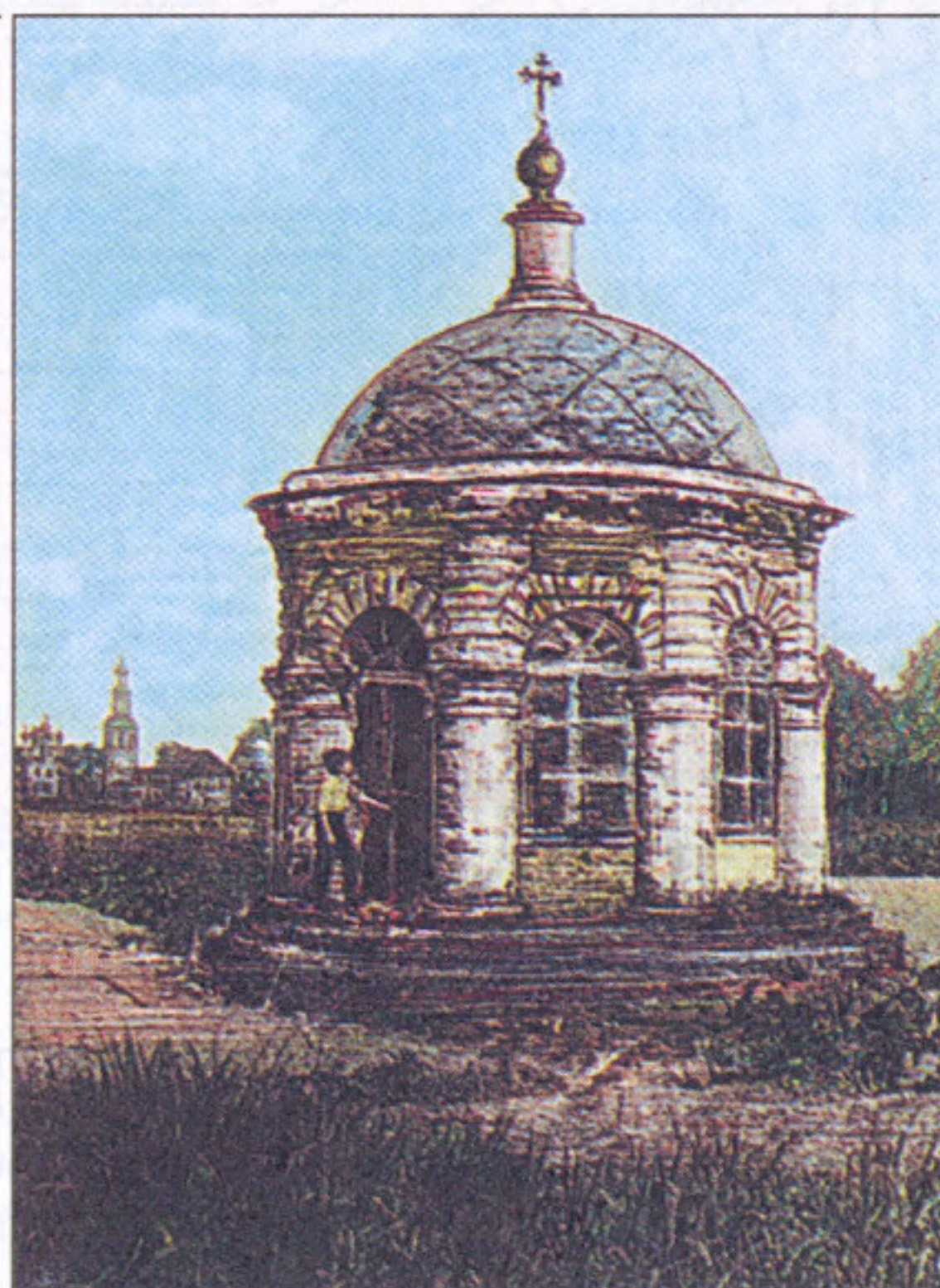
В 1976 г. дом Абамелек-Лазаревых сгорел. Сейчас он находится в плачевном состоянии: паводки подмывают стены, рушится кирпичная кладка, внутри дома растут деревца и кустарник.

Еще один из многочисленных памятников архитектуры Усожья, на котором мы хотели бы подробнее остановиться, – Покровская часовня. Она находится в Низовой части села и была возведена в первой трети XIX в. на средства В. А. Шаховской (урожденной баронессы Строгановой).

Часовня была выстроена в виде восьмигранной ротонды. Углы восьмерика отмечены дорическими колоннами, несущими

Спасо-Преображенский собор и колокольня

Покровская часовня

Панорама Усолья. Фото начала XX в.

Усолье. Схема-реконструкция плана исторической части города 1845 г.

А – Нижние промыслы; Б – Посадская слобода; В – Верхние промыслы; Г – озеро-полой; Д – земли, заливаемые в половодье.

Цифрами обозначены сохранившиеся здания: 1 – Покровская часовня; 2 – дом Абамелек-Лазаревых; 3 – дом конторы сользаводов; 4 – дом Строгановых; 5 – соборная колокольня; 6 – часовня Спаса Убруса; 7 – Спасо-Преображенский собор; 8 – дом Голицына; 9 – бывший господский дом; 10 – Рубежская церковь; 11 – Никольская церковь; 12 – прочие строения

щими изящные арки. Часовня венчалась круглым куполом с небольшим кирпичным барабаном. При перестройке в конце XIX в. барабан закрыли деревянным шпилем. По словам старожилов, часовня

была замечательна деревянным скульптурным изображением Христа Спасителя, который, к сожалению, утрачен.

Между Низовой и Посадской частями села в 1810–1840 гг. был возведен целый комплекс хозяйственно-промышленных построек: кирпичные солеварни, амбары, склады для хранения припасов, здание паровой машины, кузница и т. д. Эти постройки принадлежали когда-то пяти владельцам: Строгановым, Голицыным, Абамелек-Лазаревым, Шуваловым, Бутеро-Родали. Удивительно, но эти образцы, как принято говорить промышленной архитектуры, не лишены некоторого изящества расположения и порой сами декоративно украшены.

Мы перечислили только самые значительные каменные постройки Усолья, возведенные в XIX в. На самом деле их значительно больше – около тридцати, – и каждая достойна отдельного описания.

Пусть на другой стороне Камы ныне, разрушая целостность исторической картины, возвышаются современные промышленные гиганты и многоэтажные дома, все равно древнейшая часть Усолья и сейчас остается красивейшим местом Урала. Наша задача – сохранить и передать другим поколениям эту музыку, застывшую в камне.

Руины Рубежской церкви

*«...Каждое воскресенье съезжаются сюда
крестьяне из окрестных селений...»*

УСОЛЬЕ В XIX в.

В XIX в. значительно совершенствуется технология добычи соли. Начали на производстве применять паровые машины, строить вместо «черных» варниц «белые» (дым в них выходил в трубу), а деревянные варницы, как мы уже говорили, заменять каменными.

Варница в Усолье
Фото начала XX в.

Усолье. Соляной завод
Фото начала XX в.

Для перевозки соли требовались суда, и их строили здесь же, в Новом Усолье. В «Сведениях о расходах по доставке соляных товаров» есть графа:

«Жалование за постройку судов плотникам (приписным и промысловым) – 348 рублей, водоливам, находящимся при строении судов, – харчевых 120 рублей»*.

* Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 672, оп. 1, д. 182, л. 4.

Вместо одного помещения в варнице стали делать два или три, и в каждом из них стоял свой црен. Усольские варницы выделяются среди прочих русских варниц большими размерами. Накопленный опыт позволил сделать совершенной (для XIX в.) их конструкцию.

С 30-х гг. XIX в. Новоусольский промысел был объединен с Ленвенским. Из документов, сохранившихся в Государственном архиве Пермской области, известно, сколько соли добывалось на промыслах. Наибольшее ее количество было выварено в 1825 г. – почти 7 млн. пудов. Средние же показатели выварки держались в пределах 5–6 млн. пудов: это в то время, как в Соликамске вываривали не более 26 тыс. пудов, а на Дедюхинских заводах – 1 млн. 700 тыс. пудов.

Усолье. Рассолоподъемная башня
Фото начала XX в.

В Усолье продолжает развиваться ремесло. Узнаем об этом из Усольской летописи: там упоминается, что в пожаре 1809 г. сгорели 4 кузницы и 6 слесарен. Прежде всего ремесленное производство было связано с солеварением: в кузнях и слесарнях ремонтировали црены варниц. Выпускалась также необходимая в быту продукция: гвозди, лопаты, топоры, замки и т. п.

Уровень ремесленного производства в Усолье был достаточно высок: об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что именно здесь вылит (а не заказан где-то на стороне) колокол для храма весом в 540 пудов местным мастером Шишкиным.

Большинство необходимых для сельчан вещей также изготавливалось в Усолье. Здесь было кирпичное, гончарное, столярное производство, работали кожевни, существовало мыловарение, изготавливали свечи для продажи.

По большому счету, Усолье в это время выполняло многие функции города: так же, как город, оно обслуживало сельскохозяйственную округу. Быть может, только принадлежность частным владельцам не позволила селу официально получить этот статус.

Характерно, что развитие сельского хозяйства в Усолье стояло на втором плане. Земли здесь плохи, почти непригодны для выращивания хлеба и других зерновых культур, поэтому местные жители занимались в основном огородничеством. Выращивали капусту, свеклу, редьку, огурцы, но не для продажи, а для собственного употребления. Огороды использовались жителями Усоля как подсобное хозяйство. Чего заготавливали много – так это сена: в середине XIX в. по заготовкам сена крестьяне с. Новое Усолье опережали все соляные промыслы губернии.

Так же, как в Ильинском, в Усолье процветала торговля: здесь устраивались регулярные торжки и базары. Интересно, что часть продукции, привозимой для продажи, перекупалась и продавалась здесь же по более высокой цене. Например, пуд пшеничной муки, доставленной в Усолье, стоил 80 копеек, но в лавках села он продавался уже по рублю. Такая же надбавка была и на другие привозные товары. Торговали в Усолье хлебом пшеничным и ржаным, различными крупами, ржаным солодом, салом сырым и топленым, медом, маслом постным и коровьим, сальными свечами, коноплей, сеном, хмелем, различными сортами мяса; из рыбы присутствовали осетрина, стерлядь, семга, лещ; продавали птицу – куриц и рябчиков; торговали мылом, одеждой, конской упряжью. Н. С. Попов оставил описание торговли в Усолье:

«Каждое воскресенье съезжаются сюда крестьяне из окрестных селений с различными харчевыми припасами и крестьянскими товарами, но особенно многолюдными бывают съезды зимой и осенью, когда привозится для продажи великое множество лошадей, особенно из Обвинских селений. В это же

* Попов Н. С. *Хозяйственное описание Пермской губернии. – Ч. 1. – СПб., 1804. – С. 153.*

время наблюдается большая торговля хлебом, который поставляется в Новое Усолье из Вятской губернии и отчасти из районов Нижнего Прикамья, из Кунгурского уезда, с Обвы»*.

Некоторые жители Усолья владели собственными лавками с бакалейными и текстильными товарами, торгуя чаем, сахаром, сукнами, различными тканями, галантерейными товарами, книгами. Эти лавки до сих пор частично сохранились у колокольни Спасо-Преображенского собора.

Усолье было большим речным портом. В него прибывало на погрузку-разгрузку до 200 судов в навигацию. Вывозилась главным образом соль, но отправлялись также и другие товары: ивовая кора, точильный камень, пушнина, кедровые орехи, железо, зеленое стекло. В Усолье суда прибывали с бакалейными товарами, виноградным вином, посудой, сахаром, сукном. Для ведения дел на производстве требовалась бумага, и ее завозили сотнями пудов.

Известен социальный состав жителей Усолья середины XIX в. Наибольшее количество жителей составляли варничные работники (68,1%), далее шли дворовые (27,2%) и крестьяне (4,7%).

Дворовые люди – это крепостные крестьяне, лишенные земельных наделов. Они в основном занимались ремеслом и торговлей, иногда нанимались на временную работу. Чаще всего их использовали в том же солеваренном промысле, но в качестве подсобных рабочих, где не требовалась высокая квалификация.

Интересна категория варничных работников. Есть косвенные сведения, позволяющие говорить, что эта категория, по крайней мере частично, состояла из вольнонаемных. Они обладали высокой квалификацией, и солепромышленники вынуждены были их привлекать для работы на промыслах.

Крестьяне, проживавшие в Усолье, занимались земледелием – в основном огородничеством, – а «некоторые торговлею промыш-

** РГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 8597, л. 1–6.

ленными и бакалейными товарами»**. Приписные

к промыслу крестьяне из Вереинского, Романовского, Булатовского и Никулинского сел занимались вырубкой леса и поставкой в Усолье дров для солеварен, поставками сена, заготовкой древесного угля для кузниц. Больше никаких повинностей они не несли.

«Государственные подати и земские повинности за жителей и работников оплачивались на счет владельцев; с приписных крестьян вычитаются из их работы»*.

* ГАПО, ф. 672, оп. 1, д. 138, л. 1–2.

В вышеприведенной статистике не указаны еще несколько категорий жителей Усолья: духовенство, приставы, таможенного и питейного сборов головы, приказчики по заморским отпускам купеческих товаров, таможенные целовальники и др. Но среди прочих социальных слоев Усолья они занимали незначительную нишу.

К середине XIX в. численность населения Усолья достигла восьми с небольшим тысяч человек, однако начиная со второй половины столетия намечается тенденция ее снижения. Ученые связывают это с падением рентабельности соляного производства: на юге страны открылись новые месторождения, где добывать соль было не в пример легче, а использование более совершенных и менее затратных методов делало ее дешевле.

В 1894 (1895?) г. в Усолье открывается типография. Ее владельцем был купец 2-й гильдии Иван Иванович Тарасов. Он купил у жителя Чердыни Щеголихина типографское оборудование, арендовал помещение и начал принимать заказы на печатание бланков, афиш и прочей документации. Типографией И. И. Тарасов владел до начала 1917 г. Чутье ли подсказало, что необходимо избавляться от производства, или были иные причины, но типографию он продал.

Возникновение в Усолье частной типографии свидетельствует о том, что дух предпринимательства был свойствен жителям не только Ильинского, но и Нового Усолья.

В 1879 г. пермский купец И. И. Любимов построил железнодорожную ветку, которая связала Березниковский солеваренный завод с Пермью. Хотя на ней были станции Усольская и Солеварни, прошла эта дорога по другую сторону Камы и существенно на жизнь Усолья не повлияла.

* * *

Так же, как в Ильинском, в Усолье развивались культура и образование.

Строгановы устроили собственный хор. Руководил им известный в то время композитор И. Дилецкий. Певчих собирали по всей России, в хоре были певцы, привезенные с Украины.

Так же, как и в Ильинском, с начала XIX в. здесь существовал и свой театр. Представления проходили в соляном амбаре. Позже

Вид посадской части Усоляя. Акварель неизвестного художника

Строгановы выстроили специальное помещение для театра – так называемый потешный сарай.

К середине XIX в. Усольский театр стал вполне профессиональным – с драматической труппой, хором, своим струнно-рожковым оркестром. Репертуар театра состоял из водевилей и пьес Крылова, Гоголя, Некрасова, ставились оперы «Санкт-Петербургский гостинный двор» Матинского и «Ямщики на подставе» Фомина.

В фондах Березниковского историко-художественного музея, относящихся к Усолюю, сохранились партитуры оперы «Иван Сусанин, или Жизнь за царя» М. Глинки, переложенные для малого состава пермским хоровым деятелем А. Городцовым, а также переписанная от руки комедия «Горе от ума» А. Грибоедова.

В школах и училищах Усоляя в середине XIX в. училось около 200 мальчиков и девочек. Школы были владельческие, церковно-приходские, а с 1882 г. земские. Строгановы и здесь контролировали успеваемость и направляли наиболее одаренных детей в города, в том числе в Санкт-Петербург, для продолжения обучения.

В 1837 г. на промыслах Строгановых и Абамелек-Лазаревых в Усолье в специально построенных зданиях были открыты больницы. Потом больницы появились на промыслах остальных владельцев, а в 1882 г. была открыта земская больница.

Больницы в Усолье были крайне необходимы. Многие жители села страдали от различных болезней, вызванных как тяжелым трудом, так и несоблюдением правил гигиены. Документы хранят упоминания о лихорадках, болезнях желудка, о травмах, полученных на производстве. Страдали усольцы от различных паразитов. В 1847 г. в Пермской губернии была отмечена холера. В 80-е гг. XIX в. в Усолье случился мор (эпидемия какой-то болезни, возможно холеры). Больных было так много, что земская и другие больницы не могли вместить всех, кто нуждался в помощи. Сохранилось изустное предание о земском враче Ардашове – родственнике В. И. Ульянова-Ленина, работавшем в Усолье в это время. Ардашов предоставил для размещения больных собственный дом, но вскоре сам заразился и умер. Умерших хоронили на кладбище в Усолье, везли в Пыскор. Без медицинской помощи картина могла быть еще более страшной.

* * *

После революции 1917 г. Усолье переживало не лучшие времена, хотя и получило в 1918 г. статус города. Борьба с религией и отделение церкви от государства постепенно привели к затуханию церковной службы в храмах. В начале XX в. в с. Новое Усолье было 4 действующих храма. В 1923 г. на собрании верующих принято решение «о соединении всех трех приходов в один и взятие одной церкви в пользование». Когда храмы перестали использоваться по своему назначению, это нанесло серьезный урон историко-культурному наследию города. В Спасо-Преображенском соборе открывают пивзавод.

Со строительством промышленного центра Березники в 30-х гг. XX в. Усолье окончательно теряет роль ведущего центра на территории бывшей северной строгановской вотчины.

В наше время г. Усолье – центр Усольского района. Современный мост соединяет его с г. Березники. Замечательный архитектурный комплекс Усо́лья реставрируется, в восстановленных церквях ведутся службы. В усадьбе Голицыных работает филиал Березниковского историко-художественного музея, в палатах Строгановых разместился Усольский краеведческий музей.

Усолье медленно восстанавливает свою былую красоту.

*«...Приобрел здесь туес подделки
весьма искусной...»*

ЧУСОВСКИЕ ГОРОДКИ: ПРОМЫСЛЫ, ТОРГОВЛЯ, МЕДИЦИНА И ОБРАЗОВАНИЕ

В XIX в. в неявном соперничестве Нижнего и Верхнего Чусовских городков лидерство в конце концов завоевал последний.

Верхний Чусовской городок становится центром Чусовской волости. С 1875 г. здесь проживали становой пристав, судебный следователь, мировой судья. В городке концентрировались промыслы, торговля, образовательные и медицинские учреждения.

Так как владельцев Чусовских городков было много: Строгановы, Лазаревы, Голицыны, Бутеро, Всеволожские, – трудно точно соотнести численность населения этих городков (переписи – ревизские сказки – составлялись владельцами в разное время и содержат разрозненные данные). Но, по приблизительным подсчетам, и в количестве жителей лидирует в это время Верхний Чусовской городок.

В связи с затуханием солеваренного производства (как мы уже писали, солеваренные промыслы были ликвидированы в 70–80-х гг. XVIII в.), жителям городков надлежало искать новый источник доходов. Эта проблема не потеряла актуальности и после реформы 1861 г. – с отменой крепостного права. Земли вокруг городков были малопригодны для сельского хозяйства. При получении новых наделов крестьянам предоставлялась возможность брать высший земельный надел, платя высший душевой оброк. Но крестьяне предпочитали брать меньший надел, с меньшим оброком.

На первый план в это время начинают выдвигаться ремесленное производство и кустарные промыслы.

Наибольшее развитие получают кожевенный, бурачный* и рогожно-кулеткацкий промыслы. Только в зиму 1865 г. жители Нижнего

* Бурачный промысел – промысел по изготовлению бураков. Бурак – здесь: берестяной туес с крышкой.

Чусовского городка изготовили около 100 тыс. бураков различной величины. Чусовские бураки из-за чистоты исполнения и даже некоторого изящества, из-за узоров, украшавших стенки, признава-

лись в Пермской губернии лучшими. Они поставлялись в Пермь, Кунгур, Оханск, Осу, Нижний Новгород, Вятку, Царицын.

Не отставали жители городков и в изготовлении рогож и кулей. Готовый товар отправлялся главным образом в губернскую столицу.

Производство рогож было довольно простым и не требовало дорогостоящего оборудования. Главный материал для этого производства – мочало – изготавливали из коры липы. Пользование лесами было бесплатным, и нехватки материалов кустари не ощущали вплоть до начала XX в., когда владельцы лесов стали устанавливать плату за их пользование, а некоторые и вовсе прекратили отпускать лес. Середина – вторая половина XIX в. были пиком рогожного производства в Чусовских городках, а к 1913 г. промысел сократился почти вдвое.

В это время заготовка материала шла несколькими способами: «из половины» – когда кустарь вынужден был половину заготовленного мочала отдавать владельцу леса за право пользования липой; «за попенные» – кустарь выплачивал своеобразную «пеню» за пользование лесом, в среднем материал для производства одной рогожи обходился ему около 7 копеек; примерно такой же получалась стоимость материала при покупке его на базаре.

Кожевенный промысел Чусовских городков связан с фамилией известных предпринимателей Кропачевых. Еще в конце XVIII в. основатель фамилии Александр Иванович Кропачев владел лучшим в уезде кожевенным заводом. Дело продолжили его сын Николай Александрович и внук Павел Николаевич. В 1835 г. Павел Николаевич писал отцу:

«Батюшка, всепокорнейше прошу вас отправить вачеги*, сапоги, шлеи, узды, коты* второй и третий сорт в Пожву. Пимов* прошу шить большую половину с подошвами из сибирских кож, коты шить на большие деревья, я подрядился доставить самой лучшей доброты и большей величины. Шитье как можно умножьте, мне надо котов до пасхи сшить 4 тыс., тюней круглых чтобы было к моему приезду 200 пар. Ежели у вас дуба недостаточно, то прошу отнестись к И. В. Касьянову, он деньги брал в дуб. Прошу всех вообще стараться шить как можно лучше и поуспешнее»**.

Кропачевы поставляли изделия из кожи на Всеволодоблагодатские золотые промыслы и заводы Всеволожских. Годовой оборот их кожевенного производства достигал 30 тыс. рублей. На первой Санкт-Петербургской сельскохозяйственной выстав-

* В а ч е г и – рукавицы с кожаным верхом.
К о т ы, т ю н и – кожаная верхняя обувь, часто надеваемая поверх сапог как калоши.
П и м ы – кожаные сапоги с длинным голенищем шерстью наружу.

** *Воспоминания о Павле Николаевиче Кропачеве протоиерея Евграфа Кудрявцева. – Пермь, 1900. – С. 22.*

ке в 1850 г. Кропачевы удостоены бронзовой медали за выделку черных коровьих кож. В 1866 г. на Пермской сельскохозяйственной выставке Павел Николаевич Кропачев получает золотую медаль за кожи, крестьянскую обувь и ткани лучшего достоинства. Однако уже к 70-м гг. производство кожи на предприятиях Кропачевых сокращается. После смерти Павла Николаевича в 1876 г. производительность его кожевни составляла всего 7 тыс. рублей в год.

Кроме производства Кропачевых, в Чусовских городках и другие жители занимались выделкой шкур. Есть сведения, что в 1883 г. здесь было 9 кожевенных заводов. К тем же Кропачевым шли за опытом: в 1871 г. Соликамская земская управа отдала П. Н. Кропачеву в обучение 4 мальчиков.

В 1887 г. в Екатеринбурге состоялась Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка. В ней принял участие продолжатель династии Кропачевых Павел Павлович. Им были представлены на выставку сапоги, бахилы, коты, ботинки и сыромятные вачеги. К тому времени в кожевном и сапожном заведении Кропачева работали наемных 4 мастера и 8 рабочих, а сбыт его товар находил на заводах Соликамского уезда и местных рынках. Павел Павлович получил почетные отзывы за производство бахил.

Развитие многочисленных кустарных промыслов пагубно влияло на экологию Чусовских городков. Сохранилось описание, составленное в 1885 г. Р. Румом:

«Чусовские городки (имеется в виду Верхний Чусовской городок. – Авт.) расположены вдоль речки Усолки по обоим ее берегам, так как она протекает почти по середине селения. Тотчас после селения Усолка впадает в р. Чусовую, которая оmyвает одну сторону городков. При таком обилии воды естественно, что населению не было никакой необходимости прибегать к колодцам, которых почти нет в деревне. В последнем я убедился, заходя в 12 домов, расположенных в разных местах и более других отдаленных от обеих рек. На вопрос «есть ли колодец и откуда берут воду?» я везде получал один ответ: «колодца нет, воду берем из Усолки».

Поверхность всего селения имеет естественный уклон по направлению к реке, и одно это уже может служить источником загрязнения воды. Кроме того, почва большей части селения Чусовских городков имеет характер кочкового болота, украшенного лужами и озерами, покрытыми зеленью...

Выше селения расположилась водяная мельница, принадлежащая Лазаревым. Ниже селения на той же реке (Усолке. – Авт.) расположена другая мельница, принадлежащая графу Строганову. Эта мельница, так же как и Лазаревская, снабжена плотиною, которою скопляется и оберегается вода, необходимая для движения мельницы. Таким образом, между этими двумя мельницами, т. е. более чем на протяжении всех Чусовских городков, река Усолка является преобразованной в пруд... Берега реки содержатся, как и везде в таких небольших селениях, довольно грязно. В данном случае это имеет особенно

важное значение, так как каждый раз, когда на нижней мельнице увеличивают проток воды, этим падает ее уровень в пруду: все, что накопилось на берегу, переходит в воду... Местные жители-очевидцы, заслуживающие полного доверия, говорят мне, что чуть не на всем течении реки мочится в ней мочало. Хотя я был там в такое время, когда этим обыкновенно не занимаются, однако и мне пришлось видеть в некоторых местах отмачивающуюся в реке кору дерева для мочала. В нескольких местах я встречал вбитые в дно реки колья, назначение которых удерживать мочало...

Наконец вдоль той же Усолки расположено несколько кожевенных заводов, которые удовлетворяют свои значительные потребности в воде из той же Усолки... Сколько мы ни расспрашивали, никто не сообщил нам таких данных, которые давали бы право предположить, чтобы в Чусовских городках вода отводилась куда-нибудь далеко по нарочно устроенной системе труб... Местные жители говорили мне, что сами кожевники утверждают, что нужную им воду они вывозят; но никто не видел этого и не мог указать мне место, куда вода вывозится... Эти же кожевники усыпали местами берег уже бывшим в деле толченым дубильным корьем...

Относительно нижней мельницы радикальным средством к устранению причиняемой ей порчи воды было бы перенесение ее на другое место. Но такое средство едва ли может надеяться на осуществление, так как нелегко вынудить ломку мельницы, в высшей степени доходной»*.

** Рум Р. Материалы для санитарного описания Пермской губернии. – Пермь, 1885. – С. 89–102.*

Как видно, экологические проблемы вставали уже перед нашими предками.

Кустарный промысел в Чусовских городках был прежде всего промыслом семейным, и в редких случаях (как, например, на производстве Кропачевых) в него вовлекались наемные рабочие. Благодаря несложному процессу производства, в нем участвовали женщины и дети. В 76 рогожных мастерских Чусовской волости в 1913 г. работало 237 человек, из них наемными работниками были всего 25. Возраст кустарей колебался от 11 до 55 лет.

Помимо указанных промыслов, в Чусовских городках существовали и другие: столярный, бондарный, дягтярный, гончарный, маслодельный, сапожный, овчинный, кузнечный, посудоклепальный, экипажный, санный, колесный, портняжный. В 1913 г. в Чусовской волости находилось 337 кустарных заведений, на которых трудилось 679 человек.

Известный нам Николай Александрович Кропачев наряду с кожевенным производством занимался добычей жернового и горного камня. На р. Косье он добывал также алебастр и точильный камень. Свою продукцию Кропачев сбывал на уральских заводах. В 1851 г. он поставил в Сивинское хозяйство Всеволожских огнеупорную глину, в 1853 и 1856 гг. – 50 тыс. пудов алебастра для штукатурки церкви в Пожевском заводе, в 1866 г. для Всеволодо-

вильвенского завода – более 10 тыс. пудов горнового камня и столько же в 1873 г. для Кувинского завода.

В 1863 г. Кропачев заключил договор на поставку крупного камня для строительства наковален Мотовилихинского завода. Всего требовалось 36 камней, каждый весом до 12 тонн. Можно представить, какие сложности были при доставке этих камней, ведь используемой ныне техники – кранов и бульдозеров – в то время не существовало. Подходящий камень окапывали вручную, раскалывали его с помощью клиньев. Добыча камня производилась на расстоянии около 2 км от реки, для его доставки сооружался специальный помост из бревен. Камни тянули на веревках. Несмотря на тяжелые условия, Кропачев выполнил условия договора.

Известно, что и прочие крестьяне Верхнего Чусовского городка изготавливали и поставляли жернова для мельниц Пермского и Кунгурского уездов.

Река Чусовая издревле была судоходной. Для прохождения груженых товарами судов требовались опытные люди, знавшие особенности дна реки, – лоцманы. Добрая половина жителей Чусовских городков участвовала в сплаве судов, изредка также нанимаясь и рабочими на барки (такие рабочие зарабатывали мало, поэтому и желающих было немного).

В Чусовских городках изначально развивалась торговля – об этом говорят грамоты и описи XVI–XVIII вв., а также документы и свидетельства XIX – начала XX в.

Известно, что с середины XIX в. в Верхнем Чусовском городке проходило три ярмарки: Прокопьевская (с 7 по 10 июля), Казанская (с 22 по 25 октября) и Рождественская (с 24 по 27 декабря). Устраивались также еженедельные воскресные торжки. Годовой оборот этих ярмарок и торжков составлял около 120 тыс. рублей. Торговали мануфактурой, бакалейными товарами, галантереей, чаем, сахаром, мясом, хлебом, а также всем, что производилось в Чусовских городках.

В 70-е гг. XIX в. в селении насчитывалось более полусотни торговых лавок. Больше всего лавок принадлежало Григорию Новожилову (5), Павлу Кропачеву (3), Ивану Мельникову (3), Гавриле Хабееву (2). Торговали и спиртными напитками: питейные заведения держали вдова Татьяна Пономарева, купец Михаил Бизунов, Павел Кропачев и Григорий Новожилов. Склады спиртного находились в Нижнем Чусовском городке, в домах графини Строгановой и графа Шувалова.

Необходимость поддерживать кустарное производство и торговлю привела к тому, что в 1876 г. в городках было создано Чусовское кредитное товарищество. По данным на 1908 г., в нем было зарегистрировано 250 членов, основной паевый капитал его составлял 22 368 рублей, запасной – 2 351 рубль.

В конце XIX – начале XX в. в Чусовских городках возникает Верхнечусовское общество потребителей. В 1908 г. в нем состояло 143 члена. Своей целью общество ставило, как гласил его устав, *«доставление своим членам по возможно дешевой цене или по умеренным рыночным ценам различных предметов потребления и домашнего обихода и предоставление своим членам возможности [вести] свои производственные предприятия самостоятельно или совместно с другими коммерческими организациями»**.

** Южаков О. Из истории Чусовского края: Люди. Факты. События. – Чусовой, 1999. – С. 13.*

* * *

Начиная с середины XIX в. в Чусовских городках стали появляться первые учебные заведения. 10 января 1849 г. в Верхнем Чусовском городке было открыто духовное приходское училище. В 1861 г. Павел Николаевич Кропачев пожертвовал для него деревянный дом и предоставил все учебные принадлежности. В 1871 г. появились еще два приходских училища: в Верхнем Чусовском городке – женское, в Нижнем – мужское. В 1874 г. Верхнечусовское училище преобразовано в двухклассное. Постановлением Пермского уездного земского собрания в 1875 г. были утверждены попечители народных училищ: в Нижнечусовском им стал Семен Григорьевич Симанов, в Верхнечусовском – Павел Николаевич Кропачев.

Всего в 1875/76 учебном году в Чусовских городках обучалось 39 девочек и 46 мальчиков.

Кроме обычных предметов, изучаемых в приходских училищах, в верхнечусовских двухклассных училищах преподавали переплетное, токарное и столярное ремесла в мужском, рукоделие в женском. На Сибирско-Уральской выставке 1887 г. присутствовали экспонаты инспекции народных училищ Пермской губернии. Верхнечусовские училища представили ученические работы по русскому языку, чистописанию, черчению и рисованию, по столярному и переплетному делу, рукоделию.

В 1900 г. в Верхнем Чусовском городке работали две школы: двухклассная министерская и земская женская. Примечательно, что в школах в учебном процессе использовались и новейшие дости-

жения техники (например, при помощи прототипа современного диа-скопа экспонировались «световые картины»). В 1909 г. при двух-классном училище был организован специальный ремесленный класс. Там обучалось 18 человек столярно-токарному ремеслу.

В 1897 г. в здании волостного правления в Верхнем Чусовском городке открылась читальня. Читальню посещали крестьяне окрестных деревень. Наибольшим спросом пользовались газеты, из которых можно было узнать общегосударственные новости.

В 1881 г. Павел Николаевич Кропачев передал безвозмездно для больницы деревянное здание. Однако вскоре оно пришло в ветхость, и уже в 1888 г. в Верхнем Чусовском городке была открыта новая лечебница. Лечебница обслуживала достаточно обширную округу: в Чусовской врачебный участок входило 420 селений с числом жителей более чем в 33 тыс. человек. Впрочем, кроме Верхнечусовской лечебницы, на местах открылись еще 5 фельдшерских пунктов.

За пользование медицинскими услугами крестьяне платили деньги – по 5 копеек за каждый выдаваемый рецепт. Это было дорого, и в начале XX в. «пяточки» – так называли плату – отменили.

В Верхнечусовской больнице было два отделения: родильный покой и «заразное», то есть инфекционное.

В 1901 г. волостной сход принял решение в честь 40-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости построить богадельню.

До Октябрьской революции планировалось открыть в Верхнем Чусовском городке почтовое отделение. Однако из-за недостатка средств открытие отделения задерживалось, а потом грянула революция, и прежние планы сменились новыми.

* * *

С начала XX в. Чусовские городки постепенно приходят в упадок. Кустарные промыслы уже не могут конкурировать с крупным фабричным производством, другие населенные пункты в Пермской губернии выходят на первый план. Разразившаяся революция и Гражданская война также не могли способствовать развитию городков. Лишь в 1929 г. происходит событие, позволившее на некоторое время всколыхнуться в них экономической жизни.

16 апреля 1929 г. на окраине с. Верхнечусовские Городки геологи под руководством профессора Пермского университета П. И. Преображенского во время исследования Пермского соляного поля

обнаружили нефть. Верхнечусовское было первым месторождением нефти, открытым в Пермском крае.

В селе заработали нефтяные насосы. В 1929 г. была проведена железнодорожная ветка Комарихинская – Урал-Нефть. В 1931 г. Верхнечусовские Городки получили статус рабочего поселка.

Однако после того, как нефтяные скважины иссякли, процесс затухания бывшего строгановского поселения возобновился.

В середине XX в., после строительства Камской ГЭС, волны рукотворного моря почти полностью затопили Нижний Чусовской городок, оставив на поверхности лишь небольшой островок.

Верхнечусовские Городки были перенесены на другой берег, и на месте древнего селения остались только здания промышленных построек и небольшой ряд домиков-дач. Здания, выстроенные Строгановыми, а также принадлежащие церкви, были снесены.

*«А где будут найдут руду серебряную
или медную или оловянную...
тех руд не делати без нашего ведома»*

ГОРНЫЕ ЗАВОДЫ СТРОГАНОВЫХ

В первой четверти XVIII в. реформы Петра Великого разбудили Урал, который за короткое время становится основной кузницей страны, позволившей одержать победу над Швецией в долговременной Северной войне 1700–1721 гг. В этот период на восточном склоне Уральского хребта, именно в тех районах, куда стремились Строгановы в XVI в., появляется новый клан предпринимателей – Демидовы. На основе старых казенных и вновь открытых заводов они создают мощную для того времени горнозаводскую промышленность. На восточном склоне Урала предприимчивые Демидовы обязаны были сыграть такую же роль, как в свое время Строгановы в Прикамье.

Почему же не Строгановы стояли у истоков горнозаводской черной металлургии Урала? При освоении ими территорий, относящихся к западному склону Урала, правительством Ивана IV в жалованной грамоте 1558 г. было поставлено суровое условие:

«А где будут найдут руду серебряную или медную или оловянную, и Григорью тотчас о тех ему рудах отписывати к нашим казначеям, а самому тех руд не делати без нашего ведома».

В связи с тем что в солеварении постоянно использовалось листовое железо, у Строгановых наверняка было налажено железоделательное производство. Производство это, впрочем, не носило развитого промышленного характера и было направлено только на обеспечение нужд вотчинного хозяйства.

Строгановы на протяжении долгого времени, до 1726 г., не занимались развитием металлургической промышленности. Это связано с тем, что в XVII в. металлургические заводы находились в казенном государственном владении, так как производство меди и железа было государственной монополией.

В пределах северной вотчины Строгановых в 1634 г. возникает первый в России казенный медеплавильный завод – Пыскорский на р. Камгортке, где работали наемные мастера из Москвы и других городов страны. Однако в конце 40-х гг. XVII в. он закрылся из-за истощения руд.

Петр I не разрешил Строгановым организовывать горнозаводское дело на западном склоне Урала, хотя в их вотчинах имелось для этого все. Считал ли Петр, что Строгановым достаточно и тех прибылей, которые они имеют, или полагал, что Пермский край был, по сравнению с восточным склоном Урала, более освоен, но он решил в этом регионе возводить только государственные заводы и в 1720 г. послал на Урал В. Н. Татищева.

Между В. Н. Татищевым и Строгановыми немедленно возникает конфликт. Солепромышленники были никак не заинтересованы в открытии Пыскорского завода и организации поиска рудных богатств на их землях. И этому было объяснение: под строительство заводских центров, а затем растущих с ними рядом поселков и городов государство конфисковывало вотчинные земли. По подсчетам А. Ф. Воегова, к 1850 г. Строгановы потеряли треть своих земельных владений: часть их ушла под строительство Егошихинского (1723 г.) и Мотовилихинского (1738 г.) заводов и затем была поглощена губернским городом Пермью. Кроме этого, на землях строгановских вотчин под непосредственным руководством В. Н. Татищева были организованы Висимский (1736 г.) и Сылвенский (1739 г.) казенные заводы. Строгановы вынуждены были терпеть государственное вмешательство в сферу своих частных интересов. Тем более у них были серъ-

езные противоречия с фаворитом императрицы Анны Иоанновны герцогом Бироном.

Однако когда императрица Елизавета Петровна казенные заводы, расположенные на бывших вотчинных землях, стала раздаривать своим приверженцам – Воронцовым, Чернышевым и Шуваловым, – Строгановы вынуждены были вступить в борьбу за имущественные права, что породило длительные тяжбы между титулованными заводчиками Урала. Кроме того, в бассейн р. Сылвы начинают проникать предприимчивые Демидовы, оттесняя Строгановых с западного предгорья Урала.

Естественно, в это время Строгановы стремятся к организации металлургического производства и получению государственных заказов. Соляные месторождения стали иссякать и не давали уже такой значительной прибыли, как раньше. В то же время Строгановы видели, как быстро расширяется производство Демидовых.

После смерти Петра I Строгановы в своей северной вотчине, недалеко от Орла-городка, строят в 1726 г. медеплавильный Таманский завод. В 1774 г. он был остановлен в связи с истощением рудных запасов. В 1734 и 1748 гг. в вотчинах возводятся и первые железоделательные заводы: Билимбаевский и Юго-Камский.

Впоследствии возникают Кусье-Александровский (1751 г.), Добрянский (1752 г.), Пожевской (1756 г.), Очерский (1760 г.), Чермозский (1765 г.) и другие заводы. Однако многие из них потом, в результате раздела наследства А. Г. Строганова, а также последующих продаж, попали в руки других владельцев: князей Шаховских, Голицыных, дворян Всеволожских, выходцев из Персии Лазаревых. Эти заводы имеют свою интересную историю, но уже не связанную со строгановским присутствием в этих местах.

К началу XIX в. в вотчинном владении Александра Сергеевича Строганова оставалось только три завода: Билимбаевский, Очерский, Добрянский. Столько же предприятий было в собственности Сергея Григорьевича Строганова: заводы Кыновский, Елизавето-Нердвинский, Екатерино-Сюзьвенский.

Первым железоделательным предприятием в вотчине Строгановых стал Билимбаевский завод, в 1733 г. основанный в верховьях р. Чусовой, на ее притоке р. Билимбаихе. Он возник как передельный и служил для поставки железных изделий на солеваренные промыслы. Однако из-за того, что завод располагался в верховьях Чусовой, сбор воды в заводском пруду был невелик, и со второй половины века предприятие действует как чугуноплавильное.

В 1811 г. на Билимбаевском заводе было две домны высотой до 11 м, которые располагались у плотины и имели в ней отдельные ларевые прорезы. Подобное расположение доменных печей давало возможность более эффективно использовать водную энергию для привода в действие воздуходувных мехов. В 1842 г. произошла реконструкция производства, были возведены две более мощные доменные печи. Производительность выплавки чугуна на заводе увеличилась со 117 тыс. до 400 тыс. пудов. В середине XIX в. Билимбаевский завод занимал среди других металлургических предприятий Урала пятое место. В 1817 г. предприятие вошло в майорат графов Строгановых. Ныне бывшее строгановское предприятие входит в состав Первоуральского трубного завода, который находится на территории Свердловской области.

Также в верховьях р. Чусовой Николаем Григорьевичем Строгановым в 1761 г. создан Кыновский железоделательный завод, имевший неподалеку рудные месторождения. Рядом с заводом возникло поселение Кын, которое до начала XX в. было центром Кыновской округи пермского имения Строгановых.

В 1783 г. сын Н. Г. Строганова барон Александр Николаевич Строганов возводит на р. Нердве, левом притоке Обвы, Elizaveto-Nerdvinskii завод (ныне с. Нердва Карагайского района Пермской области). Первую часть своего наименования он получил в честь малолетней дочери Александра Николаевича Elizavety. Elizaveta Александровна впоследствии станет женой известного мецената, заводчика Николая Никитича Демидова.

Завод имел пруд, который разлился в пойме р. Нердвы на площади до 7 кв. км. Производительность предприятия была низкая – около 50 тыс. пудов железа в год (начало XIX в.). Завод делал *полицы* – железные листы для солеварных цренов – и якоря для грузовой речной флотилии Строгановых. На территории предприятия располагались пильная и мучная мельницы, три склада для готовой продукции, два амбара и две кузницы. К заводу примыкало жилое поселение, где, судя по ревизии 1794 г., жили мастеравые и работные люди с семьями, числом до 800 человек. Поселение состояло из 158 дворов. Здесь же находились три господских дома, контора и деревянная церковь. В 1817 г. при заводе была открыта двухклассная школа, где обучали детей мастеровых и работных людей. В 1821 г. наследник А. Н. Строганова барон Григорий Александрович принял решение закрыть завод. Правда, в 1829 г. на нем было восстановлено якорное производство. Но

действовало предприятие недолго и окончательно остановлено в 50–60-х гг. XIX в.

Еще один завод барон Александр Николаевич Строганов возвел в 1789 г. на р. Сюзьве, правом притоке Камы. Он получил наименование Екатерино-Сюзьвенский в честь Екатерины, младшей дочери владельца. Предприятие имело цех с двумя доменными печами. Руда для производства железа поступала из Кыновского рудника, расположенного в восточной части вотчины А. Н. Строганова. На заводе имелся также мощный кричный цех с пятью молотами. Предприятие производило продукцию для собственных нужд и для продажи на местных рынках. В поселении при заводе жили мастера и работные люди числом до 400 человек, по ревизии 1794 г. В поселке было 109 домов, где жили заводские люди. Кроме того, здесь находились деревянный храм, три господских дома, контора и конюшенный двор. К заводу было приписано более тысячи крестьян из близлежащих деревень. Здесь так же, как на Елизавето-Нердвинском заводе, проводилось двухлетнее бесплатное обучение местных мальчиков. Их обучали элементарной грамоте отставной солдат и дьячок местной церкви. В 1823 г. завод был закрыт бароном Г. А. Строгановым. На заводской плотине по его распоряжению была построена крупная мельница, которая производила до 60 тыс. пудов муки в год. На месте завода развивается с. Григорьевское, ставшее центром волости.

Наиболее интересны нам два строгановских завода, которые сыграли роль градообразующих и входили в состав майората графов Строгановых, – Добрянский и Очерский.

Добрянский завод был возведен в 1754 г. С. Г. Строгановым в приустьевой части р. Добрянки, левого притока Камы. Предприятие имело комбинированное производство: здесь плавилась медь и изготовлялось железо. Для изготовления меди использовались местные рудные источники. Чугун для переделки его в железо поступал сплавом по р. Чусовой из Билимбаевского завода.

Предприятие имело широкий пруд с высокой плотинной. Через прорез плотины вода мощным потоком попадала на огромные деревянные водоналивные колеса, которые приводили в движение воздуходувные мехи для нагнетания кислорода в доменные печи.

В 1830 г. из-за низкого содержания медной руды в камских песчаниках медеплавильное производство на Добрянском заводе было прекращено. Предприятие полностью перешло на железоделательное производство. К концу XIX в. завод выпускал до 74 тыс.

пудов железа. Предприятие в первую очередь обеспечивало своей продукцией деятельность соляных промыслов. Часть железа отправляли в Санкт-Петербург. Сохранились сведения, что добрянское железо в 60-х гг. XVIII в. использовалось при строительстве Новодевичьего монастыря в Москве и Зимнего дворца в Петербурге. Не исключено, что и при создании величественного дворца Александра Сергеевича Строганова в Санкт-Петербурге не обошлось без продукции Добрянского завода.

К концу XVIII в. рядом с заводом вырос обычный уральский поселок. Вокруг завода на берегах пруда разместилось около 300 обывательских усадеб, в которых проживало приблизительно 500 человек. Как обычно для периода крепостного права в России, к заводу было приписано свыше тысячи крестьян, обитающих в близлежащих деревнях. Они обязаны были обслуживать производственный цикл завода, поставляя древесный уголь, дрова и руду.

Около заводской плотины находился деревянный храм Рождества Божьей Матери с приделом святого Николая, возведенный в 60–70-е гг. XVIII в. К церкви примыкало здание больницы для рабочих людей. Рядом располагалась заводская контора. В шести господских домах жил управленческий персонал.

В первой половине XIX в. наблюдается значительный рост Добрянского завода и поселка при нем. В их развитие огромные средства вкладывала жена графа Павла Александровича Строганова Софья Владимировна (урожденная княжна Голицына). С. В. Строганова в 1825 г. распорядилась о строительстве рядом с Добрянским заводом еще одного предприятия, получившего в ее честь название Софийский. Органично этот завод объединялся с Добрянским в единый производственный комплекс.

В создании архитектурного комплекса Добрянского завода и поселка плодотворно участвовали крепостные зодчие Строгановых Иван Петрович Тунев (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.) и его старший сын Семен Иванович Тунев (1817–1879). И. П. Тунев возводил на площадке Добрянского завода корпуса цехов, а его сын украсил в 1852 г. Добрянку каменным храмом Рождества Богородицы. Помимо жилых домов, на площадке предприятия он построил корпуса кузнечного и слесарного цехов, якорную кладовую и сливной мост.

С середины XIX в. на Добрянском заводе нашли широкое применение новые методы производства железа. Активное использование паровых машин значительно увеличило выпуск продукции.

К 1860 г. с начала основания завода его производительность выросла в 7 раз. Железо Добрянского завода находило хороший сбыт на просторах Российской империи. Продукция предприятия была известна на Кавказе, хорошо реализовывалась на Нижегородской ярмарке. Добрянский металл использовался при строительстве Московской железной дороги.

В период реформ 60–70-х гг. XIX в. Добрянский завод не потерял своего значения и продолжал производить конкурентоспособную продукцию, одновременно развивая на предприятии новые технологии. Управляющим Добрянским заводом П. И. Сюзовым (1837–1893), выходцем из крепостных Строгановых, были созданы новые усовершенствования для прокатки листового железа, шли опытные работы по выплавке железа непосредственно из рудного сырья. На предприятии начинают производить художественное чугунное литье. Высоким качеством отличалось корабельное и котельное железо.

В XX век Добрянский завод вступил как значительный центр машиностроения Урала. На нем открывается производство молотов, котлов, турбин и деталей паровых машин. Важной вехой в истории завода явился спуск в 1911 г. на камскую воду построенного на нем первого буксирного теплохода.

Добрянка становится и одним из крупнейших заводских поселков Урала. Население достигает 7,5 тыс. человек. К крупному промышленному центру подтягивалась сельская округа, из которой поставлялась в поселок продукция сельскохозяйственного производства. Крестьяне привозили муку, зерно, мясо, овчину и различные кожевенные материалы. Два раза в год в Добрянке проходили ярмарки – Сретенская (2 февраля) и Богородицкая (8 сентября), – где, наряду с разнообразной сельскохозяйственной продукцией, продавались мануфактурные товары.

В заводском поселке значительное развитие получили ремесла: кузнечное, хлебопекарное, кожевенно-сапожное, столярное. На высокую покупательную способность жителей Добрянки указывают 64 торговые лавки, которые обслуживали население.

Как и в других заводских поселках Строгановых, в Добрянке в 30-е гг. XIX в. была школа. У ее истоков стоял выпускник Санкт-Петербургской горнозаводской школы Василий Алексеевич Волегов, приказчик Добрянского завода. В 1834 г. он разработал проект организации двухклассной школы для мальчиков и представил его графине С. В. Строгановой. 9 ноября 1835 г. школа была офи-

циально открыта, получив статус приходского училища, в честь графини названного Софийским. Учащиеся находились на полном и частичном иждивении Строгановых, которые оплачивали и труд учителей. Талантливые выпускники Софийского училища продолжали свое образование в Петербургской горнозаводской школе, Московской земледельческой школе и других учебных заведениях. Впоследствии в Добрянке были открыты земское женское трехклассное, два земских одноклассных и церковно-приходское училища.

На рост культурного уровня служащих и рабочих Добрянского завода сильное воздействие оказывал самодеятельный театр, организованный в 60-е гг. XIX в. и активно действовавший в 1870–1880 гг.

В советское время продолжилось промышленное и культурное развитие поселка, жизнь которого была неразрывно связана с металлургическим заводом, созданным Строгановыми. Во время Великой Отечественной войны пос. Добрянка Указом Президиума Верховного Совета СССР был преобразован в город районного подчинения.

В настоящее время в современном городе Добрянке сохранились только островки строгановского мира в виде храма Рождества Богородицы, Свято-Митрофановской церкви, зданий заводской конторы, приходского двухклассного училища и других памятников архитектуры XIX в. В середине 50-х гг. Камским водохранилищем был затоплен строгановский Добрянский завод с его яркими памятниками промышленной архитектуры Урала.

Градообразующим стал и Очерский завод. Предприятие было основано А. С. Строгановым в 1761 г. на р. Очер, правом притоке Камы, для переделки чугуна, поставляемого из Билимбаевского завода, в железо.

В 1759 г. в ходе строительства предприятия на р. Очер возводят плотину в виде земляной насыпи, обложив ее дерном со стороны мокрого откоса и укрепив подпорной деревянной стеной со стороны сухого. В плотине для пропуска воды делали два-три прореза, или канала. Один прорез служил для пропуска внешних вод, остальные были рабочими (ларевыми).

По предписанию А. С. Строганова, для строительства завода на Очер переведено 1107 крепостных из Добрянки, Усолья и Слудки. На площадке предприятия были возведены два деревянных корпуса для кричного производства с семью горнами, семью молотами, клинчатыми мехами при каждом горне, кузница с горнами, служеб-

ные и жилые постройки. 17 июля 1761 г. завод дал первую продукцию.

Завод активно развивался. К 1778 г. на его площадке появились еще два кричных корпуса. Количество молотов на предприятии увеличилось до двенадцати. Кроме того, построили якорную фабрику с двумя горнами. По описанию Очерского завода за 1797 г., на предприятии было «занято 625 мастеровых людей».

Несмотря на то что Очерский завод находился в периферийной юго-восточной части вотчины А. С. Строганова, значительно удаленной от Камы и от рудного сырья западных, предгорных районов Урала, что могло повлиять на рентабельность производства, изготовление пуда железа обходилось заводчику примерно в 20 копеек. По данным Ф. А. Волегова, рыночная цена пуда железа в конце XVIII в. варьировалась от 1 рубля 50 копеек до 1 рубля 80 копеек. Таким образом, А. С. Строганов получал прибыль до полутора рублей на пуд произведенного железа. Во второй половине XVIII в. производительность Очерского завода составляла 70 тыс. пудов в год. Отсюда годовая прибыль графа только от одного железоделательного завода выливалась в огромную сумму – 105 тыс. рублей. Для сравнения, Екатерине II содержание Петергофского дворца в течение шести лет обходилось в 180 тыс. рублей. Недаром императрица, по словам историка Е. П. Карновича, говорила о графе А. С. Строганове и его современнике богаче Л. А. Нарышкине: *«Два человека делают все возможное, чтобы разориться, и не могут»*. Однако высокая прибыльность Очерского завода достигалась за счет дешевого крепостного труда.

В 1771 г. граф А. С. Строганов, постоянно нуждавшийся в деньгах, сдал свою долю наследства, включая и Очерский завод, в аренду на шесть лет за 240 тыс. рублей армянскому выходцу из Персии гоф-ювелиру И. Л. Лазареву (Лазаряну). При этом в качестве предоплаты за аренду И. Л. Лазарев обязался выплатить *«долгов по сообщенному от меня, Графа Строганова, реестру по разным векселям и счетам в нынешнем 1771 году 100 тысяч рублей без процентов, а выкупив в тех долговых суммах вексели и счета, объявить мне, Графу Строганову»*.

Во время крестьянского движения 1773–1774 гг. Очерский завод достаточно близко *«находился в опасности от самозванца Емельки Пугачева, блуждавшего около пригорода Осы и дворцового села Сарапула»*.

13 января 1774 г. контора Очерского завода сообщила соликам-

скому воеводе и Ильинскому правлению А. С. Строганова о том, что Очеру *«предвидится крайняя опасность»*. Для защиты Очерского острожка и Очерского завода был послан вооруженный отряд под руководством И. Вологодина. Вокруг завода в спешном порядке возводился острог.

Для организации борьбы с восставшими в Очерский острожек выезжал управляющий В. Волегов, который оказывал посильную помощь Осе, Воткинскому заводу. По данным В. Волегова, строгановские отряды участвовали в карательной экспедиции по р. Тулве.

Напуганные движением крестьян и работных людей, Строгановы вынуждены были пойти на исполнение государственного манифеста от 21 мая 1779 г., в котором предписывалось *«умножить платеж за работы... вдвое противу старого платежа»*. Соответственно себестоимость производства железа на Очерском заводе возросла на 75–91 копейку за пуд.

Снижение прибыли вынуждало Строгановых переходить к внедрению на предприятиях новых технологий, к рациональному использованию труда работных людей и приписных крестьян. В 1840 г. к реконструкции приступают владельцы Очерского завода. Архитектор Алексей Зиновьевич Комаров, выпускник Академии художеств, спроектировал новые каменные цехи заводов. В 1844 г. строительство всего комплекса каменных зданий было закончено. Здания цехов, созданные по проектам А. З. Комарова, сохранились до сих пор и, по заключению историка архитектуры Урала Н. С. Алферова, являются прекрасными образцами промышленного зодчества Урала первой половины XIX в. В первой трети XIX в. на Очерском заводе появился новый цех по производству художественных изделий из черного металла (подносов, шкатулок, декоративных столов).

К 1860 г. производительность завода выросла по сравнению с 1770 г. почти в 4 раза и достигала 273 тыс. пудов в год.

Во второй половине XIX в. темпы развития предприятия начинают замедляться. В 1911 г. в результате общего упадка строгановского хозяйства завод был закрыт.

Рядом с предприятием активно развивался жилой поселок, в котором в XVIII в. обитало до 800 человек. Помимо обывательских усадеб здесь находились господские дома. В 1763 г. в Очерском заводском поселке возводится *«графская приезжая квартира»*, которая до 1794 г. была единственным каменным зданием. Может быть, именно в нем останавливался во время посещения пермских вотчин в 1784 г. юный граф Павел Александрович Строганов. Бу-

дучи в Париже, П. А. Строганов был увлечен идеями Великой французской революции и принял псевдоним Поль Очер, созвучный с названием населенного пункта своей далекой пермской вотчины.

В конце XVIII в. в поселке был возведен еще один каменный дом, в котором с 1802 г. размещалась квартира заводского приказчика А. Ф. Прядильщикова. Три комнаты в этом здании использовались как «приезжая квартира» для высоких персон из Ильинского и Петербурга. В 1843 г. по указанию С. В. Строганова крепостным А. В. Майоровым была произведена перестройка вестибюля этого здания.

В 1830 г. заложена Михайло-Архангельская каменная церковь, которую проектировал Санкт-Петербургский архитектор Граматчиков, ученик Воронихина. Руководил строительством храма все тот же А. В. Майоров.

В создании архитектурного ландшафта Очерского завода и поселения участвовали различные архитекторы, среди которых А. З. Комаров, К. А. Сидоров, И. П. и В. И. Туневы. Именно благодаря им был составлен генеральный план реконструкции Очера.

Поселок Очер в первой половине XIX в. имел прямоугольную систему улиц. В его пределах находилось две площади: центральная (предзаводская) с храмом и торговая, на которой располагались торговые ряды и склады.

В 1897 г. в Очере жило 4715 человек. Однако изношенность оборудования, отсутствие денежных вливаний в реконструкцию завода привели к тому, что из работоспособных мужчин только 39% было занято на производстве, да и то люди работали укороченные смены.

С закрытием цехов Очерского завода в 1911 г. жизнь в поселке замерла. В 1912 г. Оханское уездное земство, чтобы исправить положение, взяло в аренду у Строгановых механический цех для производства сельскохозяйственных машин и орудий.

В советское время на базе строгановского завода развивается Очерский машиностроительный завод, ныне связанный с производством нефтяного оборудования.

В 1950 г. заводской поселок стал городом Очером.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ПЕРМСКОЙ ВОТЧИНЫ СТРОГАНОВЫХ

- ✓ **1558, 4 апреля** – грамота царя Ивана Васильевича Анике Строганову о пожаловании пустых мест по Каме от устья Лысьвы до устья Чусовой.
- ✓ **1558** – строительство Канкора – Пыскора.
- 1560** – основание Пыскорского монастыря.
- ✓ **1564** – строительство Кергедана – Орла-городка.
- ✓ **1565** – дарование митрополитом Всея Руси Афанасием Григорию Аникиевичу права проводить христианизацию коми-пермяцкого населения вотчины.
- ✓ **1566** – вхождение земель Строгановых в состав опричнины.
- ✓ **1568, 25 марта** – грамота царя Ивана Васильевича об увеличении строгановских владений по Каме и Чусовой. Разрешение на строительство городков по Чусовой.
- ✓ **1568** – основание Нижнего Чусовского городка.
- 1570** – перевод гарнизона и жителей Канкора-Пыскора в Орел-городок. Передача Пыскора Спасо-Преображенскому монастырю.
- ✓ **1570** – основание Сылвенского и Яйвинского острожков.
- 1572, 15 июля** – «побиение» русских торговых людей возле Пыскора и Орла-городка.
- 1572** – прибытие для «иноческих подвигов» из Орла-городка на Чусовую Трифона Вятского.
- 1572** – нападение «пелымского князя» Бегбелея на Нижний Чусовской городок.
- 1573, июль** – нападение на Нижний Чусовской городок Маметкула.
- 1573** – набег Бегбелея на Чердынь, Сылвенский и Яйвинский острожки, Нижний Чусовской городок.
- ✓ **1579** – первая перепись пермских владений Строгановых И. Яхонтовым.

- 1579** – изгнание Трифона Вятского с Чусовой.
- 1580** – набег на уральские земли мурзы Бегбелея.
- 1581** – набег «пелымского князя» Алегирима на земли Семена и Максима Строгановых.
- 1582, 1 сентября** – начало похода сибирской экспедиции Ермака.
- 1582, сентябрь** – нападения «князя пелымского» Алея на вотчины Строгановых и Чердынь.
- XVI в., вторая половина** – возникновение изразцового производства в Орле-городке. Начало формирования в пермской вотчине строгановского собрания книг.
- 1597, 7 апреля** – получение Никитой Григорьевичем земель с реками Сюзьвой, Очером и Ошапом.
- 1597** – первое упоминание об Ильинском (погост Обва).
- 1597** – строительство Очерского острожка.
- 1606** – возникновение слободы Новое Усолье.
- 1610** – Строгановы получают титул «именитых людей» и право именоваться с «вичем».
- 1610** – установка купцами Шустовыми и Филатьевыми рассолоподъемных труб на Ленве.
- 1615, 15 сентября** – Андрей и Петр Семеновичи Строгановы получают земли по р. Ошاپ до р. Тулвы.
- 1615** – дозорная книга Д. Змеева.
- 1616** – возникновение Верхнего Чусовского городка.
- XVII в., начало** – смещение русла р. Камы, подтопление Орла-городка.
- 1623–1624** – перепись строгановской вотчины проводит М. Кайсаров.
- 1629, весна** – крупнейший паводок, подмывший восточные укрепления Орла-городка.
- 1634** – строительство Пыскорского медеплавильного завода.
- 1642** – перепись Ф. Чемезова.
- 1645, 22 июня** – пожар в Пыскорском Спасо-Преображенском монастыре.
- 1645** – разрешение каменного строительства в Пыскоре.

- 1647** – перепись П. Елизарова.
- 1649** – закрепление в Соборном уложении особого статуса Строгановых.
- 1651** – освящение каменной церкви Николая Чудотворца в Пыскоре.
- 1666–1668** – написание первого светского романа «Повесть о Савве Грудцыне», действие которого происходит в Орле-городке.
- 1674** – возникновение соляных промыслов в Дедюхине (Рождественском Усолье).
- 1678** – перепись князя Бельского.
- 1680, весна** – паводок, затопивший Орел-городок. Начало массового переноса строений на место современного поселка Орел.
- 1680–1715** – перенос церквей Орла-городка на правый берег р. Камы.
- 1688** – освящение церкви Живоначальной Троицы в Ленве.
- XVII в.** – строительство в Усолье первой каменной часовни Спаса Убруса.
- 1701** – перепись К. Цезырева Зырянских промыслов.
- 1702** – переход Ильинского во владения Строгановых.
- 1715** – составление «Ландратской переписи» с описанием Ильинского.
- 1722** – Строгановы получают баронский титул.
- 1724** – возведение каменных палат Строгановых в Усолье.
- 1724–1731** – строительство Спасо-Преображенского собора в Усолье.
- 1726** – строительство Таманского завода.
- 1734** – основание Билимбаевского завода.
- 1735** – завершение строительства церкви Похвалы Богородице на месте современного поселка Орел.
- 1737, 7 октября** – пожар в Усолье.
- 1742** – строительство Богоявленской церкви в Нижнем Чусовском городке.
- 1748** – строительство Юго-Камского завода.
- 1751** – строительство Кусье-Александровского завода.
- 1752** – строительство Добрянского завода.

- 1753, июнь** – пожар в Усолье.
- 1755** – перенос Пыскорского монастыря на р. Лысьву.
- 1756** – строительство Пожевского завода.
- 1760** – строительство Очерского завода.
- 1761** – Александр Сергеевич Строганов получает титул графа Священной Римской империи.
- 1761** – строительство Кыновского завода.
- 1765** – строительство Чермозского завода.
- 1768, 23 апреля** – пожар в Усолье.
- 1771** – перенос в Ильинское Главного правления имений.
- 1773** – строительство каменной церкви во имя Рождества Христова в Верхнем Чусовском городке.
- 1775, 13 июня** – пожар в Усолье.
- 1775** – перенос Пыскорского монастыря с р. Лысьвы в г. Соликамск.
- 1781–1794** – перенос Спасо-Преображенского монастыря из Соликамска в Пермь.
- 1783** – строительство Елизавето-Нердвинского завода.
- 1798** – Александр Сергеевич Строганов получает титул графа Российской империи.
- XVIII век, конец** – начало продаж части имений Строгановых другим владельцам.
- 1809, 6 июля** – пожар в Усолье.
- 1813–1820** – строительство Никольского храма в Усолье.
- 1815–1818** – строительство дома Голицыных в Усолье.
- 1817, 11 августа** – Акт о нераздельности заповедного имения Строгановых.
- 1842, 9–11 мая** – пожар в Усолье.
- 1915** – первые археологические исследования П. С. Богословским территории Пыскорского монастыря.
- 1918** – Усолье получает статус города.
- 1943** – Добрянка получает статус города.
- 1950** – Очер получает статус города.
-

СИСТЕМА ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЯ, МЕР И ДЕНЕЖНОГО СЧЕТА

1. Календари.

До 1700 г. на Руси летоисчисление велось по византийской традиции от сотворения мира. Для того чтобы перевести дату «от сотворения мира» в дату «от рождества Христова», то есть в современное летоисчисление, необходимо из полной даты «от сотворения мира» вычесть 5508. При этом следует учитывать, что Новый год до петровской реформы отмечался 1 сентября, поэтому при переводе даты надо обращать внимание и на месяц, указанный в древнем документе.

Также следует помнить, что в древних документах даты определяются по юлианскому календарю, или, другими словами, «по старому стилю». Эта поправка действует начиная с 1582 г. – времени введения григорианского календаря. В конце XVI–XVII в. поправка составляет 10 суток, в XVIII – 11, в XIX – 12, в XX в. – 13 суток. Для вычисления точной даты необходимо прибавить к дате документа поправку, соответствующую веку.

2. Меры длины.

Самой крупной мерой длины являлась верста. Версты делились на *путевые* и *межевые*: первые использовались для определения расстояния, вторые – при размежевывании земель. Верста межевая равнялась 2 верстам путевым, или тысяче сажень. Верста путевая равнялась 500 сажням. В метрической системе межевая верста равняется 2,160 км, путевая – 1,080 км.

Сажень равнялась 3 аршинам, или 12 четвертям, или 48 вершкам, и составляла 216 см. Таким образом, аршин равнялся 72 см, четверть – 18 см, вершок – 4,5 см.

3. Меры поверхности.

Основной и самой крупной единицей измерения земли являлась десятина. К середине XVII в. официально закрепленный размер десятины составлял 2400 кв. сажень, или в метрической системе 1 га и 1197,44 кв. м.

Десятина состояла из 2 четвертей (или четей). Четверть (четь) делилась по системе двух или по системе трех. По системе двух: на 2 осьмины, осьмина – на 2 полуосьмины, а полуосьмина – на 2 четверика. По системе трех: на 3 третника, 6 полтретников и т. д. $\frac{1}{64}$ часть четверти (чети) составляла малый четверик.

Сенокосные участки измерялись копнами – количеством сена, снимаемым с определенной площади. Известны три вида копен: двухсаженные (или мерные), волоковые и мелкие. Вес мерной копы составлял 15 пудов, волоковой – 10 пудов, мелкой – 5 пудов.

4. Административное деление.

Для удобства управления вотчинами в разное время они делились на мелкие административно-территориальные единицы – стены и присуды.

5. Меры веса.

Основной мерой веса был пуд. Пуд равнялся 16,38 кг. Далее шли фунт – 405,512 г, золотник – 4,267 г и почка – 0,17 г. 10 пудов составляли один берковец, 12 пудов – вошаную четверть, 72 пуда – один ласт.

6. Система денежного счета.

В результате реформы 1535 г. (так называемая денежная реформа Елены Глинской) на основе двух местных денежных систем – московской и новгородской – была создана единая общегосударственная денежная система.

В качестве наиболее крупного счетно-денежного понятия, необходимого для оперирования большими суммами, существовал рубль. В XV в. и до времени правления Алексея Михайловича он уже не выступает как платежная единица, а имеет только счетные функции. В реальности такой монеты в это время не существовало.

Самой крупной монетой после реформы Елены Глинской стала серебряная копейка. Копейку составляли 2 деньги; деньгу – 2 полушки. Несмотря на существование копейки (ее еще называли «новгородкой»), вплоть до начала XVIII в. народ и государственные учреждения признавали только систему старинного «московского» счета на деньгу. 6 денег составляли алтын; 33 алтына и 2 деньги – счетный 200-денежный рубль (или рубль, состоящий из 100 копеек). Кроме рубля существовали также и другие счетные единицы, облегчавшие расчеты: полтина – $\frac{1}{2}$ рубля, полуполтина – $\frac{1}{2}$ полтины, гривна – $\frac{1}{10}$ рубля, грош – 4 деньги.

Реальная платежеспособность выпущенных монет и их соотношение менялись в зависимости от экономической конъюнктуры и политической ситуации в стране. Монеты теряли в весе, обрезались. Появление в период правления Алексея Михайловича рубля, перечеканенного из немецкого талера, привело к тому, что вес его серебра стал соответствовать весу 64 копеек, начали выпускаться медные деньги.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А. Строгановы: Энциклопедическое издание. – М., 2000.
- Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. – Пермь, 1958.
- Богословский П. Подземный ход и археологические раскопки в селе Пыскор Соликамского уезда. – Пермь, 1915.
- Брайцева О. И. Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII вв. 1977.
- Быль Чусовских городков: Краеведческий сборник. – Екатеринбург, 2000.
- Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. – М., 1962.
- Волегов Ф. А. Документы и родословная Строгановых // Пермский край. – Вып. 3. – Пермь, 1895.
- Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. О некоторых результатах археологических исследований пос. Орел в 1993 – 2000-е гг. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик – Омск, 2001.
- Головчанский Г. П. Яйвинский острожек – новый археологический памятник XVI–XIX вв. в пределах уральской вотчины Строгановых // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Вып. 1. – Березники, 2001.
- Дмитриев А. А. Пермская старина. – Вып. 1, 2, 4. – Пермь, 1889–1892.
- Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). – М., 1967.
- Ильинский: Страницы истории / Сост. О. Л. Кутьев. – Пермь, 2004.
- Искусство строгановских мастеров: Реставрация. Исследования. Проблемы. – М., 1991.
- История и культура Добрянского края в XIX–XX вв. – Добрянка, 1994.
- Калинин М. Добрянка. – Пермь, 2000.
- Канторович Г. Искусство глины и огня // Уральский следопыт. – 1970. – № 11.
- Копылов Д. И. Ермак. – Иркутск, 1983.
- Косточкин В. В. Чердынь, Соликамск, Усолье. – М., 1988.
- Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. – М., 1983.

Мельничук А. Ф., Головчанский Г. П. Орел-городок – центр северных строгановских вотчин в период социального и экономического угасания во второй половине XVII – первой половине XVIII в. (по материалам археологических исследований в пос. Орел в 1993 г.) // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья: Матер. Всеросс. научно-практ. конф. – Березники, 1995.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – Т. 1. – М. – Л., 1937.

Мухин В. В. Ермак Тимофеевич. – Пермь, 1957.

Мухин В. В. История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX в. – Пермь, 1978.

Оборин В. А. Орел-городок (по раскопкам Камской археологической экспедиции 1953 – 54 гг.) // Советская археология. – 1957. – № 4.

Оборин В. А. Орел-городок – русский опорный пункт в Прикамье (XVI–XVII вв.) // Ученые записки Перм. ун-та. – 1957. – Т. 10. – Вып. 3.

Оборин В. А. Городки изначальные (по следам Ермака) // Вокруг света. – 1979.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII вв. – Иркутск, 1990.

Оборин В. А., Корчагин П. А., Мельничук А. Ф., Соколова Н. Е. Нижний Чусовской городок: Каталог археологической коллекции. – Ильинский, 1994.

Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района. – Усолье, 1994.

Памятники истории и культуры Пермской области. – Пермь, 1976.

Рогов Н. А. Материалы для истории Пермского заповедного имения графов Строгановых. – Пермь, 1892.

Розен Б. Я. Пермьянка. – Пермь, 1965.

Савич А. А. Прошлое Урала. – Пермь, 1925.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1982.

Словцов И. Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь. – Пермь, 1869.

Соль и освоение края: Матер. научно-практ. конф. – Соликамск, 1986.

Сторонушка Ильинская: Матер. научно-практ. конф. – Ильинский, 1997.

Строгановы и Пермский край: Матер. научн. конф. – Пермь, 1992.

Усолье: мозаика времен. – Пермь, 2004.

Устрялов Н. Г. Именитые люди Строгановы. – СПб., 1842.

Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. – М., 1967.

Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. – М., 1991.

Цыпуштанов В. А. О чем рассказывают памятники // Красное знамя (Усолье). – 1968. – 2 марта.

Чагин Г. Н. На древней пермской земле. – М., 1988.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX в. – Пермь, 1995.

Шилов В. В. Очерки истории династии Строгановых. – Березники, 1995.

Шилов В. В. Рассказы по истории для молодежи Верхнекамья. – Березники, 2000.

Шилов В. В. Первая столица Строгановых в Прикамье: Загадки истории Орла-городка. – Березники, 2001.

Шишонко В. Н. Пермская летопись. 1263 – 1881. – В 7 т. – Пермь, 1881–1889.

Эйриян Т. Из рода Строгановых. – Екатеринбург, 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Начало строгановского землевладения на Урале. XVI в.

Начало рода Строгановых	11
Пермские земли до появления Строгановых на Урале	14
Жалованные грамоты Ивана Грозного Строгановым на уральские земли	21
Строгановские вотчины в XVI в.	27
Пыскор – первый городок Строгановых на Урале	33
Городок Орлов	43
Строгановы на Чусовой	49
Строгановы и Ермак	53
Святой преподобный Трифон Вятский в землях Строгановых	60
Сылвенский, Яйвинский и Очерский острожки	65

Часть вторая. Уральские владения именитых людей Строгановых в XVII в.

Строгановские вотчины в XVII в.	71
Новый сословный статус – «именитые люди»	79
Орел-городок в 1624 г.	82
Орел-городок в XVII в. Его постепенное угасание и перенос	85
Чусовские городки в XVII в.	89
Новое Усолье	95
Пыскор в XVII в.	100
Подземные тайны Пыскара	106
Острожки в XVII в.	112
Ленвенские и Зырянские промыслы	116
Строгановские мастера	123
Духовная культура вотчин Строгановых	130

Часть третья. Строгановские земли в XVIII в.

Строгановы в XVIII в.	139
Село Ильинское – новый административный центр уральской вотчины Строгановых	143
Чусовские городки в XVIII в.	146
Каменное строительство в Усолье	150
Пожары в Усолье	156
Орел в XVIII в. Каменная церковь Похвалы Богородице	160
Пыскорские монастыри в XVIII в.	164
Острожки в XVIII в.	169

Часть четвертая. Строгановские земли в XIX–XX вв.

Дальнейшая судьба строгановских владений	173
Село Ильинское	176
Развитие архитектурного ансамбля Усолья	186
Усолье в XIX в.	195
Чусовские городки:	
промыслы, торговля, медицина и образование	202
Горные заводы Строгановых	209
Основные даты истории Пермской вотчины Строгановых	220
Приложение	
Система летоисчисления, мер и денежного счета	224
Литература	226

Учебное издание

По городам и весям Прикамья

**Григорий Петрович Головчанский
Андрей Федорович Мельничук**

СТРОГАНОВСКИЕ ГОРОДКИ, ОСТРОЖКИ, СЕЛА

В оформлении книги использованы:

иллюстрации из книг «Памятники истории и культуры Пермской области»,
Т. Эйриян «Из рода Строгановых»,
материалы Пермской художественной галереи,
Березниковского историко-художественного музея им. И. Ф. Коновалова,
Ильинского краеведческого музея, Усольского историко-архитектурного музея,
Областного центра охраны и использования
памятников истории и культуры Пермской области,
архива Камской археологической экспедиции
Пермского государственного университета,
а также фотографии из архивов авторов

Редактор А. Зебзеева

Макет и художественное оформление – С. Можаяева

Компьютерное исполнение – Ф. Назаров

Корректор Г. Борсук

Подписано в печать 10.11.04. Формат 60Х90¹/₁₆.
Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ № 4031.

Издательство «Книжный мир».
Лицензия ИД № 04155 от 02.03.01 г.
614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 66, тел./факс 12-16-87.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Г 61 Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села. –
Пермь: Книжный мир, 2005. – 232 с. с ил. – (По городам и весям Прикамья).

ISBN 5-93824-055-7

Книга знакомит с историей и культурой строгановских поселений в Прикамье. Издание опирается на многочисленные документы разных эпох, богато иллюстрировано. Выходит в серии «По городам и весям Прикамья», адресованной школьникам, педагогам, а также всем, кто интересуется Пермским краем.

ББК 63.3